

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Кукиль Николай Владимирович

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ (КОНЕЦ
XIX В. – НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

5.6.1. – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Соловьев Константин Анатольевич

Москва 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Комплекс условий и факторов, оказывавших влияние на выработку российским руководством политических решений в отношении кайзеровской Германии в конце XIX в. – первой половине 1914 г.	41
1.1. Влияние культурно-исторических, социально-политических, дипломатических и династических факторов на эволюцию политики России в отношении Германии в конце XIX – начале XX вв.....	41
1.2. Роль экономических факторов в решении российской правящей элитой германского вопроса в конце XIX – начале XX вв.....	84
Глава 2. Место и значение германского вопроса в политической жизни России рубежа XIX-XX вв.: теоретический и управленческий дискурс.....	114
2.1. Политико-управленческая элита России. Её участие в рассмотрении германской проблемы на рубеже XIX-XX вв.	114
2.2. Политическое противоборство внутри российского руководства в оценке потенциальной германской угрозы на рубеже XIX-XX вв.....	143
Заключение	191
Список источников и литературы	195

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время проблема российско-германских отношений выходит на одно из первых мест в контексте взаимоотношений России с Евросоюзом, а само по себе европейское направление является краеугольным камнем во внешней политике России¹. Осмысление роли и значения так называемого «германского вопроса» в политической жизни России позволяет лучше понять роль и значение внешних факторов для внутренней политики не только в прошлом нашей страны, но и в современных реалиях. Понятие «политическая жизнь», которое применяется в данном исследовании, охватывает:

- формирование устойчивых «центров влияния» в политической элите страны;
- идейно-политическое противоборство по «германскому вопросу» между выявленными центрами влияния, выразившееся в оценках, которые в письменной и устной форме давались лидерами конкурирующих политических групп;
- набор применяемых для решения «германского вопроса» (в пользу тех или иных «центров влияния») политических инструментов.

С усилением динамики процессов глобализации, в которой нынешнее российское руководство стремится принять активное участие, фактор взаимодействия со странами – лидерами мировых процессов – будет играть всё более значимую роль.

Кроме того, имеет значение рост политической активности граждан Российской Федерации, что актуализирует ранее не востребованные мнения

¹ Неймарк М.А. Евросоюз в концептуальных обоснованиях внешней политики России // Современная Европа. 2020. № 3. С. 28.

и точки зрения по поводу взаимодействия со странами Европейского союза, одним из лидеров которого является Федеративная Республика Германия².

Традиционное для отечественной исторической науки объяснение истории взаимоотношений России и Германии в конце XIX – начале XX вв. опирается на подходы, разработанные в марксистской историографии более полувека назад. Возникает необходимость обновления методик исследования, расширения круга изучаемых в данной проблематике вопросов. В этой связи требуется подробное изучение собственно процесса принятия политических решений российскими правящими кругами по отношению к Германии в обозначенный временной промежуток.

В настоящее время разработка и принятие тех или иных государственных решений, в том числе и по вопросам сотрудничества с другими странами осуществляется как в институциональном поле, так и в ходе неформального политического общения наиболее значимых акторов. А.И. Соловьев пишет: «Как действующий субъект политики государство интегрирует широкий спектр акторов, участвующих в производстве решений. В их число входят не только статусные игроки госаппарата, но и международные контрагенты, обладающие возможностями воздействия на позиции властей, а также те, кто относится к категории гражданских лиц и структур, например, “теневые общественные администраторы”, действующие в частной среде, но способные активно влиять на позиции государственных топ-менеджеров»³. Такого же рода спектр участников политического взаимодействия в элите мы можем наблюдать в Российской империи конца XIX – начала XX вв. Опыт такого взаимодействия, пропущенный через понимание того, как различные факторы внутреннего и международного характера влияли на формирование и деятельность групп интересов, должен быть полезен и поучителен в современном мире. Политическая история России рубежа XIX-XX вв. с ее

² Белов В.Б. Хозяйственно-политическая роль Германии в Евросоюзе // ИЕ РАН. 2019. № 4. С. 95.

³ Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 130-131.

методологическими особенностями актуальна для исторического сообщества⁴.

Нужно также отметить, что разработка политики России в отношении Германии затрагивает внешнеполитические и дипломатические аспекты выбранной темы исследования, которые не стоит отождествлять. Дипломатию целесообразно расценивать как специфическое направление внешнеполитической доктрины государства. Эффективность сложных дипломатических комбинаций, в рамках разработки и реализации которых проявлялось соперничество между Российской империей и кайзеровской Германией в рассматриваемый период, находилась в зависимости от внешней и внутренней прочности существовавших в этих странах монархических форм правления, имевших консервативно-охранительный характер.

Объектом исследования является политическая элита России конца XIX – начала XX вв., имевшая отношение к постановке и решению «германского вопроса».

Под «германским вопросом» в данном исследовании понимается:

- комплекс проблем и противоречий, которые формировались в отношениях между Россией и Германией в рассматриваемый период;
- выявление и обоснование этих проблем и противоречий, с точки зрения сложившихся в данное время «центров влияния», оказывавших воздействие на принятие политических решений в России;
- варианты предлагаемых решений по преодолению выявленных проблем и противоречий, формируемые «центрами влияния» в политической элите России.

Особую роль в решении «германского вопроса» играло политическое противоборство в оценке экономического и военного потенциала Германии, что отражено в структуре диссертации.

⁴ Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 9.

Предмет исследования – формирование российским руководством политики по отношению к Германии в конце XIX – начале XX вв. При всем разнообразии определений «политики» нами выбрана та сторона этого понятия, которая связана с процессом разработки и принятия управленческих решений, связанных общим целеполаганием в сфере государственного управления. В данном случае эта сфера – взаимодействие Российской империи и Германии в крайне сложных условиях многополярной борьбы государств за первенство в Европе, а значит во всем мире.

Хронологические рамки исследования – это конец XIX в. – первая половина 1914 г. Они объясняются наличием важных исторических условий и факторов, которые воздействовали на протекание изменений в России и Германии внутри- и внешнеполитического характера. Нижняя хронологическая граница исследования связана с коренным поворотом в политическом курсе России в отношении Германии, который наметился в 1890-е гг. Этот поворот можно объяснить стремлением Николая II и его окружения продолжать начатую Александром III политику сближения с Францией, а также изменением взглядов российского руководства на складывавшуюся в рассматриваемый период дипломатическую конъюнктуру, что предполагало пересмотр традиционных русско-германских отношений.

Указанные факторы вызывали негативное отношение германского руководства, которое проявилось в уклонении кайзера от предоставления России официальных гарантий помощи и поддержки, что иногда противоречило соглашениям, достигнутым Россией и Германией.

Верхний хронологический порог исследования обусловлен объявлением кайзеровской Германией войны России 19 июля (1 августа) 1914 г.

Историографический обзор отражает степень изученности обширного перечня проблем, который содержится в публикациях как отечественных, так

и зарубежных историков, а также прямым и косвенным образом связан с рассматриваемой тематикой.

При подробном изучении особенностей трансформации взаимоотношений между Российской империей и кайзеровской Германией на рубеже XIX–XX вв., необходимо отметить их неоднозначность и противоречивость, обусловленную явным несоответствием между пожеланиями сохранить добрососедские связи и реальным ухудшением внешнеполитической обстановки. Комплекс проблем, связанный с ростом напряженности в российско-германских отношениях в указанное время, вызывал аналитический интерес у интеллигенции, у представителей политической элиты, которые были свидетелями столь значительных событий, приведших к началу I мировой войны.

Последнее десятилетие XIX в. можно расценивать как историческую веху, знаменовавшую собой начало коренного пересмотра смысла и сущности достаточно тесных взаимоотношений между Россией и Германией, гарантом прочности и долговечности которых длительное время были общие традиции консерватизма, монархизма и легитимизма.

Быстро растущий антагонизм, настойчиво проявлявшийся даже в личном общении двух монархов, отразился на экономическом сотрудничестве, на изъявлении общественного мнения, на оценках роли России и Германии в мировой истории, формировавшейся в академической среде, и, что особенно важно, на протекании процессов принятия политических решений в России, затрагивавших сферу отношений с Германской империей.

Важно отметить, что поляризация мнений по поводу характера отношений между Россией и Германией, а также причин их ухудшения в преддверии Первой мировой войны присуща и отечественным, и зарубежным историкам. В силу наличия большого спектра противоречий данную проблематику нельзя считать в настоящее время полностью

исчерпанной. Существует целый ряд аспектов, нуждающихся в более детальном рассмотрении.

Историография рассматриваемой проблематики делится по проблемно-хронологическому принципу на три основных этапа: дореволюционный, советский и современный. Это позволяет выявить конкретные изменения в методологических и концептуальных подходах к изучению данной темы, а также отражает эволюцию научных взглядов на сущность и характерные черты российско-германских отношений.

Когда заходит речь о научной литературе рубежа XIX–XX вв., то необходимо помнить о том, что многие авторы, будучи современниками и свидетелями протекавших событий, с учетом бурной динамики которых затруднительно было дать точную характеристику российско-германским отношениям, не имели возможности полностью от них дистанцироваться, а потому их оценки были скорее политическими, чем историческими. В связи с этим требуется сделать небольшое замечание: объективная и беспристрастная историческая критика в тех условиях, когда необходимо было, руководствуясь интересами обеспечения собственной безопасности, экономической выгоды, а также заботой о сохранении высоких государственных постов, отслеживать сложную внутривнутриполитическую обстановку и степень влияния на неё германского фактора, была редким явлением. Она преимущественно встречалась у тех исследователей, которые искали возможность абстрагироваться от негативного воздействия политической конъюнктуры на интеллектуальную деятельность.

Работа П.Н. Милюкова «Балканский кризис и политика А.П. Извольского»⁵ содержит публицистические оценки внешнеполитических успехов и неудач российского руководства. Его труды по истории России и Германии, а также международных отношений можно отнести к той части дореволюционной историографии взаимоотношений

⁵ Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб.: типография т-ва «Общественная польза», 1910.

между Российской и Германской империями, которая претерпевала значительную ревизию накануне Первой мировой войны. Более существенными для раскрытия германской проблемы являются публикации А.К. Дживелегова⁶, Ю.С.Карцова⁷, С.П. Мельгунова⁸, С.Ф. Шарапова⁹ и Л.В. Новгородцева¹⁰.

А.К. Дживелегов в работе «История современной Германии» косвенно затрагивает изучаемую проблематику, но им рассмотрены, что очень важно, стремительные процессы объединения Германии «сверху», завершившиеся 18 января 1871 г., что служит определенным историческим фоном для бурных событий конца XIX – начала XX вв.

Публикация Ю.С. Карцова «В чём заключаются внешние задачи России» содержит характеристику главных направлений внешнеполитической доктрины Российской империи, её основных приоритетов, к числу которых автор относит сохранение сдержанно-дружественных отношений с кайзеровской Германией, поддержание так называемой монархической солидарности, осторожные шаги в сфере установления контактов с буржуазными демократиями. Отличительной особенностью рассматриваемой работы можно также назвать то, что Ю.С. Карцов, говоря о выборе средств внешней политики, сделал попытку соотнесения формы правления, которая существует в конкретном государстве в определенный исторический период, и методов, применяемых при решении важных внешнеполитических задач. По этому поводу он сформулировал тезис: «В деспотиях и абсолютных монархиях внешняя политика находит воплощение в личности государя. В олигархиях и

⁶ Дживелегов А.К. История современной Германии. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908-1910.

⁷ Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб.: типография «Санкт-Петербург. вед.», 1908.

⁸ Мельгунов С.П. Последний самодержец: (Черты для характеристики Николая II). М.: «Задруга», 1917.

⁹ Шарапов С.Ф. С Англией или с Германией? Обмен мыслей между С.Ф. Шараповым и М.О. Меньшиковым. М.: «Свидетель», 1908.

¹⁰ Новгородцев Л.В. Германия и её политическая жизнь. СПб.: «Знание», 1904.

аристократических республиках она обуславливается материальными интересами правящей группы. В демократиях, где поле действия шире, чтобы народную массу привести в движение, пускаются в ход различные способы: ей указывают на выгоды, которые ей даст победа, или стараются разжечь в ней страсти национальные и религиозные...»¹¹.

В круг научных интересов С.Ф. Шарапова входили проблемы сложного и противоречивого процесса формирования российской внешней политики, а также выбор её ключевых направлений в преддверии тяжелых военных испытаний.

Публикация Л.В. Новгородцева «Германия и её политическая жизнь» предоставляет информацию об особенностях различных направлений и тенденций во внутриполитическом развитии кайзеровской Германии в начале XX в. Автор анализирует, в первую очередь, парламентскую борьбу между либеральными и консервативными политическими группировками, которые располагали приблизительно равной степенью влияния и могли надеяться на равный уровень доверия среди немецких избирателей.

Работа историка и политического деятеля С.П. Мельгунова «Последний самодержец: (Черты для характеристики Николая II)» впервые была опубликована в 1917 г. «по горячим следам» завершившегося царствования, подведшего черту под историей российской монархии. Автор подчеркивает, что кайзер относился к Николаю II без должного уважения, и это негативно отражалось на русско-германских отношениях, которые не отличались особой прочностью. С.П. Мельгунов изучил управленческие качества Николая II, его личный вклад в принятие важнейших политических решений.

Курс лекций известного русского философа и историка В.Ф. Эрна, который был опубликован под общим названием «Время славянофильствует.

¹¹ Карцов Ю.С. Указ. соч. С. 11.

Война, Германия, Европа и Россия»¹², был ориентирован на изучение глубинных культурно-исторических и этнологических факторов, обеспечивших успешную пропаганду официального панславизма. В.Ф. Эрн проявлял интерес к росту славянского национализма накануне и на первом этапе Первой мировой войны, который был направлен на борьбу с притязаниями германской нации, стремившейся подчинить своему влиянию все народы Европы.

Таким образом, можно утверждать, что дореволюционные историки и публицисты стремились к объективным оценкам современных им российско-германских отношений, но их политические взгляды и прямое участие в идейной борьбе того времени вносили в их труды значительную долю субъективности. Сильной стороной историографии рубежа XIX-XX вв. можно считать разработку личностного фактора во внешней политике России. Особенно выделена роль самого Николая II. Также достаточно хорошо освещена деятельность российского министерства иностранных дел в указанный исторический период. Наряду с этим слабо отражены в исторической литературе экономическая и культурная составляющие отношений между Россией и Германией, от которых зависел выбор путей их эволюции.

В советский период своего развития историческая наука переживала сложное время, что было связано с идеологическим давлением со стороны партийных и государственных органов. При этом справедливо будет отметить, что ранние марксистские труды по историографии российской монархии содержат элементы рационального научного знания, которые впоследствии были заменены на идеологические штампы из-за усиления политической конъюнктуры.

¹² Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: типография товарищества И.Д. Сытина, 1915.

В 1920-х – первой половине 1930-х гг. имела место критика исторической науки в том виде, в котором её преподносила классическая школа. Советские ученые, отказываясь от чуждой «буржуазной» истории, создавали взамен новейшую «истинную» историю, наполненную классовым содержанием.

Главным историком-марксистом в указанный период являлся М.Н. Покровский¹³, который оценивал внешнюю политику и дипломатию царской России с материалистических и классовых позиций. По мнению М.Н. Покровского, официальная идеология, как правило, зависит от реальной политики государства¹⁴.

Постепенная легализация истории как научной и учебной дисциплины сопровождалась плодотворными исследованиями, среди которых интересующую нас проблематику разрабатывали Е.В. Тарле¹⁵ и Н.М. Лукин-Антонов¹⁶, отстаивавшие свои позиции в условиях официальной идеологической доктрины. Е.В. Тарле считал главным виновником развязывания Первой мировой войны Германию, что не соответствовало взглядам М.Н. Покровского, который основную ответственность возлагал на страны Антанты¹⁷.

Не были освобождены от прямого и косвенного идеологического контроля труды историков, которые специализировались на изучении проблем дипломатических взаимоотношений между великими державами, подвергавшихся значительным изменениям после провозглашения Германской империи в 1871 г. К числу работ по дипломатической тематике

¹³ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. ст. М.: «Красная новь», 1923.

¹⁴ Там же. С. 390.

¹⁵ Тарле Е.В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира 1814–1919 гг. Л.: «Прибой», 1927.

¹⁶ Лукин-Антонов Н.М. Очерки по Новейшей истории Германии 1890–1914 гг. Л.-М.: Госиздат, 1925.

¹⁷ Фишер Л.А. Проблема черноморских проливов в российско-германских дипломатических отношениях в 1908-1914 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / СПб., 2008. С. 9.

можно отнести публикации А.С. Ерусалимского «Германский «кошмар коалиций»»¹⁸, «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в.»¹⁹, «Германская история в Новое и Новейшее время»²⁰, Ф.И. Нотовича «Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг.»²¹, монографию «Европа в эпоху империализма. 1871-1919 гг.»²², написанную Е.В. Тарле, краткий исторический очерк «Как развивался германский империализм»²³, подготовленный В.М. Хвостовым, а также коллективный труд «История дипломатии: дипломатия в Новое время (1872-1919 гг.)»²⁴, где содержится анализ методов тайной дипломатии, которые применялись великими державами в торговых, финансовых и колониальных целях. Данные исследования указывают на колониальный передел мира как на главный фактор, определивший направления развития международных отношений в Европе на рубеже XIX – XX вв.

Российские правящие круги, по мнению А.С. Ерусалимского, В.М. Хвостова и Е.В. Тарле, пристально следили за ростом германского влияния в постепенно распадающейся Османской империи, где у России имелись собственные геополитические интересы. Рассматриваемые работы содержат сведения о том, что после Младотурецкой революции 1908-1909 гг. активизировались притязания германского капитала в этом регионе, противоречившие российским планам установления контроля над черноморскими проливами.

¹⁸ Ерусалимский А.С. Германский «кошмар коалиций». Л.: Госполитиздат, 1943.

¹⁹ Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

²⁰ Ерусалимский А.С. Германская история в Новое и Новейшее время. М.: «Наука», 1970. Т. 1.

²¹ Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947.

²² Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 5.

²³ Хвостов В.М. Как развивался германский империализм. М.: Госполитиздат, 1943.

²⁴ История дипломатии: дипломатия в Новое время (1872-1919 гг.). Т. 2. / Сост.: И.И. Минц, В.М. Хвостов; под ред.: Потемкин В.П. М.-Л.: Госполитиздат, 1945.

А.С. Ерусалимский и Е.В. Тарле описывают быстрый процесс монополизации капиталистической экономики, непомерный рост колониальных притязаний, особенно у кайзеровской Германии, борьбу за источники сырьевых ресурсов и новые рынки сбыта промышленной продукции, которая была выгодна крупной буржуазии. А.С. Ерусалимский в работе «Германский империализм: история и современность» выдвигает небезосновательный тезис о том, что Россия, будучи великой европейской державой, должна была действовать по правилам межимпериалистической системы взаимоотношений: «...Экономические и политические противоречия между российским и германским империализмом оказались сильнее, чем общность династических интересов Гогенцоллернов и Романовых»²⁵.

Ф.И. Нотович, исследуя в указанной выше монографии возникновение и развитие феномена пангерманизма, а также его шовинистическую идеологическую базу, пришел важным для понимания этих процессов выводом. Он писал в 1947 г. об агрессивных планах теоретиков пангерманизма, рассчитанных на последовательное осуществление политики территориальных захватов и на превращение кайзеровской Германии в мировую империю: «С начала 90-х годов прошлого века и до Первой мировой войны пангерманские лжеученые разработали обширную программу германских территориальных захватов во всём мире...»²⁶. Согласно этой широкой программе грабежа, представители германского империализма планировали достигнуть в ближайшей войне следующих результатов: «Завоевать и подчинить себе континентальную Европу, оттеснить Россию и переселить всех восточных, западных и южных славян за Урал; оттеснить Францию и переселить народы романо-французской ветви

²⁵ Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. М.: «Наука», 1964. С. 141.

²⁶ Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. С. 4.

по ту сторону Вогезов и за реку Сомму и сделать «границы Европы границами Германии»²⁷.

Отдельно необходимо выделить внешнеполитическую сторону заявленной тематики. В рамки подобного подхода встраиваются работы А.В. Игнатьева «Внешняя политика России в 1905–1907 гг.»²⁸, С.Д. Сказкина «Конец австро-русско-германского союза. 1879-1885.»²⁹, Н.И. Копычева «Таможенный тариф 1902 г. и русско-германские отношения»³⁰, Ф.А. Ротштейна «Международные отношения в конце XIX века»³¹, А.М. Зайончковского «Мировая война 1914-1918 гг.»³², Г.Л. Бондаревского «Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. (1888-1903)»³³, К.Б. Виноградова «Боснийский кризис 1908-1909 гг. - пролог Первой мировой войны»³⁴, А.С. Силина «Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке в конце XIX в.»³⁵, И.В. Бестужева «Борьба в России по вопросам внешней политики (1906-1910)»³⁶, А.И. Звавича «Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны»³⁷, А.Л. Сидорова «Первая мировая война. 1914-1918»³⁸, а также А.С. Аветяна

²⁷ Там же. С. 4-5.

²⁸ Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: «Наука», 1986.

²⁹ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. 1879-1885. М.: «Наука», 1974.

³⁰ Копычев Н.И. Таможенный тариф 1902 г. и русско-германские отношения. // Ученые записки Псковского государственного педагогического института. 1964. Вып. 19. С. 233-267.

³¹ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

³² Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. М.: Гос. военное изд-во, 1938.

³³ Бондаревский Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. (1888-1903). Ташкент: Госиздат УзССР, 1955.

³⁴ Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. – пролог Первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1964.

³⁵ Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке в конце XIX в. М.: «Наука», 1971.

³⁶ Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики (1906-1910). М.: Изд-во АН СССР, 1961.

³⁷ Звавич А.И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962.

³⁸ Сидоров А.Л. Первая мировая война. 1914-1918. М.: «Наука», 1968.

«Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910-1914 гг.»³⁹. В этих публикациях отражены различные аспекты и главные приоритеты внешнеполитической деятельности Романовых и Гогенцоллернов. К историографии внешней политики можно отнести системные труды таких известных отечественных специалистов в данной отрасли, как К.Д. Петряев⁴⁰, В.И. Бовыкин⁴¹ и В.П. Прокопьев⁴².

К.Д. Петряев исследует внешнеполитическую деятельность германского руководства в 1871–1914 гг., называя одним из её основных приоритетов сохранение сдержанных отношений с Россией ради выполнения задачи укрепления позиций в Европе. Вильгельм II, как пишет К.Д. Петряев, надеялся на максимальные уступки со стороны российского императора⁴³.

В работе В.И. Бовыкина «Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. – 1917 г.» описано стремление России занять свое достойное место на мировой арене, а также подтвердить статус великой европейской державы. Для этого российские правящие круги не упускали возможности лавирования, пытались играть на противоречиях между Германией, Великобританией и Францией. Оформление франко-русского союза в 1891–1893 гг. не означало полного разрыва отношений с кайзеровской Германией. Политическая элита понимала, что престиж страны зависит от ее финансового потенциала, и стремилась к тому, чтобы развивавшийся российский капитализм находился в безопасном и благоприятном положении. Этого можно было достигнуть путем получения французских

³⁹ Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910-1914 гг. М.: «Наука», 1985.

⁴⁰ Петряев К.Д. Курс лекций по истории Германии, Франции, Англии, Ирландии и США. 1871–1914 гг. Киев: Изд-во Киевского университета, 1958 - 1960.

⁴¹ Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. – 1917 г. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1960.

⁴² Прокопьев В.П. Армия и государство в истории Германии X–XX вв. Историко-правовой очерк. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

⁴³ Петряев К.Д. Курс лекций по истории Германии, Франции, Англии, Ирландии и США. 1871-1914 гг. С. 32.

кредитов при одновременном сохранении большого потока германских инвестиций в экономику России.

В.П. Прокопьев акцентирует внимание на так называемом «пруссачестве», а также на политико-правовых аспектах его возникновения и утверждения в массовом сознании немцев. Как считает автор, в развитии германской государственности особую роль играл милитаризм с немецкой спецификой. Без постоянного наращивания военной мощи немецкий народ никогда бы не сумел преодолеть этап политической раздробленности и не достиг бы национального единства. Благом для него было объединение Германии под властью Пруссии в 1871 г. Именно дух прUSSачества и активный процесс милитаризации склонял германское руководство к решению всех проблем преимущественно военными методами, хотя в Германии в указанное время была развита социал-демократия, представители которой отстаивали идею мирного и эволюционного развития государства. Это вступало в противоречие с мирными инициативами Николая II, которые, к его разочарованию, не пользовались всеобщей поддержкой⁴⁴.

Крупный германист А.С. Аветян, напротив, гораздо больше труда и творческих сил вложил в разработку дипломатических аспектов русско-германских взаимоотношений, выпустив соответствующую публикацию «Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910-1914 гг.». В данной работе раскрывается противоречие между «джентльменской» вежливостью, заверениями в вечной дружбе и официальными гарантиями взаимопомощи с одной стороны, а с другой - общей атмосферой враждебности, подозрительности, недоверия, которые усугублялись подрывной разведывательной деятельностью. Автор подчеркивает лицемерный характер дипломатических связей и отношений между монархиями Романовых и Гогенцоллернов.

⁴⁴ Прокопьев В.П. Армия и государство в истории Германии X-XX вв. Историко-правовой очерк. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

Проблематике рабочего движения, классовым противоречиям, а также ключевым вопросам регулирования взаимоотношений между немецкими рабочими и предпринимателями, влиявшим на политику российского руководства в отношении Германии, посвящены работы советских историков Б.А. Айзина⁴⁵ и А.Б. Цфасмана⁴⁶. Эти публикации отражают повышенный интерес российской правящей элиты к данным аспектам германской внутриполитической действительности в указанный исторический период, которому присущи преобладание наиболее одиозных форм монополистического капитализма и, как следствие, тенденция к нестабильной обстановке в социальной сфере. Указанные авторы доказывают, что квалифицированные немецкие рабочие, опережавшие своих российских коллег по уровню распространения в своей среде профессиональных знаний, далеко не всегда располагали возможностью в полной мере принять умеренную тактику парламентских дискуссий в борьбе за достижение своих экономических и политических целей, что подразумевало отказ от революционной идеологии и радикализма. Активность немецких рабочих была отражением политической деятельности германской социал-демократии, пытавшейся приспособиться к кайзеровскому режиму.

Характеризуя советскую историографию рассматриваемой проблемы, нужно обозначить следующие выводы: в ней четко разработаны аспекты дипломатических взаимоотношений России и Германии, внешнеполитической доктрины России по отношению к Германии, проблемы, обусловленные рабочим движением. Отдельный блок публикаций посвящен феномену германского империализма. Важное место уделено освещению прямой связи между экономическими и внешнеполитическими контактами Российской и Германской империй. Советские историки были

⁴⁵ Айзин Б.А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903-1906 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1954.

⁴⁶ Цфасман А.Б. Классовая борьба в Германии в период империализма. 1900-1945 гг. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного педагогического института, 1988.

обязаны опираться на марксистско-ленинскую методологию, но данный фактор не умаляет научной ценности их публикаций по тематике российско-германских отношений.

Историография рассматриваемой проблемы после 1991 г. должна изучаться с учетом ряда значимых моментов. Во-первых, ликвидация идеологических ограничений неоднозначно повлияла на научную деятельность отечественных историков, так как не было ясно, в каком направлении они дальше будут работать. Во-вторых, наметилась тенденция к более сдержанным оценкам и подходам к истории русско-германских взаимоотношений на рубеже XIX–XX вв. В-третьих, современные российские историки имеют возможность применять более широкий набор методик и приемов в своих научных исследованиях, активно используя достижения современной зарубежной исторической мысли.

Профессиональных историков и отчасти публицистов последних двух десятилетий занимают, в целом, те же проблемы рассматриваемой тематики, что и на советском этапе. Во-первых, это разносторонние аспекты внешнеполитической деятельности лидеров Российской и Германской империй накануне Первой мировой войны, которая в настоящее время достаточно редко и осторожно именуется империалистической, причем гораздо более употребителен термин «забытая война». Во-вторых, дипломатические вопросы, которым тоже уделяется повышенное внимание. В-третьих, это, разумеется, обращение к личной, мемуарной истории. Среди публикаций, предметом научного анализа которых является дипломатия, стоит назвать работы Г.А. Хидоятова «Дипломатия XX века»⁴⁷, Е.В. Сафроновой «Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII–начале XX вв.»⁴⁸, Е.В. Низаловой «Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–

⁴⁷ Хидоятов Г.А. Дипломатия XX века. М.: СМИ - АЗИЯ, 2010.

⁴⁸ Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX вв. СПб.: Юрид. центр пресс., 2002.

1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы»⁴⁹, где обозначены и проанализированы проблемы, связанные с резким изменением международной обстановки, а также с процессом выработки дипломатической линии России в отношении Германии и его несомненными трудностями. Авторы выделяют ведущие направления российских дипломатических усилий, которые сформировались на рубеже XIX-XX вв.: это сосуществование с Великобританией с пропорциональными ей имперскими амбициями, особые отношения с Германией при опоре на династические и экономические связи, а также активное участие в решении Восточного вопроса и судьбы черноморских проливов.

Что касается диссертации Е.В. Низаловой, то выбранная ею тема исследования интересна благодаря династическому аспекту деятельности российской дипломатической элиты. Важен проведенный автором анализ материалов, предоставленных российской и европейской прессой, которые стоит квалифицировать как ценный исторический источник.

Историография проблемы рубежа XX-XXI вв., как и на советском этапе, предполагает обязательное рассмотрение внешнеполитической составляющей. Важнейшие аспекты активной внешней политики России и Германии в конце XIX – начале XX вв., их тесная взаимосвязь с внешними доктринами других великих держав изучены в работах А.И. Уткина⁵⁰, Е.Ю.Сергеева⁵¹, а также А.В. Игнатьева⁵², О.Р. Айрапетова⁵³, А.А. Улуняна⁵⁴ и Б.М. Туполева⁵⁵.

⁴⁹ Низалова Е.В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / СПб., 2007.

⁵⁰ Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: «Русич», 2000.

⁵¹ Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 г. Новые аспекты. // Новая и Новейшая история. 2007. № 5. С. 50-64.

⁵² Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3-25.

⁵³ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801 - 1914). М.: Изд-во «Европа», 2006.

Статья А.В. Игнатьева «Последний царь и внешняя политика» посвящена исследованию результатов личного участия Николая II в решении внешнеполитических задач, стоявших перед Российской империей. Центральное место в указанной публикации занимают те аспекты внешней политики, которые оказывали серьезное воздействие на характер взаимоотношений между Россией и Германией, в равной степени влиявших на выработку российскими и германскими правящими кругами выгодной для себя торгово-экономической доктрины. Применительно к возможности сотрудничества с США у российского и германского монархов возникали разногласия и противоречия, которые требовалось улаживать на официальном уровне. А.В. Игнатьев обратил на это внимание в рассматриваемой статье: «...В конце июля 1897 г. Петербург посетили Вильгельм II и германский статс-секретарь по иностранным делам Б. Бюлов. В связи с обсуждением торговых взаимоотношений, немецкая сторона выдвинула идею европейского таможенного союза против США, только что принявших протекционистский тариф. Но ухудшение отношений с Америкой не отвечало интересам России. С.Ю. Витте предложил взамен совместные таможенные меры континентальных государств Европы против всех заокеанских стран, включая Англию. Однако это не устроило германских политиков...»⁵⁶. Приведенные слова автора указывают на то, что прочность российско-германских отношений находилась в прямой зависимости от взаимной уступчивости полномочных лиц, назначаемых Николаем II и Вильгельмом II для ведения переговоров по решению проблем, связанных с ускоренным ростом американского торгово-экономического потенциала.

В работе О.Р. Айрапетова «Внешняя политика Российской империи

⁵⁴ Улунян А.А. Балказия и Россия = Balkasia and Russia: Структура угроз национальной безопасности Российской империи и на Балканах, в Центральной и Передней Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900-1914 гг.). М., 2002.

⁵⁵ Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2002. № 4. С. 27-46.

⁵⁶ Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика. // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 5.

(1801-1914)» стремление России к обеспечению благоприятного режима черноморских проливов отнесено к стратегическим причинам её внешнеполитической активности⁵⁷. Автор отметил особую роль германского фактора во внешней политике России накануне Первой мировой войны. Официальные российские протесты против германской военной миссии в Турции, которую возглавил генерал-полковник О. Лиман фон Сандерс в конце 1913 г., воспринимались кайзером Вильгельмом II как неопровержимое доказательство враждебного отношения России к Германии⁵⁸. Нужно отметить, что восприятие кайзера далеко не всегда соответствовало действительности. Балканский аспект внешней политики России с точки зрения общественного мнения раскрыт в диссертации Е.Г. Костриковой⁵⁹.

Статус и значение Турции в системе международных отношений не были четко определены вплоть до Боснийского кризиса 1908 - 1909 гг. И Россия, и Германия с конца XIX в. вели переговоры о сотрудничестве с Османской империей, имея геополитические планы, которые резко противоречили друг другу. А.В. Болдырев пишет по этому поводу: «Россия добивалась установления благоприятного для себя режима черноморских проливов, и это было воспринято в Стамбуле как посягательство на государственный суверенитет Турции»⁶⁰. Политика России по отношению к Турции, как отмечено в статье А.В. Болдырева, во многом способствовала успехам германского капитала в этой стране. Ещё в 1899 г. российской дипломатии стало ясно, что влияние Вильгельма II на турецкого султана со временем будет возрастать⁶¹.

⁵⁷ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801 - 1914). С. 3.

⁵⁸ Там же. С. 585.

⁵⁹ Кострикова Е.Г. Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны: 1908-1914 гг.: диссертация доктора исторических наук: 07. 00. 02. / М., 2011.

⁶⁰ Болдырев А.В. Россия, Турция и проблема Черноморских проливов в 1898 - 1908 гг. // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. С. 392.

⁶¹ Там же. С. 391.

В статье Б.М. Туполева «Происхождение Первой мировой войны» классифицированы по степени важности причины этого глобального конфликта, среди которых автор особенно выделяет комплекс англо-германских противоречий, негативно отразившихся на взаимоотношениях между Россией и Германией. Предвоенный период отличался также тем, что не только германское, но и российское руководство, как правило, заблуждалось, оговаривая гарантии, которые должны были предоставлять стратегические союзники в случае военной опасности, и допускало ошибки в своих попытках вести двойную дипломатическую игру. Доказывая эти положения, Б.М. Туполев приводит в пример подписание российской и германской сторонами Бьёркского договора в июле 1905 г., который фактически не имел серьёзных последствий и быстро утратил юридическую силу: «...В конечном счёте, договор в Бьёрке потерпел фиаско из-за сопротивления, оказанного ему в российском правительстве. Там прекрасно понимали, что заключение союза с Германией без оповещения об этом Франции обесценит франко-русский союз и полностью подчинит Россию германским интересам. Получение Россией займа в Париже укрепило ослабевший во время русско-японской войны франко-русский союз и сопровождалось усилением антигерманских настроений в стране...»⁶².

Экономическая сторона российско-германских отношений конца XIX – начала XX вв. раскрыта в работах Ю.Ф. Субботина «Россия и Германия: партнеры и противники. (Торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.)»⁶³ и В.И. Бовыкина «Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны»⁶⁴.

⁶² Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2002. № 4. С. 28.

⁶³ Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (Торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М.: ИРИ, 1996.

⁶⁴ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: «РОССПЭН», 2001.

Ю.Ф. Субботин придает большое значение торговым договорам, заключенным в 1894 и 1904 гг., в которых зафиксирована потребность Германии от поставок российского зерна (преимущественно ржи) с одной стороны и острая зависимость России от импорта немецких станков и оборудования. Таможенная война, по мнению Ю.Ф. Субботина, наносила одинаковый экономический ущерб и России, и Германии. Указанные договоры обстоятельно рассматриваются и анализируются Б.С. Котовым⁶⁵, который приходит к аналогичным выводам.

Таким образом, Россия, которая под давлением кайзеровской Германии отказалась от автономного таможенного тарифа согласно договору, заключенному в Берлине 29 января (10 февраля) 1894 г., попадала в зависимость от германского экспорта, так как российские товары при понижении таможенных пошлин утрачивали конкурентоспособность по отношению к ввозимым в страну произведениям более развитой и совершенной немецкой промышленности.

Стоит выделить работу А.И. Патрушева «Германская история»⁶⁶, которая посвящена изучению истории Германии с древнейших времён. Автор в сжатой форме рассматривает важнейшие этапы германской истории, а также те факторы, которые можно назвать судьбоносными для немецкого народа и становления его государственности.

А.Ю. Ватлин в своей работе «Германия в XX веке» объективно анализирует характерные для кайзеровской Германии внутривнутриполитические проблемы и противоречия, которые обострились накануне Первой мировой войны. В перечне этих проблем особое место занимали национальный вопрос и либеральные тенденции в германской общественно-политической жизни, которые представляли интерес для российской элиты и по поводу которых в России велись регулярные политические дискуссии: «Конституция,

⁶⁵ Котов Б.С. Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX-XX вв. (На примере хлебной торговли). // Россия и современный мир. 2019. Россия вчера, сегодня, завтра. С. 19.

⁶⁶ Патрушев А.И. Германская история. М.: Изд-во «Весь мир», 2003.

дарованная в 1911 г. Эльзасу и Лотарингии, присоединенным после франко-прусской войны, не могла нейтрализовать национальные движения на окраинах империи, равно как и приостановка германизации бывших польских земель. Либерализация общественной деятельности и расширение системы социального страхования не выбили почву из-под ног левых оппонентов власти...»⁶⁷. Критика германского федерализма, который был интересен российскому руководству, содержится в публикации И.П. Максимова⁶⁸.

Что касается зарубежной литературы, посвященной проблемам роста экспансионистских тенденций в большинстве европейских держав накануне Первой мировой войны, политическим, экономическим, этнологическим и националистическим аспектам империализма, а также изучению российско-германских отношений на высшем уровне, которые претерпевали изменения на рубеже XIX – XX вв., то нужно акцентировать внимание на трудах Э.Людвига⁶⁹, Дж. Макдоно⁷⁰, Дж. Кигана⁷¹, Ф. Моро-Дефаржа⁷², Ю. Кучинского⁷³, Дж. Гобсона⁷⁴ и А. Нордена⁷⁵. Эти научные и публицистические работы не ориентированы на обстоятельный анализ большого круга проблем, связанного с вышеуказанной тематикой, но предоставляют при этом ряд ответов на отдельные узкие вопросы, что и составляет их важность для приводимого историографического обзора. В своих исторических исследованиях вышеупомянутые авторы эффективно использовали формационный и цивилизационный подходы.

⁶⁷ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: «РОССПЭН», 2002. С. 16.

⁶⁸ Максимов И.П. Истоки и исторические предпосылки немецкого федерализма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2020. № 2. С. 65.

⁶⁹ Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн: Вильгельм II. Л.: «Красная газета», 1929.

⁷⁰ Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004.

⁷¹ Киган Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2004.

⁷² Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: «Конкорд», 1996.

⁷³ Кучинский Ю. Очерки по истории мирового хозяйства. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.

⁷⁴ Гобсон Дж. Империализм. Л.: «Прибой», 1927.

⁷⁵ Норден А. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1948.

Продолжая рассмотрение феномена империализма, нужно выделить публикацию немецкого историка марксистской направленности Ю.Кучинского «Очерки по истории мирового хозяйства»⁷⁶, где обозначены социально-экономические, культурно-исторические и внешнеполитические факторы зарождения и развития агрессивного империализма в Германии на рубеже XIX-XX вв., среди которых особую роль играл вывоз капитала в колониально зависимые страны. Данная работа была опубликована в Москве, что свидетельствует о доверии к автору со стороны ответственных за организацию идеологического контроля представителей советского руководства. Результаты научных исследований Ю. Кучинского находили признание и применение у ведущих историков СССР.

Труды Э. Людвиг и Дж. Макдоно посвящены выработке личностной характеристики последнего германского кайзера Вильгельма II, которому были присущи политическое лицемерие и отсутствие рационального подхода в вопросах обеспечения безопасности государства и дипломатической игры.

В публикациях Ф. Моро-Дефаржа «Введение в геополитику»⁷⁷ и Ю.Кучинского «Очерки истории германского империализма»⁷⁸ отражены проблемы внешнеполитического характера, которые в историографии взаимоотношений России и Германии на рубеже XIX-XX вв., как правило, ставятся на первое место. Подробный анализ германских имперских амбиций с применением марксистской методологии и огромного количества фактического материала осуществил немецкий историк и общественно-политический деятель Ю. Кучинский, который в указанной работе дал негативную оценку общему феномену империализма и особенно его германской интерпретации.

Английский историк и экономист Дж. Гобсон, изучая политическую и правовую сущность империализма, писал в 1902 г. о том, что в

⁷⁶ Кучинский Ю. Очерки по истории мирового хозяйства. С. 74.

⁷⁷ Моро-Дефарж Ф. Указ. соч. С. 47-48.

⁷⁸ Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. М.: Изд. иностранной литературы, 1952. Т. 1.

империалистических государствах росло значение исполнительной власти при фактическом игнорировании парламентских дебатов: «Речь кайзера в Гамбурге 19 октября 1899 года следующим образом отразила сущность этой доктрины: «Облик мира очень изменился за последние годы. На что раньше требовались столетия, то делается теперь в течение нескольких месяцев. Задачи кайзера и правительства расширились вследствие этого чрезвычайно, и успешное их выполнение возможно только, если германский народ откажется от партийных разногласий...»⁷⁹.

Известный немецкий антифашист и политический деятель ГДР А.Норден в своей крупной работе «Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства» разрабатывал проблему явного отставания политической системы и правовой базы кайзеровской Германии от её стремительного экономического развития, пытаясь выявить причины данного явления и степень его воздействия на благосостояние немецкого народа, который проявлял традиционно высокий уровень политико-правовой активности, стремясь самостоятельно строить будущее своей страны.

Изучению активной деятельности германской социал-демократии на рубеже XIX-XX вв., оказывавшей влияние на внутреннюю и внешнюю политику Германии, посвящены работы Хайнца Вольгемута⁸⁰, Вольфганга Шрёдера⁸¹, Вальтера Эйхнера⁸² и Генриха Гемкова⁸³. Указанные авторы подробно рассматривали причины раскола в германском социал-демократическом и рабочем движении, что привело к возникновению и оформлению так называемого ревизионистского течения. По мнению Вольгемута, Шрёдера, Эйхнера и Гемкова, умеренная стратегия

⁷⁹ Гобсон Дж. Указ. соч. С. 125.

⁸⁰ Wohlgenuth Heinz. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung von der Jahrhundertwende bis zur Novemberrevolution. Berlin: Dietz Verlag, 1960.

⁸¹ Schröder Wolfgang. Klassenkämpfe und Gewerkschaftseinheit. Berlin: Tribüne Verlag, 1965.

⁸² Euchner Walter. Karl Marx. München: Beck Verlag, 1983.

⁸³ Gemkow Heinrich. August Bebel. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1986.

ревизионистов предполагала преодоление негативных тенденций, присущих официальному политическому курсу кайзеровской Германии, к числу которых лидеры ревизионизма относили усиленную милитаризацию страны, расширение колониальной экспансии, а также проявление монархической солидарности с царской Россией.

Из современных работ немецких историков, в которых анализируются проблемы дипломатических взаимоотношений между Россией и Германией, противоречия пангерманизма и панславизма, необходимо выделить коллективный труд «Краткая история Германии»⁸⁴. Ульф Дирльмайер, Андреас Гестрих и Ульрих Херманн, авторы указанной книги, скептически оценивают роль России в жизни кайзеровской Германии на рубеже XIX-XX вв., так как российский император часто подвергался серьёзному влиянию панславистских настроений и идей, постепенно набравших силу при дворе в Петербурге. Панславизм, по мнению указанных выше немецких авторов, способствовал росту агрессивности российской внешнеполитической доктрины, которая отразилась на Германии и на её ближайших союзниках. По поводу отличительных признаков внешней политики Германии, её традиционных задач и причин целого ряда кризисных явлений, с которыми она столкнулась в преддверии Первой мировой войны, Дирльмайер, Гестрих и Херманн попытались выдвинуть весьма противоречивую, но при этом не лишённую логической основы гипотезу: «То, что в Германской империи воспринималось как «сжимающееся кольцо блокады» и давало повод для ещё более активной пропаганды пангерманизма и создания Военно-морского союза, по сути, являлось следствием неправильной оценки происходящего. На самом деле, главные участники «блокады» Германии не имели никаких агрессивных намерений по отношению к империи. Наступательные действия в направлении Балкан и морских проливов планировала только Россия. В

⁸⁴ Дирльмайер У., Гестрих А., Херманн У. и др. Краткая история Германии. СПб.: «Евразия», 2008.

своих панславянских устремлениях она могла опереться, прежде всего, на национализм сербов, направленный против господства Австро-Венгрии...»⁸⁵.

Политическую, экономическую и культурную роль Германской империи в мире, а также взаимодействие германской, британской, французской и российской элит рассматривают в рамках концепции глобальной истории С. Конрад и Ю. Остерхаммель⁸⁶.

На основании изученной литературы можно сформулировать следующие выводы:

1. В центре исследований отечественных историков и их зарубежных коллег при общем обзоре существующих работ, оказался довольно широкий перечень внешнеполитических вопросов и проблем, совокупность которых отражает сложность международной обстановки в преддверии Первой мировой войны.

2. Исследования, касающиеся личностных отношений и характеристик монархов, крупных государственных деятелей России и кайзеровской Германии, не могут приравниваться к обстоятельному изучению их профессиональных навыков и политического опыта.

3. В отечественной и зарубежной историографии подробно рассмотрены роль и влияние прессы, которая действительно способна быть эффективным рычагом давления на представителей политической элиты.

4. Значительную роль в историографии, особенно советской, играют работы, посвященные изучению торговых и хозяйственных отношений между Россией и Германией в конце XIX - начале XX вв., так как они в значительной мере являлись прологом к принятию конкретных политических решений, которые должны быть рассмотрены в качестве следствия, а не причины.

⁸⁵ Там же. С. 318.

⁸⁶ Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871-1914. / hrsg. von Conrad S. und Osterhammel J. Gottingen, 2004.

5. Слабо изученной оказалась проблема влияния немецкого социал-демократического движения, которое оказывало определенное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в России и на выработку внешнеполитического курса в отношении Германии.

6. Анализ историографии показывает наличие новых методологических подходов, которые позволяют подробнее изучить деятельность российской элиты.

Целью исследования является комплексное изучение роли и значения германского вопроса в политической жизни России в конце XIX в. – первой половине 1914 г.

Поставленная цель диссертационного исследования предполагает решение нескольких важных **задач**:

1. выделить в российской политической элите «центры влияния», которые воздействовали на принятие решений по германскому вопросу,
2. выявить и проанализировать комплекс условий и факторов, в которых протекал процесс разработки политики России в отношении Германии в конце XIX в. – первой половине 1914 г.,
3. проанализировать причины постепенного ухудшения российско-германских отношений в указанный период с учётом внутри- и внешнеполитических факторов,
4. выявить и обосновать причины противоречий в российском руководстве и политической элите по поводу выработки и практического применения политического курса в отношении кайзеровской Германии,
5. выявить и проанализировать торгово-экономические факторы, которые определяли характер принимаемых в отношении Германии решений на рубеже XIX-XX вв.,
6. представить характеристику военно-политической ситуации в Германии накануне Первой мировой войны с использованием донесений российских дипломатов и военных специалистов, определить, как она влияла на принятие решений Николаем II,

7. представить комплексную трактовку политики России в отношении Германии в конце XIX в. – первой половине 1914 г. в качестве целостного и многоаспектного процесса, представлявшего в исторических условиях рубежа XIX-XX вв. одно из важнейших направлений стратегической деятельности по обеспечению условий для сохранения монархической формы правления.

Обзор источников. Для реализации поставленных задач было использовано значительное количество исторических источников, которые могут быть разделены на несколько групп.

К *первой группе* необходимо отнести официальные документы и нормативно-правовые акты, куда входит ряд русско-германских договоров⁸⁷, предшествовавших развязыванию Первой мировой войны, которые располагают ценными сведениями по внутренней и внешней политике России. Указанная группа источников включает в себя различные по происхождению и назначению документы и материалы, которые находятся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), а также в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). При этом основной массив привлеченных к диссертационному исследованию документов хранится в фондах ГАРФ.

Из материалов Российского государственного архива социально-политической истории наибольшую ценность представляет коллекция документов, которые хранятся в фонде Карла Маркса (1818-1883) и Фридриха Энгельса (1820-1895) (Ф. 1) и раскрывают характерные черты в развитии германской социал-демократии, формирование её теоретической базы, успешно использованной руководителями рабочего и социалистического движения, получившего широкое признание в большинстве европейских стран в преддверии Первой мировой войны. Социал-демократические идеи действительно влияли на эволюцию

⁸⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952.

российско-германских отношений: наиболее консервативное крыло российского руководства с тревогой смотрело на стремительное распространение идей и постулатов марксизма, угрожавших основам государственного строя Российской империи. Из коллекции документов по политической и социальной истории Германии, Франции, Италии, Венгрии, Швейцарии, Англии и других стран Западной Европы XVII-XX вв. (Ф. 458), при всем её огромном объеме и тематическом многообразии, представляется возможным извлечь обширную информацию по некоторым аспектам германской политической жизни рубежа XIX-XX вв., которые представляли собой не только теоретический интерес для представителей российской правящей элиты, но и способствовали принятию конкретных решений по отношению к Германии.

Ко *второй группе* относится документация, раскрывающая важнейшие внешнеполитические аспекты в деятельности российского руководства. Сюда входит опубликованная переписка между Николаем II и Вильгельмом II⁸⁸, где можно найти информацию о тех особенностях политического взаимодействия России и Германии, которые не имели официального характера и назначения, а также не выносились на публичное обсуждение в период проведения текущих встреч и приемов на высшем уровне, включая ряд международных конференций, в работе которых российская и германская стороны принимали равноправное участие.

Основными источниками для определения места и роли Германии во внешней политике России послужили документы, которые содержатся в личном фонде Николая II (ГАРФ, ф. 601). Эта документация располагает информацией, касающейся личной жизни последнего российского самодержца, важной для настоящего исследования проблематики его государственной и военной деятельности, включая переписку, различающуюся по своему назначению и информационной насыщенности,

⁸⁸ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 гг. М.-Пг.: Госиздат, 1923.

депешы, донесения военных деятелей, торжественные речи, которые позволяют охарактеризовать степень заинтересованности Николая II в решении проблем, наблюдавшихся в российско-германских отношениях.

Третью группу составляет документация по вопросам деятельности российской дипломатии. Здесь представлены документы чрезвычайных посланников, полномочных представителей и министров иностранных дел.

Фонд Владимира Николаевича Ламздорфа (ГАРФ, ф. 568), который в 1900-1906 гг. занимал пост министра иностранных дел России, содержит документы, относящиеся к внешнеполитическим и дипломатическим аспектам российско-германского взаимодействия на рубеже XIX-XX вв., с привлечением материалов, прямо касающихся принятия политических решений в отношении кайзеровской Германии со стороны высших органов государственной власти.

Фонд Александра Петровича Извольского (ГАРФ, ф. 559) также содержит обширную информацию о дипломатической деятельности Российской и Германской империй в указанный период, которая, стоит отметить, нуждается в дополнительной систематизации; располагает ценными донесениями российских дипломатов, посланников, военных корреспондентов. Обозначенный фонд А.П. Извольского предоставляет сведения о работе российского министерства иностранных дел в целом и, что особенно важно, информацию о спорах и предложениях внутри внешнеполитического ведомства в вопросах выстраивания соответствующей линии по отношению к Германии, об отсутствии единства в Государственной Думе по нахождению подходов к решению германской проблемы.

Фонды видных российских дипломатов Н.П. Игнатьева (ГАРФ, ф. 730) и А.А. Гирса (ГАРФ, ф. 892) располагают коллекцией документов, содержащих сведения о проблемах русско-германского соперничества на Балканах из-за быстрого роста национального самосознания у южнославянских народов, о польском вопросе, сложность которого способствовала росту антагонизма между Россией и Германией, а также о торгово-экономических факторах

принятия политических решений в отношении Германии, которая была для российского руководства образцовым монархическим государством, эффективно использовавшим современные технологии для увеличения своего экономического потенциала.

Четвертая группа источников представляет собой военно-стратегическую документацию. Материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) позволяют охарактеризовать военные аспекты изучаемой темы, которые играют важную роль при её комплексном анализе. Профессиональные вопросы управления и координации предполагаемых боевых действий с германскими войсками, снабжения армии, ротации военных кадров, единоначалия и коллегиальности в сфере организации обороны необходимо рассматривать с использованием обширного документального корпуса, хранящегося в следующих фондах РГВИА:

1. фонд Совета государственной обороны (1903-1910 гг.) (Ф. 830),
2. фонд Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества при Императорской главной квартире (1826-1917 гг.) (Ф. 970),
3. фонд Главного управления Генерального Штаба (1905-1917 гг.) (Ф. 2000).

В фондах личного происхождения РГВИА представлены послужные списки и биографии российской военной элиты, принимавшей непосредственное участие в выработке политических решений в отношении вероятного противника, в качестве которого в указанные хронологические рамки рассматривалась именно кайзеровская Германия. Наибольший интерес среди них представляет фонд генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина (Ф. 165), так как для исследования он даёт оптимальный объем информации указанного назначения и характера.

Пятую группу составляет пресса указанного периода: газетные статьи, содержащие оценку ключевых направлений германской политики и политических решений, принимавшихся по отношению к кайзеровской Германии, причем указанная группа опубликованных источников

предоставляет возможность осуществить анализ замечаний и мнений по поводу процесса принятия политических решений в отношении Германии, а также затронуть проблематику взаимоотношений прессы и власти, степень их влияния и воздействия друг на друга.

К *шестой группе* отнесена мемуаристика, как важнейший источник личного происхождения: опубликованные мемуары российских политиков, дипломатов и военных деятелей. Наибольший интерес для настоящего исследования представляют воспоминания таких знатоков существовавшей при императорском дворе политической конъюнктуры, как граф С.Ю. Витте⁸⁹ и генерал-лейтенант А.А. Мосолов⁹⁰, принимавших непосредственное участие в рассмотрении и анализе германской проблемы. В этих воспоминаниях можно отыскать сведения о процессуальных особенностях принятия российским руководством политических решений, в которых была отражена позиция власти по поводу актуального германского вопроса. Кроме того, в диссертации были использованы важные сведения, взятые из мемуаров, дневников и воспоминаний министров иностранных дел России В.Н. Ламздорфа⁹¹, А.П. Извольского⁹² и С.Д. Сазонова⁹³, а также германских канцлеров Б. фон Бюлова⁹⁴ и Т. фон Бетмана-Гольвега⁹⁵.

Наконец, в *седьмую группу* вошли источники германского происхождения: опубликованные документальные коллекции, к которым относятся «Большая политика европейских кабинетов. 1871-1914 гг.

⁸⁹ Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Граф С.Ю. Витте. Берлин: Изд-во «Слово», 1922. Т. 2.

⁹⁰ Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900-1916. М.: Центрполиграф, 2006.

⁹¹ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894-1896. / Под ред. и с предисл. В.И. Бовыкина. М.: «Международные отношения», 1991.

⁹² Извольский А.П. Воспоминания. Пг.-М.: Изд-во «Петроград», 1924.

⁹³ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: «Харвест», 2002.

⁹⁴ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1935.

⁹⁵ Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М.: Госиздат, 1925.

Собрание дипломатических актов иностранных служб»⁹⁶ и «Источники по истории германской внешней политики в эпоху империализма. 1890-1911 гг.»⁹⁷, предоставляющие информацию о характерных чертах российско-германского взаимодействия на рубеже XIX-XX вв., которая поступала от немецких специалистов по истории дипломатии. Это позволяет провести более глубокое и объективное изучение тех аспектов выбранной тематики, которые или слабо отражены в русскоязычных источниках, или вызывают значительные сомнения.

Характерной особенностью рассмотренной источниковой базы является неравномерность содержащейся в документах информации не только по различным проблемным сторонам российско-германских взаимоотношений, но и по хронологическому принципу.

Таким образом, имеющийся в распоряжении комплекс источников предоставляет возможность осуществить качественный и всесторонний анализ процесса выработки и принятия обоснованных политических решений по отношению к Германии на рубеже XIX-XX вв.

Методологическая основа исследования представляет собой совокупность общенаучных и специальных методов исторического исследования, которые призваны обеспечить его максимальную достоверность и практическую применимость. К общенаучным принципам стоит отнести историзм, объективность, комплексность, системность. Опора на данные принципы позволяет дать комплексный анализ процессу выработки политики России в отношении Германии в конце XIX в. – первой половине 1914 г., а также предоставляется возможность, опираясь на прочную научную основу, охарактеризовать условия и факторы, которые оказывали на него прямое и косвенное влияние.

⁹⁶ Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des auswärtigen Amtes. Im Auftrage des auswärtigen Amtes. / hrsg. von Johannes Lepsius, Albrecht Mendelsson Bartholdy, Friedrich Thimme. Berlin, 1922.

⁹⁷ Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. 1890-1911. / hrsg. von Michael Behnen. Darmstadt, 1977.

Принцип историзма и объективности предполагает наличие у исторического процесса вариативности, саморегуляции, внутренних и внешних движущих сил, которые нуждаются в правильной интерпретации на основе достаточной обеспеченности исследования качественными и достоверными источниками при безусловном отказе от политической конъюнктуры и ангажированности. Комплексность и системность, будучи неотъемлемым атрибутом научной работы, означают обязательное внутреннее единство исторического исследования, включающего в себя структурные компоненты.

К общенаучным методам, частично примененным автором, также относятся логический метод и системный анализ, которые предполагают следование законам формальной логики, адаптированным к историческому исследованию со своей гуманитарной спецификой, и обоснованное разбиение исследования на отдельные элементы с целью их последующего основательного осмысления. Фрагментарно используемый при рассмотрении политических систем Российской империи и кайзеровской Германии компаративный (сравнительный) метод ввиду своей весьма широкой применимости и универсальности входит в число общенаучных (общефилософских) методов.

Настоящее диссертационное исследование основывается на применении специально-исторических методов и подходов: проблемно-хронологического, сравнительно-исторического и структурно-функционального, которые в равной степени представлены во всех структурных компонентах диссертации и выбраны для обеспечения научной объективности на всех этапах работы, а также для соответствия между теоретической постановкой цели и задач исследования и его конечными практическими результатами. Проблемно-хронологический метод позволяет рассмотреть отдельные проблемы и аспекты русско-германских отношений с учетом их изменения во времени. При помощи сравнительно-исторического метода можно сравнить преимущества и недостатки политических систем,

которые существовали в России и Германии в рассматриваемый период, а также сходства и различия в понимании Вильгельмом II и Николаем II принципов монархической солидарности. Наиболее сложным стоит назвать структурно-функциональный метод, который применяется не только историками, но и социологами. В контексте изучения роли и значения германского вопроса в политической жизни России структурно-функциональный метод дает возможность, в соответствии с поставленными выше задачами, выявить приблизительную структуру российской политико-управленческой элиты, которая предполагала наличие определенных функциональных уровней (слоев), включая их взаимозависимость. Деятельность правящей элиты в целом была направлена на решение германской проблемы.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования определяется тем, что впервые в отечественной исторической науке предпринимается попытка осуществить на основе значительного корпуса опубликованных и неопубликованных (архивных) источников комплексный анализ роли и значения германского вопроса в политике России, а также процесса разработки политики России в отношении кайзеровской Германии на рубеже XIX-XX вв., представить данный процесс в качестве одного из стратегически важных направлений государственной деятельности, от которого зависело полноценное и продуктивное функционирование российских властных механизмов.

Научная новизна, с точки зрения источниковой обеспеченности исследования, обусловлена использованием важных документов, находящихся на хранении в фондах личного происхождения Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военно-исторического архива, а также коллекций документов из ряда фондов Российского государственного архива социально-политической истории, где содержится информация по рабочему и социалистическому движению, которое в указанный период

активизировалось и оказывало влияние на постановку политических целей и принятие решений в отношении Германии.

Введение в научный оборот новых архивных документов, прежде всего дипломатической переписки, позволило выявить два совершенно отличных друг от друга «образа Германии», складывающихся в сознании правящей элиты России конца XIX – начала XX вв. Оба этих образа, которые условно можно назвать «положительным» и «отрицательным», включали в себя несколько обязательных элементов: оценку особенностей германской общественно-политической системы, а также личных качеств кайзера Вильгельма II; оценку экономических факторов, сближающих или разделяющих интересы Германии и России; оценку военных приготовлений Германии и масштабов её колониальных, финансовых и торговых претензий, полное признание и удовлетворение которых не входило в планы российского руководства.

В диссертационном исследовании проведен анализ тех факторов, которые способствовали распространению и укреплению в общественном сознании «негативного» и «положительного» образов Германии с различной степенью влияния в российском обществе, а также отражены причины противоборства обозначенных образов и конечной победы «негативного».

Анализ донесений военных деятелей и дипломатов, входивших в состав политической элиты, позволил выявить степень заинтересованности российского руководства в получении информации об особенностях процессов милитаризации Германии. В диссертации уточнены механизмы разработки политики России в отношении Германии.

Теоретическая значимость исследования состоит в применении новых методологических подходов при изучении роли и значения германского вопроса в политической жизни России на рубеже XIX-XX вв.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в возможности их эффективного применения в научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности, при

составлении учебно-методических пособий по истории Российского государства, дипломатии и международных отношений, а также системных монографий по смежной тематике. Материалы проводимого исследования могут быть использованы для составления отдельных спецкурсов по истории трансформации российско-германских взаимоотношений на рубеже XIX-XX вв., для подготовки к семинарским занятиям по Отечественной и Всеобщей истории.

Положения, выносимые на защиту:

1. По отношению к германскому вопросу в российской политической элите можно выделить следующие устойчивые «центры влияния»: генералитет, дипломатов, лидеров политических партий, представителей предпринимательских кругов, а также политиков, приближенных к императорскому двору.

2. На решение германского вопроса значительное влияние оказывали дипломаты (Н.Д. Остен-Сакен, Н.Г. Гартвиг, А.И. Нелидов и др.), генералы (И.Л. Татищев, А.Н. Куропаткин и др.), а также придворные круги (В.Б.Фредерикс, С.Ю. Витте, П.Н. Дурново и др.), к советам и рекомендациям которых Николай II прислушивался.

3. Наиболее существенные факторы, которые влияли на разработку политики России в отношении Германии, сформировались в дипломатической, военной, внешнеэкономической и внутривластной сферах.

4. Сторонники и противники сближения между Россией и Германией рассматривали сложный германский вопрос как инструмент, который можно было применять в борьбе за конкретные политические интересы, и как средство воздействия на императора.

Структура диссертации соответствует поставленным целям и задачам исследования. Представленная работа построена по проблемно-хронологическому принципу и включает в себя введение, две главы, заключение, список источников и литературы.

Глава 1. Комплекс условий и факторов, оказывавших влияние на выработку российским руководством политических решений в отношении кайзеровской Германии в конце XIX в. – первой половине 1914 г.

1.1. Влияние культурно-исторических, социально-политических, дипломатических и династических факторов на эволюцию политики России в отношении Германии в конце XIX – начале XX вв.

Российско-германские отношения, базировавшиеся на монархической солидарности, консерватизме, традиционной христианской системе ценностей, давних культурно-исторических связях, на рубеже XIX-XX вв. претерпели кардинальные изменения в сторону подрыва их прочности и стремительного ухудшения вплоть до состояния взаимной враждебности обеих стран, которые состояли в клубе великих европейских держав, что отмечено в работе современного историка и политолога Г.И. Мусихина⁹⁸.

Официальная позиция в отношении Германии формировалась в указанное время при наличии такого значительного фактора, как личные связи российского и германского императоров. Взаимная внешняя лояльность двух монархов оказывала серьезное воздействие на внутривосточную обстановку в обоих государствах. Вильгельм II в своей приветственной речи на приеме у Николая II от 27 июля 1897 г. выразил благодарность русскому императору за «...новое, Меня так поразившее отличие, которое Мне оказано Вашим Величеством зачислением Меня в списки доблестного флота Вашего Величества»⁹⁹.

Германский кайзер демонстративно стремился сохранить и подкрепить доверие со стороны Николая II на их официальных встречах, а также в беседах в неформальной обстановке. С учетом военных приготовлений Германии и увеличения ассигнований в её военный бюджет, можно

⁹⁸ Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб.: «Алетейя», 2002.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 710. Л. 1.

утверждать, что Вильгельм II проявлял лицемерие, мотивом которого был рациональный и обоснованный политический подход, и это подтверждается его собственными высказываниями: «Эта особая почестъ оценивается Мною во всём её значении и является в то же время особым отличием Моему флоту. Я вижу в назначении Меня русским адмиралом не только почестъ, оказанную Моей особе, но и новое доказательство Наших традиционных и искренних, основанных на непоколебимой почве, отношений, как личных, так и Наших государств. Бесповоротное решение Вашего Величества сохранять по-прежнему мир на благо Вашего народа, находит и во мне самый радостный отклик»¹⁰⁰. Кайзер Вильгельм II выстраивал отношения с Николаем II, исходя из стратегических интересов Германии.

Общение российского и германского императоров имело особое значение, так как от его результатов зависело выгодное для России решение тех или иных внешнеполитических вопросов и проблем. Поэтому, рассматривая и оценивая место и роль личностного фактора во внешней политике, его следует наглядно продемонстрировать наличием личных встреч Николая II и Вильгельма II на высшем уровне. Первая подобная встреча произошла между российским и германским императорами 11 (24) июля 1905 г. на борту царской яхты в Бьёрке. Кайзер Вильгельм II убедил Николая II в необходимости подписания секретного союзнического Бьёркского договора, ст. № 4 которого гласила, что «император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить её присоединиться к нему в качестве союзницы»¹⁰¹. Но это не произвело ожидаемого эффекта: практически сразу после оформления русско-германского договора в Бьёрке российский император, испытывая давление со стороны таких влиятельных политических деятелей, какими

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 710. Л. 1-2.

¹⁰¹ Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. С. 336.

являлись С.Ю. Витте, А.П. Извольский и великий князь Николай Николаевич, написал Вильгельму II письмо, которое указывало на то, что данный договор не может иметь юридической силы до тех пор, пока к нему не присоединится Франция¹⁰². Более того, германский кайзер в личной переписке с Николаем II твёрдо настаивал на том, что оба монарха «подали друг другу руки и поставили подписи перед богом...»¹⁰³.

При объективной характеристике обозначенного исторического периода невозможно игнорировать тот фактор, что у такого молодого и энергичного государства, как Германская империя, о создании которой было торжественно объявлено в Версале 18 января 1871 г., приобретали конкретные и ясные очертания претензии на научно-техническое и экономическое превосходство над Россией и союзными ей европейскими державами. Среди союзных России стран, которые были оформлены в этом статусе в преддверии Первой мировой войны, главным вероятным противником германские милитаристы считали Францию. Кайзеру Вильгельму II Гогенцоллерну было известно, что российская экономическая система в значительной степени зависит от займов, предоставляемых французскими финансистами.

Рост реваншизма и враждебного восприятия всего, что было связано с кайзеровской Германией, а также одиозное восприятие немцев в качестве естественных врагов свободной французской нации, четко зафиксированное в сознании большинства французов, принадлежавших к различным социальным слоям, лишь усугубляли рассматриваемую ситуацию. Так как России нужен был такой значимый союзник, как Франция, то вышеупомянутые черты европейской политики являлись серьезным препятствием для оздоровления на высшем дипломатическом уровне быстро ухудшавшихся российско-германских отношений и восстановления доверительного диалога между подданными Романовых и Гогенцоллернов.

¹⁰² Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М.: «Мысль», 1987. С. 51.

¹⁰³ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 гг. М.-Пг., 1923. С. 124.

Стоит обратить внимание на рост колониальных appetitов и территориальных претензий кайзеровской Германии, которые сталкивались с интересами Великобритании, Франции и частично России, когда речь шла о разделе сфер влияния в Китае, Персии и Турции¹⁰⁴. Также представляет интерес активизация процесса милитаризации германского государства, представлявшего собой реальную военную угрозу для национальной безопасности России при учёте наличия общей границы с Германией, которая была недостаточно защищенной и через которую на российскую территорию проникали опасные, с точки зрения Николая II и его сподвижников, политические идеи и теории. Милитаристский характер Германской империи проявлялся в самом начале её истории, так как без жесткой централизации и регулярного применения военных методов во внутренней и внешней политике столь стремительное объединение Германии, предполагавшее главенствующую роль Пруссии в решении общегерманских проблем, оказалось бы невыполнимой задачей.

В таком важном политическом аспекте, как легитимация власти монарха, Николай II находил поддержку со стороны своего германского коллеги Вильгельма II, который опасался потенциальной смуты, которую могла вызвать деятельность либеральных кругов, социал-демократов и сепаратистов внутри империи, провозглашавших идеи широкой автономии вплоть до отделения с восстановлением прежней государственности¹⁰⁵. По мнению Г.М. Садовой, Вильгельм II формально не препятствовал реформированию политической системы в Германии, но стоит учитывать,

¹⁰⁴ Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des auswärtigen Amtes. Im Auftrage des auswärtigen Amtes. / hrsg. von Johannes Lepsius, Albrecht Mendelsson Bartholdy, Friedrich Thimme. Berlin, 1922.

¹⁰⁵ Боровков Д.А. Император Вильгельм II Гогенцоллерн: штрихи к портрету монарха // Исторический журнал. 2010. № 10. С. 40-55.

что против него не было создано реальной оппозиции ни в мирное, ни в военное время¹⁰⁶.

Николай II и Вильгельм II называли друг друга в личных беседах и письмах кузенами, хотя между ними не было соответствующей родственной связи. Данное обстоятельство имело своё сакральное объяснение и чёткий идеологический подтекст: германский и российский императоры, как монархи великих держав, особы которых являлись священными и неприкосновенными, были официально равными, и только от их решений зависело благо народов, населявших Россию и Германию.

Германское руководство в ускоренном порядке принимало комплекс необходимых мер для организации моральной и идеологической подготовки немцев к вооруженному столкновению с Россией: в активизацию агентурной деятельности на приграничной с Германией территории Российской империи, а также в работу прессы и печати, ориентированной на дискредитацию политики российского руководства, вкладывались огромные средства. Как показал ход боевых действий на Восточном фронте в период Первой мировой войны, подавляющее большинство германского народа оказало безусловную поддержку кайзеровскому режиму и его армии, которая воспринималась как гарант безопасности и благополучного будущего для каждого немца.

Что касается деятельности германского рейхстага в предвоенное время, то этот политический орган, фактически находясь в подчиненном положении, отличался последовательной лояльностью к действующей верховной власти, без каких-либо противоречий предоставляя своё согласие на резкое увеличение размеров ежегодно принимаемых им военных бюджетов, хотя при этом должны были формально соблюдаться принципы свободы волеизъявления, демократичности и верховенства закона в период

¹⁰⁶ Садовая Г.М. Кайзер Вильгельм II: «режим личного правления» или «поликратия» // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 79. С. 105.

проведения выборов. Подобным образом «кроткий» рейхстаг выполнял прямой заказ со стороны высшего офицерского состава и лично императора Вильгельма II Гогенцоллерна¹⁰⁷.

Российский монархический режим стремился по мере завершения революционных потрясений к 1907 г. защитить себя в дальнейшем от подобной опасности. Германия, официально давая российскому руководству гарантии дружбы и поддержки, не упустила возможности воспользоваться временной слабостью России, чтобы заключить с ней серию выгодных для себя договоров, предоставляющих более значительные, чем у русских, преференции, и одновременно подтвердить подписанные ранее русско-германские торгово-экономические соглашения и достигнутые договоренности. В германском руководстве, в котором большой политический вес имел генералитет, являвшийся центром сосредоточения милитаристских традиций и так называемого духа пруссачества, также не было внутреннего единства и согласия по отношению к России¹⁰⁸.

Вильгельм II и его ближайшее окружение, которые постепенно перестали руководствоваться дипломатическими и внешнеполитическими принципами Бисмарка, в правилах которого было соблюдение осторожности при ведении дел, представлявших собой особую государственную важность, не стремились предоставлять России в будущей Европе роль великой державы. Российское государство с его огромными сырьевыми ресурсами должно было стать средством для достижения германских геополитических целей.

Российская правящая элита придавала особое значение любым проявлениям внешнеполитической активности германского руководства, а также объяснению причин их достаточно уверенного расширения. Для выявления сущности притязаний Германии, заключавшихся в гарантиях участия германского капитала в разделе сфер влияния и торговых факторий в

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. Т. 16. Ч. 2. С. 338.

¹⁰⁸ Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. 1890-1911. / hrsg. von Michael Behnen. Darmstadt, 1977.

Азии, есть основания обратить внимание на результаты профессиональной деятельности графа М.Н. Муравьева, занимавшего пост министра иностранных дел в 1897-1900 гг.

Михаил Николаевич Муравьев получал от русского морского агента в Берлине лейтенанта Кетлера подробные депеши о росте колониальных притязаний Германской империи и о желании Вильгельма II быть арбитром в постоянно возникавших дипломатических конфликтах между европейскими державами.

Будучи уверенным в том, что на Германии лежит ответственность за судьбу и благополучное существование всего цивилизованного мира, Вильгельм II, как глава могущественной державы, считал вполне возможным предлагать своё посредничество в решении проблем, связанных с чередой так называемых империалистических военных конфликтов, среди которых на рубеже XIX-XX вв. особый общественно-политический резонанс вызывали испано-американская и англо-бурская войны. М.Н. Муравьев приводит в пример неодобрительные взгляды кайзера на весьма жесткую позицию в отношении войны с испанцами за Кубу, занятую президентом США: «...Заговорив затем о тщетной попытке европейских держав предупредить испано-американскую войну, император высказал своё недовольствие по поводу того, что президент Соединенных Штатов Мак-Кинли не счел даже нужным в своей ноте или декларации упомянуть об этом посредничестве держав. В большом самомнении американцев император видит большую опасность для Европы, встретить которую следует дружным действием держав подобно тому, как на крайнем Востоке только дружный отпор со стороны народов белой расы может положить предел притязаниям желтой расы...»¹⁰⁹. Можно предположить, что германский кайзер не возражал против несправедливой войны между слабой Испанией и Соединенными Штатами за чужие территории и ресурсы: правящие круги Германии считали

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 102. Л. 15-16.

колониальные войны вполне естественными и необходимыми для выживания так называемой белой расы, которая не могла в условиях господства крупного капитала отказаться от захватнической политики и от использования в своих целях стран-доноров.

Ведущая роль в наступлении белой расы, как намекнул в указанной беседе Вильгельм II, должна была принадлежать немцам – великим тевтонцам, которые самостоятельно могли бы защитить европейскую цивилизацию от вторжения азиатских варваров. Вильгельм II был недоволен необоснованно высокомерной манерой поведения американцев и особенно их президента, откровенная демонстрация которой уязвляла его собственное достоинство как суверенного монарха.

Что касается претензий так называемой жёлтой расы и большой опасности, которой могла подвергнуться западная цивилизация с её капиталистическим укладом и индивидуализмом, то основные европейские державы стали уделять этим проблемам повышенное внимание из-за стихийно начавшегося в 1898 г. крупного восстания ихэтуаней – китайских патриотов, стремившихся сохранить остатки суверенитета и достоинства своей страны.

Лидеры китайского национально-освободительного движения ставили перед собой цель в кратчайшие сроки, широко применяя насильственные методы, выдворить всех иностранцев с территории Китая без какого-либо возмещения убытков, которые могли понести зарубежные торговые компании при потере собственности, присвоенной в ходе заключения неравноправных договоров с императором и его сановниками.

С.С. Ольденбург в монографии «Николай II. Его жизнь и царствование» проанализировал реакцию руководителей европейских держав на сопротивление китайского народа: «На Западе под впечатлением вестей о резне иностранцев разрасталась кампания против Китая. Император Вильгельм II, провожая отряд, отправляющийся на Дальний Восток, с обычной экспансивностью произнёс речь, в которой пестрели слова о

«бронированном кулаке» и о том, что «пощады не давать»¹¹⁰. Столь эмоциональная речь германского императора произвела неоднозначное, но весьма сильное впечатление на представителей российской интеллигенции, вызвав широкий общественный и интеллектуальный резонанс по поводу не только китайского, но и германского фактора, первостепенная роль которого во взаимоотношениях между Россией и Западом никем не отрицалась и не оспаривалась. В частности, на речь Вильгельма II Гогенцоллерна положительно откликнулся философ В.С. Соловьев, который жил под кошмаром «жёлтой опасности»¹¹¹.

Ю.И. Казанцев, исследуя международные отношения в преддверии Первой мировой войны, значительное внимание уделял вопросам создания англо-французской Антанты и её прочности, от которой, в частности, зависели политические решения России в отношении Германии, а также проблеме неравноправия и подозрительности, утвердившихся в российско-германских отношениях в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Казанцев писал об особенностях политического и дипломатического сближения между Англией и республиканской Францией следующее: «...Весной 1903 г. Эдуард VII приехал в Париж. Он придавал своему визиту характер довольно эффективной демонстрации англо-французского сближения. Король много говорил в Париже о том, что время вражды ушло в прошлое и что должна наступить эра англо-французской дружбы»¹¹². Что касается характера взаимоотношений России с кайзеровской Германией после начала войны с Японией, то германское правительство демонстрировало свою готовность оказывать русской армии и флоту помощь и содействие в надежде на исключительную лояльность и уступчивость российской стороны после окончания военного конфликта на Дальнем

¹¹⁰ Ольденбург С.С. Николай II. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. С. 104.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. С. 54.

Востоке, и эта проблема также освещена в работе Ю.И.Казанцева: «Когда на Дальний Восток была отправлена из Балтики эскадра адмирала З.П. Рожественского, то германское правительство дозволило своим судовладельцам снабжать русские суда в пути своим углем. Это ещё более увеличило зависимость России от Германии...»¹¹³.

Ситуация на Дальнем Востоке в преддверии русско-японской войны, связанная с усилением военного присутствия России в этом стратегическом и перспективном регионе, была особо ценным материалом для рассмотрения и анализа влиятельной германской печатью, мнение которой должно было учитываться представителями российской политической элиты и военного ведомства. В подтверждение данного тезиса необходимо привести выдержку из статьи «Могущество России в Восточной Азии» от 29 апреля 1901 г., которая была помещена в газете «Берлинский ежедневник» («*Berliner Tageblatt*»): «Последнее русско-японское столкновение в настоящее время хотя и устранено благодаря уступчивости России, однако оно снова может возникнуть. Это обстоятельство оправдывает краткий обзор сил России на Дальнем Востоке...»¹¹⁴. Здесь речь идёт о напряжённом дипломатическом соперничестве с японской стороной из-за Порт-Артура, важной военно-морской базы, временно переданной России в результате прямого политического давления на Китай, которое имело успех благодаря тому, что правившая там династия испытывала затяжной кризис: «Соглашение русского правительства с Китаем от 15 (27) марта 1898 г., в силу которого России на 25 лет уступлены на правах аренды гавани Порт-Артур и прекрасная большая гавань Талиенван вместе с полуостровом в Южной Маньчжурии (Ляодун) в неограниченное пользование и разрешение провести великий сибирский железнодорожный путь с конечным пунктом Владивостоком, дало России перевес на Тихом океане...»¹¹⁵. С полученными

¹¹³ Там же. С. 55.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 694. Л. 9.

¹¹⁵ Там же.

Россией очевидными преимуществами японское правительство не могло полностью примириться, и это положение вещей отражено в «Берлинском ежедневнике» («*Berliner Tageblatt*»), который позволяет выявить позицию официальной германской прессы и печати в отношении российской внешней политики. На выгодное положение России на Дальнем Востоке, которое было достигнуто в ходе заключения с Китаем ряда неравноправных договоров, указывали в своих речах влиятельные представители германской социал-демократии, опасавшиеся усиления позиций российского императора¹¹⁶.

Стоит обратить внимание на донесение М.Н. Муравьева, датированное 21 мая 1898 г.: «...Взвесив основательно содержание письма, полученного вашим императорским величеством от императора Вильгельма, смею думать, что, при отсутствии всяких точных указаний на условия, при которых Германия предпочла бы искреннее соглашение с Россией тем неопределенным предложениям Англии, о которых говорит император, казалось бы, желательным ограничиться ныне ответом, хотя бы принципиально вполне сочувственным, но не могущим быть истолкованным в смысле каких-либо обещаний, связывающих нашу свободу действий – всякое обещание с нашей стороны было бы опасно, пока вождения Германии не сформулированы совершенно точно и не определены с надлежащей ясностью те выгоды, на которые, по праву взаимности, могла бы рассчитывать Россия...»¹¹⁷. Эта довольно сложная фраза дает понять, что в 1898 г. императорская Россия, оформив союз с Францией, находилась в стадии выбора между Англией и Германией, причем эти державы не собирались давать гарантии немедленного пожертвования своими собственными интересами ради соблюдения предполагаемых обязательств перед российским руководством. Именно поэтому германский кайзер

¹¹⁶ Liebknecht Wilhelm. *Gegen Militarismus und Eroberungskrieg*. Aus Schriften und Reden. Berlin: Dietz Verlag, 1986. S. 252-253.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 102. Л. 24.

ограничивался в письмах Николаю II лишь неопределенными и ничем не подкрепленными обещаниями¹¹⁸.

Также представляет научный интерес секретное письмо графа М.Н.Муравьева, адресованное из Петербурга российскому посланнику в Берлине Н.Д. Остен-Сакену за № 316. М.Н. Муравьев 4 мая 1900 г. выражал профессиональные замечания, касающиеся ситуации в Европе и роли России в решении общеевропейских проблем: «...В дополнение к сегодняшнему письму моему, за № 307, при коем препровождена была копия с ответного письма моего князю Урусову, почитаю долгом совершенно доверительно высказать следующие соображения. От внимания Вашего Сиятельства, конечно, не ускользнуло то обстоятельство, что я, прежде всего, старался успокоить французское правительство на основании Вами же сообщенных данных. Мечта господина Делькассе о русско-франко-английском союзе ввиду последствий предполагаемого им в ближайшем будущем расчленения Австро-Венгерской монархии, во всяком случае, кажется нам неосуществимой...»¹¹⁹. Из этого следует, что перед М.Н. Муравьевым стояла задача обеспечить безусловное доверие к России и её дипломатии со стороны министра иностранных дел Франции Делькассе, причем она была успешно выполнена.

Далее автор секретного письма обращается к более чувствительной как для России, так и для Франции проблеме усиления кайзеровской Германии: «Обсуждая возможность такового оборота событий, французский министр иностранных дел, между прочим, затронул в беседе с нашим послом в Париже и вопрос о всё более угрожающем развитии торгового значения Германии...»¹²⁰. Эта доверительная беседа доказывает не только наличие достаточно прочных экономических и финансовых связей между Россией и Францией, но и явную готовность правящих кругов этих государств отражать

¹¹⁸ Шарапов С.Ф. Указ. соч. С. 28.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 102. Л. 51.

¹²⁰ Там же.

потенциальную угрозу со стороны долгосрочных германских планов по развитию внешнеторговых отношений и усиленному строительству флота с целью укрепления немецких позиций на главных морских коммуникациях. Следует отметить, что по своим оборотам внешняя торговля Германии успела к началу XX столетия выйти на мировой уровень, при этом ей удавалось вытеснять с традиционных рынков старые колониальные державы, в том числе в их собственных владениях, извлекая выгоду там, где экономические системы других великих держав проявляли свои недочеты и слабые стороны.

Применительно к проблеме прямой зависимости агрессивной внешнеполитической доктрины кайзеровской Германии от наличия твердой торгово-экономической основы М.Н. Муравьев писал: «Вопрос этот императорское правительство, со своей стороны, признает заслуживающим серьёзного внимания. Исходя из того соображения, что экономические интересы начинают брать верх в настоящее время над политическими и что обладание Германией Триестом или каким-либо участком Адриатического побережья может изменить в корне теперешнее значение Средиземного моря, мы, конечно, не могли бы оставаться равнодушными к столь широким замыслам германского правительства и должны были бы в таком случае озаботиться соответствующим обеспечением наших интересов...»¹²¹. Это ценное замечание означает, что в преддверии общеевропейской войны потенциальный захват Германской империей города Триеста и её утверждение на Адриатике давал бы немцам возможность удерживать контроль над Италией, которая, формально являясь союзницей Германии и Австро-Венгрии, в самом начале XX в. начала ориентироваться на страны будущей Антанты.

Колониальная политика являлась жизненно необходимой для германского государства. Начатые ещё Бисмарком в 1884 г. колониальные

¹²¹ Там же.

захваты вызвали неоднозначную и довольно противоречивую реакцию в немецком обществе: крупная буржуазия и торгово-промышленная элита настаивали на необходимости создания Германией колониальной империи, что позволяло расширить рынки сбыта фабричной продукции, которая по качеству не только не уступала, но и часто превосходила английские и французские образцы¹²²; в то же время немецкая социал-демократия с момента своего зарождения, а также рядовые немецкие налогоплательщики и даже часть юнкерства скептически относились к имперской идее, которая могла привести лишь к обогащению наиболее предприимчивого меньшинства, к которому стоит отнести крупную буржуазию¹²³.

Организованный поток в Германскую империю сырья из колоний и прибрежных факторий, относящихся к бассейну Тихого океана, обеспечивал потребности крупного фабричного производства, хотя он не мог решить проблем, с которыми сталкивалась подавляющая часть немецкого бюргерства, не выдерживавшая жесткой конкуренции с разраставшимися монополиями, пользовавшимися поддержкой правительства¹²⁴.

Колониально зависимые территории и страны, обслуживая интересы германских монополистов, давали средства на дальнейшее расширение масштабов германской экспансии, на содержание больших контингентов колониальных войск, которые должны были поддерживать установленный метрополией порядок путём вооружённого подавления регулярно вспыхивавших волнений туземного населения¹²⁵.

Правящие круги Германии, принимая во внимание все издержки форсированной колониальной политики, реальные и потенциальные, не

¹²² Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 54.

¹²³ Там же. С. 55-56.

¹²⁴ Foster William Z. History of the three Internationals. The World Socialist and Communist Movements from 1848 to the Present. New York: International Publishers, 1955. P. 170.

¹²⁵ Туполев Б.М. Европа, США и колониальный мир. Сб. ст. / АН СССР, Институт Всеобщей истории. М.: «Наука», 1988. С. 67.

могли позволить себе в условиях непримиримой борьбы за передел мира, которая разгорелась в последней трети XIX в., заявить в одностороннем порядке об отказе от дальнейшего расширения заморских владений, так как этот опасный шаг сразу же поставил бы Германию в ещё более невыгодное международное положение, лишив её одного из главных атрибутов статуса великой державы.

Захват Германской империей обширных колоний на Чёрном континенте, как называла тогда Африку европейская пресса, в Азии и на Тихом океане действительно стал причиной ухудшения условий труда для части германского населения, занимавшейся традиционными ремеслом и торговлей потому, что колониальная политика не могла осуществляться без резкой концентрации промышленности и капитала, быстро приведшей к росту цен на продукты первой необходимости, а также монополизации экономики и разрастанию корпораций, не оставлявших более мелким конкурентам возможности для выживания¹²⁶.

Динамичный процесс индустриализации кайзеровской Германии, которого требовала активная колониальная политика, вызвал такие негативные последствия, как массовая миграция населения в результате лишения привычных условий жизни и профессиональной деятельности, отставание трудового законодательства от экономических и политических требований рабочих, а также его несоответствие реальной ситуации на рынке труда, стихийное перемещение последних представителей крестьянства в города. Все эти явления стали олицетворять новую Германию, которая становилась мощной индустриальной державой, способной эффективно конкурировать с английским и французским капиталом в мировом масштабе¹²⁷.

Германия постепенно наводняла европейские рынки своими товарами,

¹²⁶ Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. С. 10.

¹²⁷ Матвеева А.Г. Германская империя. 1870-1914. М.: ИВИ РАН, СГУ, 2003.

одновременно стремясь добиться у своих непримиримых соперниц – Великобритании и Франции – права вести торговые дела в полуколониях. Статус полукolonий получали страны, которые, обладая формальными атрибутами независимости и суверенитета, не могли оказать противодействия экономической экспансии, официально именовавшейся европейскими державами материальной и финансовой помощью, благородным стремлением обеспечить интересующим их народам богатство и процветание¹²⁸.

В начале XX столетия полукolonиями являлись Китай и Иран, которые, юридически оставаясь суверенными государствами, не могли вести самостоятельную внешнюю политику и были фактически разделены на сферы военно-политического и экономического влияния. Россия, как великая держава, тоже имела геополитические интересы в этих регионах¹²⁹.

Из характеристики германской колониальной политики вытекает логический вывод о том, что Германия стремилась к широкому применению военных методов в ходе неизбежного, как считал кайзер Вильгельм II, колониального передела мира. Чтобы выявить особенности противодействия германским колониальным притязаниям, которое им пыталась оказывать российская дипломатия, нужно обратиться к записке известного специалиста по международному праву Ф.Ф. Мартенса, раскрывающей этот уязвимый для русско-германских отношений вопрос.

Ф.Ф. Мартенс в своей записке, касающейся правовых аспектов европейской безопасности и содержащей замечания и рекомендации по вопросам организации конференции по всеобщему разоружению в Гааге, имел основания выразить мнение о том, что неизбежным последствием новых вооружений Германской империи должно стать своевременное

¹²⁸ Телеграммы чрезвычайного посланника и полномочного министра в Тегеране Гартвига Николая Генриховича о немецких концессиях в Иране. Начато 13 февраля 1907 г., окончено 24 мая 1907 г. // ГАРФ. Ф. 559 Оп. 1. Д. 32. Л. 9-10.

¹²⁹ Беляев С.Г. Русское предпринимательство в Китае в конце XIX – начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. № 1. С. 170.

принятие оперативных мер со стороны не только России, Англии и Франции, но и государств, состоящих с ней в союзнических отношениях¹³⁰. Ф.Ф. Мартенс также писал о внутривосточных и экономических проблемах Италии и Австро-Венгрии, которые не позволяли этим странам оказывать активную военную поддержку Германии: «...Между тем одна из них, - Италия, - страшно разорена экономически и едва выносит бремя своего настоящего военно-морского бюджета. Другая, - Австро-Венгрия, - переживает смутное время с точки зрения внутренней политики и столь же мало расположена к дальнейшему отягощению своих, и без того в высшей степени обложенных, плательщиков, новыми налогами на военные нужды...»¹³¹.

Либеральная позиция Ф.Ф. Мартенса была отражена в его профессиональной деятельности. Перед ним была поставлена задача привлечения на сторону царской России политических лидеров Англии и Франции, поэтому он, как специалист в области международного права и человек, сочувствовавший основам конституционного строя и буржуазной демократии, с энтузиазмом взялся за её выполнение. Стоит отметить, что автор рассматриваемой записки возлагает надежду на сознательное отношение к проблеме разоружения со стороны упоминаемых им основных европейских держав: Италии, Австро-Венгрии, Англии и Франции, но в этом перечне отсутствует кайзеровская Германия, к правящей элите которой он не питал ни симпатий, ни доверия. Поэтому в записке Мартенса содержатся именно такие пожелания: «Можно смело рассчитывать, что мысль о всеобщем соглашении для уменьшения военно-морских расходов найдет в них обеих самую горячую поддержку. Столь же сочувственно, можно думать, отнесутся к мысли о созыве для сего международной конференции и Англия, и Франция...»¹³².

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.

¹³¹ Там же. Л. 6.

¹³² Там же. Л. 6.

Ф.Ф. Мартенс признавал, что Россия способна взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение общеевропейской безопасности и мира, а также отслеживать эффективность процессов разоружения. «...Необходимо избрать новый, лучший путь для прочного и благотворного утверждения вселенского мира – писал он. - По-видимому, России, миролюбие, а равно и военно-финансовое могущество которой всеми признаётся, надлежало бы взять на себя почин в этом святом деле и тем вновь запечатлеть свою историческую миссию, как носительницы идеи правды и мира, - идеи, нашедшей себе столь совершенное выражение в лице великого царя-миротворца и ныне последовательно, с такою славою, осуществляемой...»¹³³. За этими полными пафоса словами Ф.Ф. Мартенса скрывается реальное желание и готовность всеми силами содействовать делу разоружения и достижения приемлемого уровня безопасности на европейском континенте. Российская правящая элита и дипломатический корпус отдавали себе отчет в том, что, во-первых, отечественного экономического потенциала не было достаточно для уверенного и достойного участия в гонке вооружений, так как большие трудности возникали при создании, главным образом, современного военно-морского флота; во-вторых, миролюбивые призывы и инициативы России способствовали укреплению её престижа в глазах образованных и прогрессивных европейцев.

Главные положения конструктивной антивоенной позиции Ф.Ф. Мартенса отражены в специальной циркулярной ноте российского правительства с предложением созыва международной конференции по уменьшению вооружений, которая датируется 1898 г. Обозначенная нота, опубликованная при активной поддержке Николая II, предполагала равноправное и добровольное участие великих держав в выработке приемлемых для всех механизмов урегулирования весьма часто возникавших споров и противоречий, в основе которых лежали национальные и

¹³³ Там же. Л. 4.

экономические факторы, в то время как легитимистские принципы Венского конгресса становились явным анахронизмом: правящие элиты европейских государств покровительствовали крупной буржуазии или сознательно, или находились в зависимом от неё положении, нуждаясь в финансовых средствах для поддержания собственной власти и стабильности правящего режима. Россия и Германия, где традиционной опорой монархического строя были представители дворянских фамилий, являлись ярким примером полуфеодальной государственности, сопротивлявшейся честолюбивым притязаниям буржуазии, так как государственная власть с опасением и подозрительностью принимала в свою среду предприимчивых представителей буржуазных кругов, но, вопреки консервативным предрассудкам, этого действительно требовало время.

Циркулярная нота от 1898 г., непосредственно предшествовавшая конференции в Гааге, наряду с провозглашением миролюбивых стремлений российского руководства, была призвана убедить правящую элиту Европы в нерентабельности гонки вооружений и в пагубном воздействии военных конфликтов на цивилизованное развитие, прогресс и материальное благополучие, к которому начали привыкать европейцы. В ней обозначено следующее: «...Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений является, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны стремиться усилия всех правительств. В течение последних двадцати лет миролюбивые устремления особенно твёрдо укрепились в сознании просвещённых народов...»¹³⁴. Это положение можно рассматривать как утопию, обращая внимание на международную ситуацию в конце XIX в., когда все политические аналитики и военные эксперты были уверены, что война за колониальный передел мира, ресурсы и сферы влияния неотвратима, но в то же время стоит положительно оценить мирные инициативы российского

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 76. Л. 100.

руководства, которые в значительной мере соответствовали реально проводимой Россией политике по урегулированию нараставшей дипломатической конфронтации между европейскими государствами. Как выяснилось позднее, Гаагские конференции 1899 и 1907 гг. не смогли обеспечить прочных гарантий в области ограничения вооружений¹³⁵.

Применительно к заботе о выживании европейской цивилизации с её благами и достижениями рассматриваемая циркулярная нота предлагает убедительные рассуждения: «...Всё возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути...»¹³⁶. Важно отметить, что российское руководство апеллирует к интересам прогрессивного и здравомыслящего большинства среди европейских народов, которое предпочитало для себя и для своей родины мирное и созидательное развитие, отказываясь от развязывания и оправдания агрессивных и захватнических войн как на европейском континенте, так и в колониально зависимых странах, полностью лишённых права голоса.

Циркулярная нота российского правительства по уменьшению вооружений завершается довольно логичными выводами, представляющими собой взгляд на возможное рациональное решение по обеспечению равноправного процесса демилитаризации Европы: «Таким образом, по мере того, как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают поставленной правительствами цели. Положить предел

¹³⁵ Мальков В.Л. и др. Первая мировая война: пролог XX века. М.: «Наука», 1998. С. 98.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 76. Л. 100.

непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств...»¹³⁷.

На призыв Николая II к прекращению любых попыток развязывания гонки вооружений и войн между так называемыми цивилизованными народами и государствами, сделанный в августе 1898 г., отчасти откликнулись в Англии, но это не было сделано в официальном порядке с соблюдением всех дипломатических требований.

Прогрессивные представители английской общественности выражали сочувствие мирным инициативам российского императора, но в то же время ни один из крупных политических деятелей Великобритании не давал конкретных гарантий взять обязательства по разоружению от имени королевы Виктории, так как это противоречило традиционной британской внешнеполитической доктрине. В этом отношении официальная Англия в худшую сторону отличалась от Германии, которая, объективно говоря, не считала необходимым тщательно скрывать от России и других европейских держав свои активные действия по наращиванию вооружений и принятию программы строительства современного военно-морского флота на основе крупнейших достижений в науке и технике. В телеграмме агентства Рейтера из Лондона от 7 (19) декабря 1898 г. содержится следующая заметка о реакции в британской столице на миролюбивый призыв Николая II: «...Сегодня состоялся в Сэнт-Джеймс-Холле митинг, созванный журналистом Стэдом с целью обсуждения предложения русского царя касательно разоружения. Лондонский архидиакон председательствовал в собрании, которое постановило резолюцию, рекомендующую царское предложение всем друзьям справедливости и человеколюбия, был поднят вопрос о составлении комитета, который постарался бы подготовить совместную работу цивилизованного мира по этому предмету. Известный теоретик британской внешней политики лорд Артур Бальфур,

¹³⁷ Там же.

придерживавшийся консервативных взглядов, письменно выразил собранию свое сочувствие...»¹³⁸. Из содержания данной телеграммы следует, что никаких видимых шагов в деле обеспечения защиты от военной угрозы и благоденствия европейской цивилизации в Лондоне предпринимать не собирались, хотя высшее британское руководство было в полной мере осведомлено об уважительном по отношению к английскому народу и правительству тоне, которого старалась придерживаться российская дипломатия.

Для внутривосточной стабильности Российской и Германской империй камнем преткновения являлся польский вопрос, который вынуждал Николая II и Вильгельма II искать пути к объединению усилий по усмирению чрезвычайной активности польских патриотов, лишившихся своего государства в ходе трех разделов Речи Посполитой, которые подвергались серьезной критике со стороны либералов. Польские территории в составе России и Германии были подвержены русификации и германизации с целью их секуляризации и постепенного лишения национальной идентичности.

По мнению В.А. Зубачевского, российские западные рубежи имели неудобную геополитическую конфигурацию (в случае войны с Германией польский выступ был бы не преградой, а легкой мишенью для стремительного удара немецких войск), в экономическом и идеологическом отношении Россия не была подготовлена к войне, поэтому руководство Российской империи стремилось уклониться от активного участия в назревавшем военном конфликте¹³⁹. Кроме того, в сферу его научных интересов входит историография польского вопроса, с нерешенностью которого была связана уязвимость западных рубежей России накануне Первой мировой войны¹⁴⁰.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 51. Л. 30.

¹³⁹ Зубачевский В.А. Политика России в Центральной Европе накануне и в годы Первой мировой войны (обзор историографии) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 373.

¹⁴⁰ Там же.

Германская империя вынуждена была использовать вооруженные силы, подвергавшиеся регулярному реформированию и усовершенствованию, в качестве средства для подавления регулярно разгоравшихся внутренних волнений, причем аналогичные методы часто применяло и российское руководство, особенно когда речь заходила о мятежах поляков на территории Привисленского края¹⁴¹. Николаю Павловичу Игнатьеву, известному представителю российской дипломатии, занимавшему длительное время ответственный пост посланника России в Константинополе и принимавшему участие в заключении в 1878 г. Сан-Стефанского мира с Турцией, докладывали о наличии взрывоопасной ситуации в принадлежащей России части польских земель, а также о постоянном росте напряженности в данном регионе, обусловленном историческими условиями и факторами.

В анонимной записке от 14 ноября 1905 г. приводятся сведения, которые должны были склонить Н.П. Игнатьева либо к решительным карательным мерам против непокорных поляков, либо к всеподданнейшему ходатайству перед российским императором о назревшей необходимости продажи Германии польских земель, принадлежавших России, чтобы избавить Николая II и его окружение от проблем, связанных с вынужденными расходами на содержание многочисленного военно-административного аппарата. Что касается кайзеровской Германии, то её предполагалось ослабить столь спонтанной сделкой из расчета на готовность германского руководства мирным путем приобретать новые территории. Дальновидные немецкие политики вместе с военными стратегами, располагавшими опытом в разработке милитаристской политики на восточных рубежах, как выяснилось, в кратчайшие сроки сумели это понять, и изменение границы между Россией и Германией при подобных обстоятельствах было обречено на провал. В записке, адресованной Игнатьеву, содержится следующая информация: «...Решение польского вопроса должно быть ориентировано на

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1839. Л. 1.

губернии Привисленские (бывшее королевство польское), должна быть оккупация их германскими войсками, а затем передача Германии с вознаграждением в размере 5 миллиардов; России в таком случае не нужно будет держать в Польше полмиллиона войска и армии чиновников русских, расходов на Привисленский край не будет, а государственный бюджет увеличится 5 миллиардами...»¹⁴².

Автор пытался доказать, что от продажи польских территорий Россия могла бы получить не только единовременное денежное вознаграждение, но и обеспечить себе более уверенное и выгодное стратегическое положение на западной границе, а также преодолеть в некоторой степени дефицит государственного бюджета, который был в императорской России в период революции 1905-1907 гг. явлением с угрожающе высокими масштабами. Н.П.Игнатьев признавал наличие явных ошибок и злоупотреблений в проводившейся имперской политике в отношении Польши, которая обусловила эскалацию этнического и социально-политического конфликта в регионе в тот потенциально подходящий момент, когда центральная власть в связи с массовым революционным движением находилась в неустойчивом положении, поэтому ей нужно было выиграть время, чтобы восстановить прежний порядок вещей. В ноябре 1905 г. российское руководство нуждалось в дополнительных ресурсах, чтобы осуществить подавление организованных восстаний и беспорядков, вспыхивавших на национальных окраинах. Опасность и непредсказуемость ситуации, сложившейся в Привисленском крае к концу 1905 г., описаны в рассматриваемой анонимной записке: «...Политика наша в Польше в течение ста лет не дала никаких результатов, быть может, отчасти потому, что один генерал-губернатор разрушает то, что другой насаждал в отношении обрусения Польши, впрочем, этот вопрос сложный и в нескольких строках его нельзя обнять, в настоящее время русские дела в Привисленском крае обстоят нехорошо,

¹⁴² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1839. Л. 1.

можно ждать и кровопролитий и возможных беспорядков, когда там установится порядок, трудно предвидеть, но можно предполагать, что дело русское в Привисленском крае не будет стоять лучше теперешнего...»¹⁴³. Опираясь на рассматриваемый документ, можно предположить, что решение Венского конгресса о предоставлении Российской империи значительной части Польши вместе с Варшавой в конечном счете не обеспечило той высокой степени безопасности и спокойствия на западных рубежах российского государства, на наличие которой возлагала надежды русская военно-политическая элита: нестабильность в Польше делала Россию уязвимой по отношению к Германии, и этот фактор реально мог заставить Россию добровольно отказаться от неё в пользу Германской империи.

Российский дипломатический корпус, руководствуясь прямыми указаниями верховной власти и опираясь на аналитические труды ученых-правоведов, а также профессиональных юристов, стремился урегулировать нестабильное положение на российско-германской границе, чтобы при дальнейшем развитии событий не было прецедентов для нарушения норм международного права и договоренностей с германским консульством. Доказательством существования данной тенденции является записка барона Михаила Александровича Таубе, историка и юриста-международника, который был российским представителем на II Гаагской конференции по вопросам мира и разоружения, проходившей в 1907 г., где обладал весьма широкими полномочиями в рамках своего дипломатического статуса. Обозначенная записка касается проблематики экстерриториальности чинов дипломатического корпуса, которая оказывала влияние на сложившийся в Европе порядок функционирования межгосударственных отношений, включая фундаментальные основы российско-германского взаимодействия на высшем уровне.

¹⁴³ Там же.

М.А. Таубе выдвинул тезис о некотором несовершенстве механизмов, обеспечивавших экстерриториальность дипломатов и послов, которое, к разочарованию автора записки, имело место на территории ведущих европейских стран, включая Россию: «...Вопрос о так называемой экстерриториальности (внеземельности) чинов дипломатического корпуса разработан в современном законодательстве, как русском, так и иностранных государств – весьма неполно. Нигде точно и исчерпывающим образом не сформулированы все юридические последствия, вытекающие с одной стороны из признаваемого до сих пор повсеместно и в теории и на практике принципа изъятия дипломатического лица (за некоторыми исключениями) из юрисдикции государства, где оно аккредитовано, а с другой – из коррелятивной фикции нахождения его в своем отечественном государстве или подсудности его своим отечественным учреждениям...»¹⁴⁴.

Приведенные рассуждения, таким образом, сводятся к следующему: вопросы подсудности дипломатических чинов, установления их принадлежности к конкретным государствам, а также проблемы, вытекающие из отсутствия точной формулировки юридических последствий за нарушение дипломатического этикета – всё это должно было решаться на уровне общеевропейских конференций, на которых все заинтересованные страны, будучи равноправными партнерами, успешно могли бы вести конструктивные переговоры, заведомо рассчитанные на достижение реалистичных результатов с точки зрения нормативных положений международного публичного и международного частного права.

Завершая мысль, довольно чётко излагаемую им в рассматриваемой записке, М.А. Таубе разъясняет проблематику соотношения принципа экстерриториальности и подсудности уполномоченных лиц, официально обладающих этим правом: «Посему во всех тех случаях, когда подсудность определяется местом жительства ответчика, внеземельное лицо не может

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

быть привлечено в качестве ответчика в суд той страны, где оно фактически пребывает, и, напротив того, оно подлежит территориальной юрисдикции этой страны по всем тем искам, по которым оно было бы обязано отвечать перед её судами, если бы даже оно в действительности находилось за границей»¹⁴⁵. На состояние российско-германских отношений данный принцип оказывал серьезное влияние, так как в изучаемый период одной из причин нагнетания атмосферы напряженности и подозрительности между монархиями Романовых и Гогенцоллернов являлся организованный взаимный шпионаж. Российская и германская правящая элита считала целесообразным затрачивание крупных средств из имперской казны на сбор и обработку агентурных сведений, которые должны были найти своё применение в деле обеспечения национальной безопасности.

Экстерриториальность представителей дипломатических миссий, описанная М.А. Таубе, была крайне необходима в качестве проверенного механизма, помогавшего реакционным властным структурам обеих монархий сохранять видимость уважения к дипломатическому этикету, буржуазной законности и формальным юридическим предписаниям на фоне традиционной склонности к применению силовых методов в отстаивании государственных интересов. Ситуацию резко ухудшало то обстоятельство, что опасные инциденты с выдачей сведений, содержащих государственную тайну, становились обыденным явлением на приграничных между Россией и Германией территориях, поэтому требовалось регулировать подсудность российских и германских подданных, подозреваемых в шпионаже и подрывной деятельности в отношении тех царских органов власти, которые действовали на национальных окраинах.

Представляет научный интерес отношение первого департамента министерства юстиции за № 22203, которое было адресовано второму департаменту министерства иностранных дел, вице-директором которого

¹⁴⁵ Там же.

являлся правовед М.А. Таубе. В этом отношении, датированном 16 апреля 1907 г., содержатся важные сведения, касающиеся русско-германских переговоров и консультаций по вопросам применения наследственного права, в решении которых были заинтересованы российские подданные, приобретавшие имущество и вступающие в права собственников на территории Германии: «На отношения от 22 декабря 1906 г. и 26 февраля сего года за № 15907 и 2803, по возбужденным Гамбургским управлением наследственными сборами вопросам о том, основывается ли действующий в России закон взимании пошлин с наследств на принципе национальностей или же на принципе местожительства и, в последнем случае, упомянутый закон в смысле обоснования его на принципе национальности, - первый департамент, с разрешения господина товарища министра юстиции, имеет честь уведомить второй департамент министерства иностранных дел, что Правительствующим Сенатом в решении общего собрания первого и кассационного департаментов, от 29 января 1901 г. за № 4, разъяснено, что из самого наименования и содержания закона 15 июня 1882 г. (положение о пошлинах с имуществ, переходящих безвозмездными способами) явствует, что установленные им сборы, а в числе их и наследственная пошлина, представляют собой налог имущественный, а не личный...»¹⁴⁶.

Первый департамент министерства юстиции, таким образом, предоставил второму департаменту министерства иностранных дел подробное уведомление с рекомендациями о том, как стоит подходить к обсуждению с Гамбургским управлением юридические вопросы, связанных с институтом наследования, и на какие законы нужно делать ссылку, чтобы добиться от германских коллег строго соблюдения норм международного права, одновременно отстаивая интересы российских собственников, и, как следствие, престиж Российской империи.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

Охранительный характер политического строя Российской империи, который опирался на официальный тезис о незыблемости и прочности клерикально-монархических ценностей, обусловил повышенное внимание со стороны государства к тем политическим силам за пределами России, которые могли оказать влияние на характер социальных процессов внутри страны. К числу таких политических сил, в первую очередь, необходимо отнести германских социал-демократов, занимавших ведущие позиции в европейском рабочем движении. Распространение социал-демократических идей в России воспринималось политической элитой страны, как внесение чуждой народу идеологии с целью расшатывания государственного строя империи.

Полноценный анализ комплекса условий и факторов, которые влияли на выработку политических решений российским руководством в отношении Германии, предполагает рассмотрение такого важного аспекта, как активизация деятельности германской социал-демократии, пытавшейся брать на себя ответственность за решение стоявшего перед германской нацией большого перечня проблем социально-экономического и политического характера. Важно отметить, что, с учетом полученного в 1905-1907 гг. опыта преодоления затяжного кризиса верховной власти, обусловленного революционными событиями, пристальное рассмотрение проблематики социал-демократического движения в соседней Германской империи и роста числа убежденных сторонников марксистской идеологии стало особенно актуальным для российской правящей элиты, что отражено в работах А.В. Игнатьева¹⁴⁷ и А.Г. Матвеевой¹⁴⁸.

Что касается германской социал-демократии, особенно её ревизионистского направления, возглавляемого Карлом Каутским, Эдуардом Бернштейном и Августом Бебелем, то она, в отличие от российской, поддерживала правительственную линию по укреплению

¹⁴⁷ Игнатьев А.В. Внешняя политика России в 1905-1907 гг. М.: «Наука», 1986. С. 72.

¹⁴⁸ Матвеева А.Г. Германская империя. 1870-1914. М.: ИВИ РАН, СГУ, 2003. С. 105.

обороноспособности страны, по утверждению и распространению «цивилизаторской миссии» немцев во всем мире, так как они являлись носителями более высоких форм культурной, научной и экономической жизни.

Германские социал-демократы, проводя так называемую ревизию главных положений марксизма, теоретически допускали возможность своего прихода к власти конституционным путем, поэтому они вели активную работу по подготовке своей партии к парламентским выборам, в которой наблюдались значительные успехи¹⁴⁹. В противовес германским единомышленникам российская социал-демократия исключала возможность сотрудничества с царским правительством. Активизация левых политических сил с их антибуржуазной и антимонархической пропагандой в равной степени настораживала властные структуры России и Германии, которые видели в ней реальную угрозу, способную подорвать сложившиеся устои общественной, политической и экономической жизни.

Фридрих Энгельс, оказывавший огромное влияние на общественно-политическую деятельность германских социал-демократов, в своей работе «Социализм в Германии» предположил, что традиционная внешнеполитическая линия Германии по отношению к России и Франции, разработанная ещё Бисмарком и основанная на активном использовании немецкой дипломатией противоречий между этими сильными державами, которые соседствовали с Германской империей, в скором времени должна потерпеть полный крах. Он фактически предсказал то, что в будущей большой войне ставкой должно стать суверенное существование и благоденствие немецкой нации, основанное исключительно на революционной демократии и свободе. Отстаивая свои убеждения, Энгельс писал в указанной выше статье: «Война, в ходе которой русские и французы вторглись бы в Германию, была бы для неё борьбой не на жизнь, а на смерть,

¹⁴⁹ Geschichte der revolutionären Berliner Arbeiterbewegung. Von den Anfängen bis 1917. Berlin: Dietz Verlag, 1987. B. 1. S. 524-525.

борьбой, в которой она, чтобы обеспечить своё национальной существование, должна была применить самые революционные средства... Война принесёт Германии либо победу через два-три года, либо полный разгром, от которого она не оправится по крайней мере лет пятнадцать-двадцать»¹⁵⁰. Ф. Энгельс подвергал резкой критике также внутреннюю политику канцлера Бисмарка, одним из главных приоритетов которой была борьба с немецкой социал-демократией и с претензиями её лидеров на политическое влияние в Германии, поэтому он приветствовал в 1890 г. отмену чрезвычайного закона против социалистов¹⁵¹. Германский император дал официальное согласие на отмену этого закона, действовавшего в течение 12 лет, чтобы восстановить внутривнутриполитическую стабильность и порядок, а также обеспечить престиж собственной власти, но данное решение Вильгельма II не было поддержано российским руководством, принимавшим энергичные меры по борьбе с поникавшим в Россию марксизмом.

Лидеры российской социал-демократии были солидарны с германскими коллегами в негативном отношении к российскому самодержавию. Об этом свидетельствует письмо Георгия Валентиновича Плеханова, временно проживавшего в Женеве, адресованное Ф. Энгельсу в Лондон, в котором автор приводит сведения о репрессивном характере власти в России: «Вы уже знаете, что господин Николай младший оказался отъявленным реакционером. Дурново и другие актёры предыдущего царствования могут теперь себя поздравить...»¹⁵².

На особенности работы съездов германской социал-демократической партии и на перечень выносимых в повестку дня вопросов, затрагивающих жизненные интересы немецкого народа, указывал в депешах министру

¹⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1962. Т. 22. С. 259.

¹⁵¹ Revolutionäres Parteiprogramm – Revolutionäre Arbeitereinheit. Studien zum Kampf um die Vereinigung des Marxismus mit der Arbeiterbewegung. Berlin: Dietz Verlag, 1975. S. 421.

¹⁵² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 734.

иностранных дел А.П. Извольскому советник посольства в Берлине Николай Ильич Булацель, добавляя к ним собственный комментарий, отличавшийся своевременностью и квалифицированностью. Извольский и российский посланник в Берлине граф Н.Д. Остен-Сакен доверяли Н.И. Булацелю как профессионалу, умевшему оперативно и объективно оценивать политическую ситуацию в государстве, где он выполнял дипломатические поручения.

Н.И. Булацель, долгое время проживавший в Германии, был достаточно осведомлен о применяемых немецкими социал-демократами методах достижения намеченных целей, о стратегии и тактике политической борьбы, об отсутствии единства внутри социал-демократического движения. Будучи осведомленным в вопросах, касающихся деятельности многочисленных политических сил в Германии, этот дипломат информировал при посредничестве А.П. Извольского российское руководство, проявлявшее особый интерес к проблеме популярности марксизма, которая была причиной усиливавшегося влияния германских социал-демократов на распространение левой идеологии в России, вызывавшее объективную обеспокоенность и требовавшее принятия защитных мер. Булацель, который допускал умеренные буржуазные преобразования в рамках монархического государства, а в традиционных христианских ценностях видел противовес притязаниям социал-демократов, пользовался поддержкой царского правительства.

Полезная информация содержится в депеше Н.И. Булацеля, в которой он повествует о съезде социал-демократической партии, проходившем в Эссене в 1907 г. Выбор места проведения съезда свидетельствует о том, что его организаторы стремились произвести впечатление на рабочий электорат: Эссен был одним из крупнейших центров тяжёлой промышленности, который располагался в Вестфалии – индустриально развитой территории в составе Германской империи. Стоит также заметить, что эссенский съезд по важности вынесенных в повестку дня вопросов и принятых решений не

уступает съезду в Готе, работавшему ещё в 1875 г., на котором была окончательно оформлена германская социал-демократическая партия путем объединения лассальянцев и эйзенахцев, находившихся ранее в состоянии взаимной вражды. Также на готском съезде были приняты программные установки этой новой для Германии партии, создатели которой позиционировали себя в качестве серьезной политической силы¹⁵³.

Выборы в рейхстаг, проходившие в январе 1907 г., принесли германской социал-демократической партии неожиданное поражение, которое заставило её лидеров искать более эффективные методы политической пропаганды и новую технику работы с электоратом для обеспечения потенциального успеха в будущем¹⁵⁴. Н.И. Булацель докладывал в упомянутой депеше, что «под влиянием пережитых потрясений на эссенском съезде, протекавшим с необычайными для социал-демократических собраний тишиной и сдержанностью, взяло верх самое умеренное направление»¹⁵⁵. Это свидетельствует о том, что автор документа относился к социал-демократической идеологической базе с большим недоверием и подозрительностью.

Для Николая II, получавшего соответствующие сведения от А.П. Извольского, не было неожиданным то обстоятельство, что на деятельность германских социал-демократов большие надежды возлагали квалифицированные рабочие развитых стран Европы, которые имели соответствующий образовательный уровень и были готовы нести ответственность за активные действия избранных ими лидеров, что в распоряжении левых сил имелся организованный электорат, позволявший влиять на принимаемые германским рейхстагом политические решения.

Интересны замечания Н.И. Булацеля по поводу мнения консервативных газет о сущности состоявшегося в Эссене съезда. Он писал 27 сентября (4

¹⁵³ Schröder Wolfgang. Klassenkämpfe und Gewerkschaftseinheit. Berlin: Tribüne Verlag, 1965. S. 5.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

¹⁵⁵ Там же. Л. 1-2.

октября) 1907 г.: «...умеренность эта является лишь тактическим приемом, посредством которого социал-демократия старается привлечь к себе напуганных непримиримостью партии избирателей»¹⁵⁶. Очевидно, что автор депеши полностью разделяет взгляд газет консервативной направленности на стратегию и тактику политической борьбы за места в рейхстаге, применявшиеся германскими социал-демократами, указывая на якобы присущий им популизм и отсутствие не только исключительного желания, но и реальных возможностей решать назревшие социальные проблемы быстро растущего населения страны.

Депеша Н.И. Булацеля предоставляет данные о том, что германская социал-демократия не обладает внутренним единством, а значит, правительство потенциально могло пренебречь её голосом в процессе принятия важнейших государственных решений, включая вопросы, касающиеся внешних сношений: «...Обнаружившееся на съезде в Эссене новое течение очень напоминает пресловутый ревизионизм, причем сторонниками его являются теперь те самые руководители германской социал-демократии с Бебелем во главе, которым ревизионизм был обязан своим неуспехом на дрезденском съезде...»¹⁵⁷. Ревизионисты не разделяли наиболее ортодоксальных положений марксизма, которые касались классовой борьбы, но из-за отсутствия четкой политической платформы они к началу работы эссенского съезда социал-демократической партии допустили потерю единства по ключевым вопросам стратегии и тактики с более радикальными её членами. Ревизионизм и оппортунизм в 1906-1907 гг. были главными внутренними проблемами, с которыми сталкивалась германская социал-демократия¹⁵⁸. В условиях значительного роста реакционных тенденций со стороны правившей элиты Германии разрозненность в социал-демократическом лагере объективно наносила

¹⁵⁶ Там же. Л. 2.

¹⁵⁷ Там же. Л. 2-3.

¹⁵⁸ Wohlgenuth Heinz. Karl Liebknecht. Eine Biographie. Berlin: Dietz Verlag, 1975. S. 119.

ущерб его политическому имиджу, за который активно боролись его убежденные сторонники.

Необходимо принять во внимание позицию делегата эссенского съезда Густава Носке, который признавал обязанность социал-демократов защищать своё отечество от неприятеля наряду с остальными гражданами¹⁵⁹. Носке был приверженцем так называемого тевтонского духа: это означало, что любой немец должен проявлять лояльность государству и соблюдать железную дисциплину в случае нарастания военной угрозы, четко и неукоснительно выполняя приказания сверху, а то, что он может быть членом какой-либо партии, - второстепенно. В подтверждение этой мысли стоит привести следующее замечание Н.И. Булацеля: «...Речь эта вызвала страстные нападки некоторых непримиримых участников съезда, предложивших резолюцию разделить социал-демократов на две категории в зависимости от отношения их к военной службе. Однако резолюция эта была отвергнута и сторонники Носке остались в большинстве...»¹⁶⁰. В преддверии Первой мировой войны взгляды Г. Носке и его соратников не разделяли наиболее радикальные члены социал-демократической партии, к числу которых можно отнести Розу Люксембург, Карла Либкнехта и Фрица Хекерта¹⁶¹.

Квалифицируя позицию депутата Носке на съезде германской социал-демократической партии в Эссене как частный пример исключительного патриотизма со стороны политика, ориентировавшегося на идеалы социализма, нужно оговориться, что, когда началась Первая мировая война, умело преподнесенная кайзером и генералитетом в качестве справедливой борьбы за процветание подвергшейся нападению цивилизованной Германии, абсолютное большинство немцев, принадлежавших к противоборствующим

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 45. Л. 3-4.

¹⁶⁰ Там же. Л. 4.

¹⁶¹ Fritz Heckert. Ein revolutionärer Führer des Proletariats. Eine biographische Skizze. / Herausgeber: Bezirksleitung Karl-Marx-Stadt der SED Kommission zur Erforschung der Geschichte der örtlichen Arbeiterbewegung. Karl-Marx-Stadt, 1974. S. 10.

партиям, с воодушевлением откликнулось на призыв к защите родной страны.

Социал-демократическая партия Германии, как и другие политические объединения, проявляла значительный интерес к колониальной проблеме, которая являлась предметом бурных дискуссий в рейхстаге, где право голоса имели как активные сторонники, так и непримиримые противники увеличения темпов и масштабов вторжения в далёкие от европейской цивилизации земли. Н.И. Булацель докладывал по этому поводу: «Вопрос об отношении социал-демократии к колониальной политике остался не разрешенным окончательно на съезде, постановившем лишь руководствоваться временно решением последнего международного съезда в Штутгарте, признавшего возможность ведения колониальной политики, но социалистической, а не капиталистической...»¹⁶². Это может означать, что часть социал-демократов не стремилась отказываться от идеи величия Германской империи, которая требовала расширения колониальных владений.

Н.И. Булацель также привел обоснованную мысль о том, что колониальная экспансия не теряет своей сущности при изменении или корректировке её официального наименования: «...Различие это весьма неопределенно и представляет лишь попытку выйти из затруднения в щепетильном вопросе, о который сокрушалось столь недавно могущество германской социал-демократической партии...»¹⁶³. Николай Ильич сумел понять ситуацию, сложившуюся на эссенском съезде СДПГ: действительно, довольно сложно отыскать и сформулировать принципиальные различия между вышеупомянутыми методами организованного колониального вторжения, которое изначально не могло претендовать на законную основу, причём это касается всей европейской социал-демократии, которая в ключевых тактических и стратегических вопросах традиционно

¹⁶² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

¹⁶³ Там же. Л. 5.

ориентировалась на решения регулярно проводившихся германских социал-демократических съездов.

Так называемая социалистическая колониальная политика предполагала акцентирование внимания на цивилизаторской и просветительской функции германских переселенцев среди туземного населения, которое нуждалось в этой благородной миссии, не имея возможности самостоятельно устроить свою жизнь. В социалистических формах германского колониализма, равно как английского и французского, наблюдались явные идеологические противоречия и диспропорции: теоретически официальные заявления германских социал-демократов содержали изначально благие намерения, достойные эпохи Просвещения, но когда дело доходило до их практической реализации, то социал-демократия не отличалась от самых ревностных сторонников активизации политики колониальных захватов¹⁶⁴.

Капиталистическая колонизация, упомянутая в анализируемой нами депеше российского дипломата Н.И. Булацеля, означала организованный и ничем не скрываемый грабеж территорий и стран, или уже покоренных метрополий, или находившихся под угрозой вторжения, или частично захваченных территорий, населенных исключительно туземцами. Именно архаичные методы капиталистической колонизации применялись кайзеровской Германией как при расширении её заморских владений, которые призваны были обеспечить престиж в глазах английских, французских политических лидеров и произвести впечатление на представителей российского руководства, так и при удержании покоренных территорий в повиновении, причем в решении этого исключительно важного вопроса у немцев было гораздо меньше опыта, чем у англичан и французов¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. С. 224.

¹⁶⁵ Из истории буржуазной дипломатии и межимпериалистического соперничества в конце XIX и первой половине XX века [Сб. статей. / Редкол.: С.С. Григорцевич (отв. ред.) и др.]. Томск: Изд-во Томского университета, 1985.

Проводимая с германской спецификой капиталистическая колонизация оказалась, в конечном счете, неэффективной: немцы, в отличие от стран Антанты, не смогли в полной мере не только извлечь максимальную выгоду из своих колониальных приобретений, но и сохранить их по итогам Первой мировой войны. Лишившись своих колоний, Германия в значительной степени потеряла преобладающую часть внешних ресурсов, которые она могла эксплуатировать, и, таким образом, была вынуждена опираться на свои собственные силы, постепенно превращаясь в автаркию.

Съезд германской социал-демократической партии в городе Эссене пытался решить также весьма важный для мирового пролетариата вопрос о необходимости праздника 1 мая, но было постановлено лишь «руководствоваться резолюциями маннгеймского и йеннского съездов о желательности, по возможности, празднования этого дня»¹⁶⁶. Как известно, традиционное празднование 1 мая рабочими всего мира – это наследие II Интернационала, начало которому в 1889 г. положил Международный рабочий конгресс, работавший в Париже. Впервые день солидарности трудящихся отмечался в 1890 г.¹⁶⁷. Германская социал-демократия внесла значительный вклад в организацию и популяризацию этой традиции, укреплявшей позиции немецких социалистов как политической силы, отличавшейся конкурентоспособностью¹⁶⁸. Празднование 1 мая было одним из консолидирующих факторов как для немецких, так и для российских рабочих, что вызывало беспокойство у представителей власти в России: насильственное подавление многочисленных рабочих волнений в указанный период становилось всё менее эффективным, поэтому от российского руководства требовалось принятие мер по учету интересов пролетариата.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.

¹⁶⁷ Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. / Редкол.: М.П. Мчедлов и др. М.: Политиздат, 1982. С. 439.

¹⁶⁸ Айзин Б.А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903-1906 гг.). С. 33-34.

Таким образом, резолюции, принятые на эссенском съезде германской социал-демократической партии, вызывали интерес у российского внешнеполитического ведомства. Последнее, принимая во внимание комплекс существовавших у немцев проблем, активно использовало данные сведения для выработки и принятия наиболее рациональных решений в отношении кайзеровской Германии, чтобы упредить возможные осложнения в российской внутривнутриполитической ситуации в ближайшем будущем.

Особо выделяемая рядом советских историков революционная группа германских социал-демократов не проявляла должной активности в противодействии колониальной пропаганде¹⁶⁹. В рейхстаге они не обладали политическим влиянием накануне Первой мировой войны, и подавляющее большинство немецких рабочих, которые являлись их главной опорой, практически не интересовались колониальной тематикой, ибо она не отвечала их социальным запросам. При этом для сохранения исторической объективности стоит помнить, что гипертрофированный интерес к росту колониальных владений, столь ярко проявленный германскими правящими кругами, не учитывал потенциального нарушения баланса в трудовых отношениях, который впоследствии крайне негативно повлиял на внутривнутриполитическую ситуацию в кайзеровской Германии. Квалифицированные германские рабочие, понимая сущность монополистического капитализма, отдавали себе отчет в том, что колониальные войны будут способствовать только ухудшению условий труда, росту налогового бремени, увеличению сверхприбылей, прежде всего, финансовой буржуазии и обнищанию большинства рядовых немецких тружеников¹⁷⁰.

Что касается конечных итогов съезда в Эссене, то Н.И. Булацель доводит до нас следующую информацию: «...Хотя социалистические газеты говорят

¹⁶⁹ Айзин Б.А. Ежегодник германской истории. [АН СССР, Институт всеобщей истории, Комиссия историков СССР и ГДР]; Отв. ред. Б.А. Айзин. М.: «Наука», 1986.

¹⁷⁰ Айзин Б.А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903-1906 гг.). С. 52.

об успехе съезда в городе Эссене, показавшего, будто бы, что, несмотря на свои неудачи, германская социал-демократия представляет могущественную и сплоченную силу, но уверениям этим плохо верится, так как на съезде обнаружилось с особой ясностью, что сама партия не уверена в своих теперешних силах и поворотом к умеренности стремится завербовать новых приверженцев...»¹⁷¹. Автор анализируемого документа даёт понять, что германская социал-демократия, подобно остальным политическим группам и партиям, действует, прежде всего, в своих интересах, и на первом месте у неё – достижение приемлемых результатов на очередных парламентских выборах. При этом социал-демократическая партия, утратив бывшее единство, взятое за парадигму на едином готском съезде 1875 г., постановившем также применять состязательную тактику парламентской борьбы, располагала реальной возможностью оказывать влияние на политическую жизнь в Германской империи, где в преддверии Первой мировой войны наблюдалась тенденция к резкому снижению роли демократических и либеральных институтов.

Готский съезд провозгласил, что германская рабочая партия должна добиваться свободного государства, и это было отмечено в написанной Карлом Марксом «Критике готской программы»¹⁷². Здесь речь идет о намерениях социал-демократов в случае окончательной победы на выборах и обеспечения надежного большинства в парламенте наделить немецких тружеников преимущественно такими же буржуазными правами и свободами, которыми они формально могли пользоваться согласно имперской конституции 1871 г. Маркс, понимая основную направленность данных заверений и обещаний социал-демократической партии, писал: «...германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах современного национального государства, стало быть, своего государства, Прусско-германской империи, - да иначе и требования её были

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 45. Л. 6-7.

¹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. Т. 15. С. 282.

бы в большей части бессмысленны...»¹⁷³. Представители германской социал-демократии, таким образом, не являлись сторонниками ни интернационализма, противоречившего духу немецкого народа, ни государственного переворота, предпочитая сильное национальное германское государство с внешними демократическими атрибутами классовой солидарности трудящихся.

На отсутствие единства в германском социал-демократическом движении указали тактические решения, принятые ещё на съезде СДПГ в 1898 г., который работал в Штутгарте. Данный съезд был отмечен тем, что ревизионисты, признанным лидером которых был Эдуард Бернштейн, заявили о себе, как о реальной политической силе, претендовавшей на собственные идеологические установки и на пересмотр тех положений марксизма, которые предполагали приход рабочего класса к власти исключительно революционным путем¹⁷⁴. А.С. Ерусалимский, исследуя проблемы, связанные с организованной ревизией учения Маркса и Энгельса, а также оценивая степень её воздействия на изменение политической обстановки в кайзеровской Германии, писал: «...Штутгартский съезд СДПГ в 1898 г. обсудил возникшую в партии ситуацию и высказался за революционные принципы рабочего движения. Но ревизионистские взгляды Бернштейна и его сторонников на съезде официально не были осуждены. Он сам и его сторонники не были исключены из партии. Влияние группы оппортунистов, относительно немногочисленной, но уже располагавшей собственными печатными органами, постепенно усиливалось...»¹⁷⁵.

На 1898 г. пришелся также I съезд РСДРП, функционировавший в Минске. Этот съезд не был освобожден от влияния со стороны профессиональных теоретиков и практиков марксизма из соседней Германии, которые имели необходимый опыт в достижении желаемых политических

¹⁷³ Там же. С. 283.

¹⁷⁴ Euchner Walter. Karl Marx. München: Beck Verlag, 1983. S. 136.

¹⁷⁵ Ерусалимский А.С. Германская история в Новое и Новейшее время. С. 390.

результатов. Для российской власти активизация социал-демократии в Германии и её негативное влияние на внутривнутриполитическую стабильность в России представляли собой опасный прецедент, который вынуждал усиливать меры полицейского контроля и продолжать прямое давление на прессу и печатные органы.

Рассмотренная нами записка Н.И. Булацеля позволяет сформулировать два основных вывода, отражающих степень влияния германского социал-демократического движения на развитие политического кризиса в России на рубеже XIX-XX вв. Во-первых, политическая активность социал-демократических сил, которая наблюдалась в кайзеровской Германии в указанный период, вызывала обеспокоенность у российской политической элиты, не видевшей в развитии левой идеологии прогрессивных для России перспектив. Во-вторых, российское руководство располагало достаточной информацией об особенностях проведения съездов германской социал-демократической партии и принимаемых на них решениях, от которых зависел успех на парламентских выборах, а также стремилось к её эффективному применению в процессе разработки политики в отношении Германии.

На основании проанализированных источников и литературы необходимо сформулировать некоторые выводы, в которых отражены особенности формирования негативного образа Германии в российском общественном сознании. Во-первых, политическое развитие кайзеровской Германии на рубеже XIX-XX вв. являлось предметом повышенного интереса со стороны российской власти. Во-вторых, личные связи императоров Вильгельма II и Николая II, хотя они постепенно теряли свою прежнюю прочность, оказывали прямое воздействие как на внешнюю, так и на внутреннюю политику обеих монархий. В-третьих, достоверные сведения о масштабах и характере колониальной политики Германской империи позволяли российскому руководству иметь объективное представление о планах императора Вильгельма II по активному применению военной силы в странах

Азии и Африки, а также в бассейне Тихого океана, что давало преимущества Германии и вступало в противоречие с интересами России, которая стремилась укрепить и расширить своё военное присутствие на Дальнем Востоке. В-четвертых, русско-германские отношения далеко не всегда укладывались в рамки принятых норм международного права. Квалифицированные оценки складывавшейся в правовой сфере негативной ситуации содержатся в записках таких известных юристов и теоретиков права, как Ф.Ф. Мартенс и М.А. Таубе. В-пятых, проникновение социал-демократических идей в Россию воспринималось российской политической элитой как один из главных факторов, вызывавших затяжные политические кризисы, поэтому верховная власть вынуждена была себя защищать, что выражалось в отказе от германского опыта частичного привлечения лидеров социал-демократии к участию в управлении государством.

1.2. Роль экономических факторов в решении российской правящей элитой германского вопроса в конце XIX – начале XX вв.

Изучение торгово-экономических и финансовых аспектов российско-германских взаимоотношений на рубеже XIX-XX вв. является прямой необходимостью при объективном выявлении причин как тесного сотрудничества между обеими монархиями, так и резкого антагонизма между ними, который имел место в это время. Указанная научная проблема может быть раскрыта в полном объеме лишь при использовании широкого комплекса опубликованных и неопубликованных источников, поэтому настоящее диссертационное исследование предполагает освещение лишь отдельных фрагментов экономической проблематики. Стоит отметить, что даже фрагментарное рассмотрение документов экономического характера и содержания позволяет не только указать на значительное влияние российско-германского экономического взаимодействия на выработку и принятие политических решений представителями российской правящей элиты в отношении кайзеровской Германии, но и проанализировать причины складывания в российских деловых кругах враждебного отношения к германским партнерам.

Николай II и его окружение, учитывая быстро меняющиеся международные реалии, вынуждены были ориентироваться на германский опыт создания эффективно функционирующего хозяйства, обращая внимание на достигнутые немцами темпы экономического роста, достаточно устойчивые по отношению к кризисам. Быстрое наращивание германской военной мощи обеспечивалось более совершенной, чем у России, экономической моделью, ориентированной не на вывоз сырьевых ресурсов, а на широкое, даже по меркам рассматриваемого исторического периода, внедрение в производство последних достижений во всех областях науки и техники. Это обстоятельство было сигналом к более активным действиям со

стороны российского руководства по модернизации всей системы социально-экономических отношений.

В.И. Бовыкин указывал на то, что российское руководство обращало значительное внимание на активность германских властей в вопросе строительства железных дорог, которые должны были связать кайзеровскую Германию с Австро-Венгрией и Турцией, правительства которых попали в зависимое положение по отношению к крупным немецким промышленникам и финансистам: «В Петербурге с беспокойством наблюдали за германским железнодорожным строительством в Малой Азии. Весной 1899 г. царская дипломатия попыталась достигнуть соглашения с Германией на следующих основаниях: Россия готова согласиться на экономическую экспансию Германии в Малой Азии, но Германия должна признать притязания России на проливы и дать обещание «в случае необходимости» воздействовать на другие державы «в желательном для России духе»»¹⁷⁶.

С.Ю. Витте, будучи министром финансов и видным экономистом, докладывал Николаю II в 1898 г. о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. В своей профессиональной деятельности он отстаивал необходимость государственного регулирования экономической жизни и сочетания зарубежного опыта развития капитализма со спецификой России¹⁷⁷. А.П. Корелин в своем очерке, посвященном биографии С.Ю. Витте, пишет о головокружительной карьере этого царского сановника, которая началась в 1890 г., когда он был назначен директором департамента для заведования тарифной частью железных дорог в министерстве путей сообщения¹⁷⁸.

Руководствуясь тезисом о том, что протекционистский тариф 1891 г. не приносил желаемой пользы для российской внешней торговли, С.Ю. Витте

¹⁷⁶ Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. – 1917 г. С. 19.

¹⁷⁷ Невоструев Н.А. Идеи С.Ю. Витте о развитии России и реальность // АНТРО. 2013. № 2. С. 81.

¹⁷⁸ Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 12.

сформулировал в своем докладе императору следующую мысль: «...Таможенный тариф 1891 г. был благодетельной мерой только потому, что он предполагал последующие торговые договоры и проток иностранных капиталов, и нельзя устранить эти логические его последствия иначе, как рискуя превратить и первоначальную меру во вредную для народного благосостояния.»¹⁷⁹. Далее он продолжает доказывать правильность своей внешнеэкономической доктрины: «Мы должны будем тогда настаивать перед странами, покупающими наши сельскохозяйственные произведения, на установлении для этих продуктов пониженных пошлин, и в этом интересы нашего земледелия снова и, может быть, с ещё большей остротой, нежели в пору памятной таможенной войны с Германией в 1893-1894 гг., столкнутся с интересами местного земледелия государств, с коими нужно будет заключать договоры»¹⁸⁰.

Приведенные высказывания из доклада С.Ю. Витте демонстрируют не только его собственные экономические взгляды, но и отражают проводившуюся государственную политику России в отношении Германии в торгово-экономическом плане, причем Николай II, как и его отец Александр III, предоставил большой кредит доверия С.Ю. Витте, находившемуся на посту министра финансов в течение 12 лет.

Вопросы и проблемы, касающиеся взаимной заинтересованности российского и германского императоров в активных торговых контактах, имели принципиальное значение при подготовке и организации личных встреч между Николаем II и Вильгельмом II. Заметим, что от их скорейшего решения зависело продолжение дипломатических контактов в той форме, которая могла бы удовлетворить запросы обеих стран. Мнение о том, что обсуждение дипломатических аспектов российско-германских отношений находилось в прямой зависимости от их торгово-экономической

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1026. Л. 10.

¹⁸⁰ Там же.

составляющей, высказано и обосновано в работах А.В. Игнатьева¹⁸¹ и Г.А.Хидоятова¹⁸². Авторы приходят к выводу о нерешенности ряда дипломатических вопросов между Россией и Германией, так как представители этих государств отказывались делать необходимые для сохранения добрососедских отношений уступки в экономической сфере.

Чтобы в полной мере представить себе динамику бурного экономического развития Германии, с которым приходилось считаться и германофилам, и германофобам в российском руководстве, нужно обратиться к такому важному источнику, как донесение анонимного агента министерства торговли и промышленности в Берлине об экономическом и финансовом положении Германии от 19 июля (1 августа) 1913 г., т. е. ровно за год до начала Первой мировой войны. «Министр торговли и промышленности тайный советник С.И. Тимашев, - как указано в самом начале донесения, - имеет честь препроводить при сем, для сведения, копию предоставленного агентом министерства в Берлине донесения... по вопросу о современном экономическо-финансовом положении кайзеровской Германии...»¹⁸³.

В указанном донесении содержатся сведения о том, что германская экономика к середине 1913 г. продолжала пребывать в стадии динамичного роста, при этом особенно ярко его демонстрировал реальный экономический сектор, в то время как финансовый капитал в кайзеровской Германии традиционно уступал по своим показателям промышленному¹⁸⁴.

Усилия русского агента в Берлине были направлены на выявление финансовых трудностей Германии, а также причин некоторого снижения выпуска немецкими кредитными учреждениями денежных знаков, дисбаланса между функционированием банковской системы Германии и немецкой промышленностью, достигшей более ощутимых успехов в 1912-

¹⁸¹ Игнатьев А.В. Последний царь и внешняя политика. С. 4.

¹⁸² Хидоятов Г.А. Указ. соч. С. 143.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

¹⁸⁴ Там же. Л. 2.

1913 г. Его донесение было адресовано крупному банкиру С.И. Тимашеву, который занимал пост министра торговли и промышленности, чтобы тот мог проанализировать проблемы немецкой экономики, сопоставить их с положением в российской экономической сфере и применить полученные результаты в государственных интересах России. Согласно предположениям самого Сергея Ивановича Тимашева, российская правящая элита должна была проявить политическую дальновидность, чтобы было обеспечено приобретение некоторых выгод и преференций из проведенного им анализа.

В донесении агента министерства торговли и промышленности зафиксированы следующие факты: «...В области финансов июль 1913 г. в Германии может быть охарактеризован дальнейшим повышением частного учета, равнявшегося в среднем 5,647 % против 5,380 % в мае сего года. Следствием дороговизны денег явилось сокращение эмиссионной деятельности. Сумма выпусков новых промышленных ценностей достигла лишь 74 млн. против 138,7 млн. в июне 1912 года. В общем, за все первое полугодие 1913 г. эмиссионная деятельность в Германии выразилась (в курсовой стоимости) в сумме 1711 млн. марок против 2093 млн. марок за первое полугодие 1912 года...»¹⁸⁵.

Принимая во внимание временное снижение масштабов эмиссионной деятельности, которое наблюдалось в Германии в 1912-1913 гг., с целью более объективной характеристики состояния германской финансовой сферы в предвоенные годы было необходимо фиксировать необоснованное увеличение выпуска государственных ценных бумаг, которые весьма часто являлись ничем не обеспеченными по причине общего снижения темпов экономического развития. Это обстоятельство приводило к разорению, в первую очередь, среднего класса немецких тружеников, а также к росту внутреннего долга государства перед населением. В анализируемом нами донесении приведен ряд цифр, характеризующих увеличение выпуска

¹⁸⁵ Там же. Л. 2.

государственных бумаг на фоне угрожающего состояния финансового сектора германской экономики: «...наряду с сильным сокращением выпусков промышленных ценностей, городских облигаций и облигаций земельных банков, значительно увеличились выпуски государственных бумаг, как германских, составляющих 731 млн., так и в особенности иностранных, составляющих 347 млн. марок...»¹⁸⁶.

Упомянутый нами агент доносил в вышестоящие инстанции о том, что финансовая система Германии также испытывала серьезный кризис, связанный с невозможностью без явного ущерба для немецкой экономики совместить выполнение обещанных гарантий и обязательств перед слаборазвитыми странами, в которых германское руководство видело потенциальных союзников, с обеспечением стабильности и конвертируемости имперской марки. В его донесении отмечено, что «...чрезмерное увеличение выпусков иностранных займов, которое не без основания считается одной из причин, содействовавших ухудшению положения денежного рынка в Германии, обусловлено в значительной степени соображениями политического свойства...»¹⁸⁷.

Мы можем предположить, что в стратегические планы кайзеровской Германии входило закрепление финансовой зависимости от немецких банков Австро-Венгрии, Румынии, Мексики и отчасти Китая, на территорию которого увеличивался вывоз германского капитала, чтобы продемонстрировать всей Европе масштабы германских внешнеполитических претензий и усилить в регионе Тихого океана экономические позиции немцев, а также, используя любой удобный политический повод, попытаться вытеснить англичан и французов с наиболее перспективных рынков, с точки зрения извлечения прибыли, которые были предметом постоянных колониальных споров. Этот тезис

¹⁸⁶ Там же. Л. 2.

¹⁸⁷ Там же. Л. 2.

находит подтверждение в указанном донесении¹⁸⁸. Подобные действия Германии квалифицировались подавляющей частью представителей российского руководства как недружелюбные по отношению к России, и для данного фактора имелось объяснение: обострение соперничества за колониальный передел мира, провоцируемое германскими империалистическими кругами и германскими общественными организациями, выразившими им сочувствие, представляло серьёзную опасность для международного положения царской России и её престижа.

Что касается попыток вовлечь в сферу влияния Германской империи не только полуколоний, но и молодых развивающихся стран, предпринимаемых немецкими монополистами при безусловной поддержке правительства, то в донесении, копия которого была передана министру С.И. Тимашеву, приведены доказательства существования обозначенных стратегических целей германского руководства. В донесении действовавшего в Берлине агента содержится востребованная информация о займах, размещенных в германских банках: «...Германия в течение истекшего полугодия должна была учесть 75 млн. франков румынских казначейских свидетельств и взять на себя размещение венгерского займа на 75 млн. крон и австрийской ренты на 150 млн. крон. Кроме того, Германия участвовала в китайском займе. Сумма иностранных займов была бы ещё больше, если бы Германия ввиду напряжения денежного рынка не отклонила реализации мексиканских займов...»¹⁸⁹.

Навязывание кредитных операций рассматриваемым странам было продиктовано военными соображениями: Австро-Венгрия являлась участницей Тройственного союза, поэтому Германия должна была частично решать её финансовые проблемы с целью укрепления союзнических отношений; Румыния, недавно освободившись от османского суверенитета, ориентировалась на Германию, причем германофильские настроения

¹⁸⁸ Там же. Л. 2.

¹⁸⁹ Там же. Л. 2.

румынских властей основывались на страхе перед российским самодержавием, что являлось заслугой германской прессы и печати, выполнявшей заказ кайзера и его политических консультантов.

Проблема роста безработицы была актуальна для всех ведущих капиталистических держав накануне Первой мировой войны, и Германская империя не является в этом отношении исключением. Обеспечение нормального функционирования рынка труда было одним из главных приоритетов экономической политики германского руководства: затягивание процесса оперативного решения проблем, вызванных безработицей, могло привести к социальной напряженности и окончательной потере лояльного отношения к власти среди наименее защищенных слоев немецкого общества.

С.И. Тимашев, пересылая министру иностранных дел С.Д. Сазонову собранные агентом министерства торговли и промышленности объективные сведения об ощутимых трудностях и диспропорциях, с которыми пришлось столкнуться экономике Германии в предвоенные годы, имел при этом целостное представление об уязвимой для открывающих производство немецких промышленников и неквалифицированных рабочих ситуации на рынке труда. Тенденции к росту безработицы были следствием отсутствия реальных результатов в государственной политике германских властей по увеличению количества вакантных рабочих мест, что подтверждается донесением агента из Берлина: «Рынок труда находился в июне месяце этого года, точно также как и во все предшествовавшие месяцы, начиная с февраля, в худшем положении, чем в прошлом году: на 100 свободных мест приходилось ищущих работы в июне 1913 года 126,9 человек, в июне 1912 г. – 118,3. Особенно много безработных в Берлине, где число ищущих работы достигало 156,1 на 100 свободных мест...»¹⁹⁰.

Кайзеровская Германия в преддверии Первой мировой войны была способна продемонстрировать сравнительно высокие для капиталистической

¹⁹⁰ Там же. Л. 5.

экономики средние показатели роста, что вызывало оправданную обеспокоенность у российского руководства¹⁹¹. Завершившаяся ещё в период канцлерства Бисмарка эпоха грюндерства предоставила немецкой буржуазии уникальную возможность добиваться быстрого наращивания материальных благ, организации наиболее эффективных методов производства в короткие сроки, так как процесс накопления первоначального капитала протекал весьма успешно, сумев в полной мере раскрыть огромный германский экономический потенциал.

Характеризуя с использованием ценных сведений, содержащихся в донесении действовавшего в Берлине агента министерства торговли и промышленности, отдельные отрасли германской промышленности по состоянию на июнь 1913 г., нужно отметить, что наблюдались бесспорные успехи в добывающем секторе. С.И. Тимашеву докладывали из Берлина: «...Положение каменноугольной промышленности было по-прежнему благоприятным. Добыча каменного угля достигла необыкновенно высокой цифры в 15,93 млн. тонн против 13,89 млн. тонн в прошлом году, точно также замечается увеличение добычи бурого угля, производства кокса и брикетов...»¹⁹². Для С.И. Тимашева, направлявшего эту информацию в министерство иностранных дел, было совершенно ясно, что указанные агентом количественные данные говорят о достаточной обеспеченности Германии каменным углём и продуктами его переработки, эффективно применявшимися практичными немцами в тяжелой индустрии, по развитости которой русские не могли в то время превзойти немцев. Далее в донесении упоминается, что «...за всё полугодие добыча каменного угля достигла рекордной цифры в 93,58 млн. тонн, которая более чем на 10 % выше прошлогодней цифры...»¹⁹³. Эти сведения доказывают преимущества германской тяжелой промышленности, которые необходимо было учитывать

¹⁹¹ Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. (Торговые отношения в конце XIX в.-1914 г.). С. 63.

¹⁹² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

¹⁹³ Там же. Л. 5-6.

российской политико-управленческой элите при решении германского вопроса.

Применительно к развитию немецкой металлургии в 1913 г. стоит отметить, что её высокий уровень поддерживался за счет массового строительства железных дорог, и это подтверждается сообщением Франкфуртской газеты, одного из важнейших печатных органов тогдашней Германии: «...Благодаря заказам казны на рельсы наша крупная промышленность легче перенесет понижение конъюнктуры»¹⁹⁴. С.И. Тимашеву также было доложено о том, что «...если же в общем производстве стального синдиката по всем продуктам имелось, тем не менее, на 70000 тонн выше, чем в прошлом году, то это объясняется исключительно большими заказами железнодорожных материалов со стороны прусских казенных железных дорог...»¹⁹⁵. Это означает, что строительство железнодорожных путей являлось одной из важнейших задач экономического и стратегического характера, которую ставили перед собой представители германского руководства. Железные дороги не только обеспечивали стабильную доставку грузов различного назначения в любую точку страны, но и гарантировали территориальное единство Германии в случае её участия в большой войне. Благодаря широкому использованию разветвленной сети железных дорог у германского руководства имелась возможность быстрого подавления при помощи доставленных войск национальных волнений не только в польских землях, но и в Эльзасе, Сааре и Лотарингии¹⁹⁶.

С.И. Тимашеву было известно, что германские политические лидеры проявляли большой интерес к наращиванию оборотов внешней торговли, которая нуждалась в государственной поддержке в условиях осознаваемого и ожидаемого абсолютным большинством немецких промышленников и

¹⁹⁴ Там же. Л. 6-7.

¹⁹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 104.

представителей финансового капитала приближения крупного военного конфликта в Европе. Внешнеполитическое положение Германии предполагало резкое увеличение расходов на усовершенствование вооружения и обмундирования германских войск. Следствием своевременного принятия этих мер было вхождение германской армии в число наиболее боеспособных и технически оснащенных вооруженных формирований в пределах всего европейского пространства в указанный период.

В рассматриваемом донесении Тимашева указывается на то, что в предвоенное время в Германии наблюдалось некоторое превышение показателей импорта над соответствующими масштабами экспорта, причём эта тенденция подкрепляется конкретными цифрами, но в то же время она не вызывала тревогу у немецких экономистов и не могла принести пользу российскому руководству в борьбе за лидирующие позиции в русско-германских внешнеторговых отношениях и контактах: «...Необходимость искусственно развивать вывоз за границу путем выдачи премий несомненно указывает на понижение покупательной способности внутреннего рынка. Обращаясь к цифрам внешней торговли, мы видим, что замечаемое в некоторых отраслях промышленности ослабление ещё не отразилось на оборотах внешней торговли. За июнь ввоз в Германию, за исключением драгоценных металлов, исчисляется в 924 млн. марок против 848 млн. в 1912 г., а вывоз - в 815 млн. марок против 687 млн. в 1912 году...»¹⁹⁷. Передавая на рассмотрение в министерство иностранных дел эти количественные показатели, С.И. Тимашев даёт одновременно косвенное замечание по поводу того, что российской правящей элите не стоило терять бдительность в отношении немцев, которые были способны в кратчайшие сроки решать сложные проблемы, и делать ставку на возможное ослабление темпов экономического роста в кайзеровской Германии, чтобы, используя

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 7.

неблагоприятную ситуацию в немецкой экономике, решиться на односторонний отказ от некоторых невыгодных обязательств и ограничений, предусмотренных русско-германскими торговыми договорами от 1894 и 1904 гг.

Приведённые выше сведения прямо свидетельствуют о том, что активность российских торгово-промышленных кругов в сношениях с Германией была направлена на преодоление сравнительно низкой конкурентоспособности отечественных товаров, что было выгодно германскому капиталу. Предположение о попытках Германии воспользоваться временной слабостью России для навязывания ей неравноправного торгового договора 1904 г. было выдвинуто и обосновано Б.М. Туполевым¹⁹⁸.

В конце XIX в. усугублявшиеся таможенные споры с Германской империей занимали важное место как в экономической, так и в политической жизни России, и это обстоятельство имело объективные причины: приближённые к императорскому двору российские промышленники и деловые круги, зная об уязвимых сторонах отечественной внешней торговли и преимуществах германской, оказывали влияние на принятие ответственных решений в сфере торгово-экономических отношений между Россией и Германией. Дело в том, что российское правительство вынуждено было постепенно переходить к более уверенной и целенаправленной политике протекционизма в отношении Германии, отказываясь от ряда статей тарифа 1891 г., которые стали восприниматься как недопустимые уступки германской стороне. На принятии вышеуказанного тарифа настаивал министр финансов Иван Алексеевич Вышнеградский, считавший его показательным примером суверенной экономической политики России, которая должна была стать достойным ответом на необоснованные претензии кайзеровской Германии.

¹⁹⁸ Туполев Б.М. Монополистический капитал и экспансия Германии в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник германской истории. 1978. – М.: 1979. С. 227-255.

В ответ на отказ Германии предоставить льготы для ввоза и транзита русских товаров Россия в 1893 г. пошла на принятие двойного таможенного тарифа¹⁹⁹. Сразу после этого решения российского руководства началась открытая таможенная война с Германией 1893-1894 гг., во время которой, по мнению К.Е. Иванова, каждая из сторон стремилась свалить вину за применение чрезвычайных экономических мер на противника²⁰⁰. Официальная российская печать направляла свои усилия на оправдание двойного таможенного тарифа, заявляя о том, что его принятие должно было восстановить экономическое равновесие²⁰¹. А.С. Ерусалимский, стремясь дать объективную характеристику капиталистическому развитию кайзеровской Германии в указанный период, описывал масштабы так называемого германского экономического чуда: «...Вся история немецкого капитализма до Первой мировой войны не знала таких высоких темпов промышленного подъема, как в 90-е годы XIX в. За это десятилетие прирост промышленной продукции составил 62,6 % (в 1900-1910 гг. – лишь 37 %)...»²⁰². Это учитывалось российским руководством в процессе взаимодействия с Германией.

Решение о пересмотре тарифных положений 1891 г. было вызвано систематическим нарушением германской стороной обязательств по формально равноправным с Россией таможенным уступкам. Содержание данных уступок было чётко определено в тексте торгового договора 1894 г., а также в приложенном к нему конвенционном тарифе, который был гарантирован немецкими делегатами российской стороне на правах наиболее благоприятствуемой нации. В связи с экономическим кризисом 1900-1903 гг.

¹⁹⁹ Ерешко Е.В. Симбиоз протекционизма и либеральных таможенно-тарифных мер в российской таможенной политике XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 104.

²⁰⁰ Иванов К.Е. Русско-германская таможенная война 1893-1894 гг.: причины экономической конфронтации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. № 3. С. 48.

²⁰¹ Там же. С. 49.

²⁰² Ерусалимский А.С. Германская история в Новое и Новейшее время. С. 355.

Германия пошла на увеличение тарифных ставок на ввозимую из России сельскохозяйственную продукцию, что повлекло за собой ответные действия российских властей и означало, таким образом, увеличение масштабов таможенной войны между соседними государствами: «...Напротив, самые влиятельные предпринимательские организации и преобладающая часть капиталистов решительно высказалась в пользу укрепления протекционистских мер»²⁰³.

В 1902 г. Германия пошла на очередной шаг, направленный на ликвидацию в одностороннем порядке невыгодных для неё, особенно в условиях экономического кризиса, тарифных льгот по отношению к импортируемым ею российским товарам, которые были оговорены и юридически закреплены в ходе работы Берлинской конференции в 1894 г.: «20 ноября, после принятия Германией – главным торговым партнером России – нового таможенного тарифа, резко повышавшего ставки на ввоз сельскохозяйственным продуктом, и особенно зерна, Витте представил Николаю II доклад с проектом русского тарифа. В следующем месяце проект был вынесен на обсуждение Государственного Совета. Несмотря на отдельные критические замечания, тариф благополучно прошел эту инстанцию и 13 января 1903 г. после утверждения императором получил силу закона. Из 218 статей прежнего тарифа по 91-й статье пошлины были значительно повышены. Увеличение ставок коснулось, в первую очередь, химических продуктов, машин, станков, черных и цветных металлов и изделий из них. Новый тариф означал продолжение и укрепление прежнего протекционистского курса правительства...»²⁰⁴.

При подготовке текста договора о торговле и мореплавании, подписанного 29 января (10 февраля) 1894 г., министерство финансов России вынуждено было настороженно следить за каждым шагом немцев, чтобы не

²⁰³ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: «Международные отношения», 1997. С. 22.

²⁰⁴ Там же. С. 22-23.

допустить чрезмерного понижения тарифа в одностороннем порядке на ввозимые на российскую территорию германские товары. Это требовалось в силу имевшихся у министерства финансов обязательств проводить с немцами соответствующие консультации по текущим торгово-экономическим вопросам и проблемам, чтобы сохранять видимость официально провозглашенного дружеского партнерства между российским и германским народами.

Широкий перечень инструкций и распоряжений, который должен был склонить германскую сторону к согласию на ведение переговоров о выработке и создании подходящих условий для взаимного благоприятствования в торговых делах, министерство финансов получало от Государственного Совета: «...Постановляя мнение по сему предмету и признавая за повышенным тарифом отчасти характер репрессалии, долженствовавшей побудить договаривающиеся с нами страны к уступчивости, Государственный Совет указал при этом в руководство министру финансов, что тарифные соглашения наши с иностранными государствами могли бы последовать на базе разумных уступок в общем таможенном тарифе и что соглашение на этой именно почве было бы даже желательно...»²⁰⁵. Необходимо дать к этой краткой выдержке следующий комментарий: вышеупомянутый русско-германский договор о торговле и мореплавании, как выяснилось вскоре после его заключения, германское руководство не рассматривало всерьез. Более того, оно стремилось к тому, чтобы найти возможность уклониться от взятых на себя обязательств по снижению тарифных ставок на импортируемую российскую продукцию в тех же размерах и в той же последовательности, как это осуществляла Россия по отношению к товарам из Германии.

В составленном Витте, Ковалевским и Тимирязевым изложении дела, касающегося разъяснения ключевых вопросов подготовленного договора, по

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1813. Л. 3.

данной проблематике приводятся следующие доводы: «Так как предположенные министром финансов исходные для конференции размеры понижений тарифа весьма значительно разнились от заявленных Германией пожеланий и были соображены с крайней осторожностью, то на самой конференции естественно оказалось необходимым пойти на дальнейшие уступки, при условии соответственного уменьшения Германией своих первоначальных пожеланий...»²⁰⁶. Министр финансов С.Ю. Витте, принимая активное участие в подготовке текста договора с кайзеровской Германией, ориентированного на оздоровление деловых отношений с этим исключительно важным для императорской России партнером, высказывал некоторые соображения по поводу устойчивого роста негативных тенденций в российской экономической жизни, причиной которых была неофициальная и необъявленная русско-германская таможенная война. Он сделал следующее замечание: «...Русские заказы, которые прежде делались в Германии, и притом по важным статьям немецкого производства, перешли к другим государствам, имевшим возможность доставлять эти предметы в Россию с оплатой меньших пошлин...»²⁰⁷.

Что касается компетентного мнения российских промышленников по поводу ближайших результатов русско-германского договора 1894 г., то оно нашло отражение в специальной записке Южно-Русского Днепропетровского металлургического общества на имя министра финансов, в которой сделаны выводы о негативном влиянии на горнозаводскую промышленность понижения таможенных пошлин по торговому договору с Германией: «...Высочайше утвержденная совещательная контора железозаводчиков в лице выборных представителей всех горнозаводских районов России: Уральского, Северного, Подмосковного, Польского с Юго-Западным и Юга России, - считает долгом засвидетельствовать, что при живом содействии вашего высокопревосходительства, неоднократно уже доказанном, русская

²⁰⁶ Там же. Л. 4.

²⁰⁷ Там же. Л. 19.

металлургическая промышленность с полной готовностью пойдет навстречу стремлениям правительства в указанном смысле и найдет возможность с успехом выйти из того положения, которое создаётся для неё торговым договором с Германией»²⁰⁸.

Совещательная контора железозаводчиков, будучи законно действовавшим представительным органом, стремилась в диалоге с властью отстаивать интересы русских промышленников, которые с трудом могли конкурировать с размещавшимися на территории России иностранными фабриками и заводами, в том числе германскими, что подтверждается содержанием указанной записки, адресованной С.Ю. Витте. Авторы документа предлагали комплекс защитных мер, которые должны были не только существенно улучшать ситуацию в отечественной тяжелой промышленности, но и оказывать содействие выгодной эксплуатации российских железных дорог: «...совещательная контора железозаводчиков считает себя обязанной указать на соответственное применение железнодорожных тарифов по отношению к ввозу иностранных товаров и по перевозке продуктов внутреннего производства горнозаводской промышленности в местных и прямых сообщениях, рассчитанных для успешной конкуренции с однородными иностранными продуктами, на правильную организацию кредита вообще и промышленного в особенности, в настоящее время у нас отсутствующего, на упорядочение рабочего вопроса и, главное, на твердую решимость производить исключительно на русских заводах все правительственные заказы...»²⁰⁹. Вышеперечисленные предложения действительно были направлены против чрезмерной зависимости российской экономики, переживавшей в 1890-е гг. промышленный подъем, от инвестиций со стороны иностранного капитала. При этом ключевые министерства, от эффективной деятельности и решений которых напрямую зависела государственная безопасность России, не сочли

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1812. Л. 2.

²⁰⁹ Там же. Л. 1.

возможным полностью отказаться от импорта зарубежной фабричной продукции: «Несмотря на такое положительное восприятие, министерства военное, морское и путей сообщения до сих пор продолжают делать заказы за границей...»²¹⁰.

Руководство Германии не собиралось признавать сам факт повышения российскими властями тарифных ставок на ввозимые в Россию немецкие товары, являвшиеся произведениями добывающей и перерабатывающей промышленности, а также на технические культуры аграрного сектора. Это обстоятельство стало проблематичным для германского внутреннего рынка и обернулось против его интересов из-за быстрого товарного перенасыщения, так как значительная доля промышленной и сельскохозяйственной продукции, предназначенной для российских потребителей, не находила спроса в других государствах даже по демпинговым ценам.

Германская сторона, дав согласие на участие в конференции по выработке текста торгово-экономического договора, формально признавала тот факт, что между Россией и Германией сложились паритетные деловые отношения. Наряду с этим, исходя из реального положения вещей, необходимо отметить: реальные интересы Германии, которые она пыталась отстаивать на достаточно высоком международном уровне, на который могла претендовать эта конференция, прямо противоречили намерениям и программным установкам делегации из России. Указанные противоречия вынуждали отечественных наблюдателей и экспертов, к числу которых нужно отнести Витте, усомниться в прочности и долговечности отношений, вытекавших из статей принимавшегося официального документа, потенциально предполагавшего равное распределение обязательств между Россией и Германией. Обращая внимание на нерешенность этих проблем и сложности в оценке планов немецкой стороны, С.Ю. Витте и либерально настроенные сотрудники министерства финансов не могли разделять веру

²¹⁰ Там же.

консерваторов в дальновидность проводившейся экономической политики по отношению к Германской империи: «Текст договора вызвал на конференции оживленный обмен мыслей между русскими и германскими делегатами, ввиду целого ряда предъявленных Германией условий, принятие коих представлялось недопустимым и отказаться от коих она со своей стороны тем более затруднялась, что однородные постановления включены были в текст её последних торговых договоров. Таким образом, Германия настаивала: на расширении прав иностранцев по владению имуществ в России, на допущении свободного во всех направлениях транзита через наши владения, на предоставлении иностранному флагу права каботажного у нас плаванья, а равно плаванья по нашим рекам, на расширении прав иностранных акционерных компаний по производству своих операций в России...»²¹¹.

Германия, как выяснилось, требовала гораздо больше, чем российская сторона могла ей предложить даже в условиях политики взаимного предоставления державами приблизительно равноправных уступок и максимального благоприятствования, причем неукоснительное выполнение вышеупомянутых германских запросов в полном объеме означало бы превращение России в полуколонию, как это было беспрепятственно сделано с Персией и Китаем. Столь резкие и ничем не контролируемые требования и амбиции, выдвинутые Германией, могли получить хотя бы малейшее оправдание только в случае нанесения немцами безусловного, признанного всеми великими державами поражения Российской империи в крупном военном столкновении, для подготовки и осуществления которого требовалось напряжение всех сил и ресурсов германской нации, а также продолжительный мирный и доверительный период в русско-германских взаимоотношениях, чтобы подробно изучить Россию как военного

²¹¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1813. Л. 26-27.

противника, выявить все пробелы и недостатки, допущенные в процессе укрепления её обороноспособности.

Согласно рассуждениям С.Ю. Витте, в российские экономические планы в обозримом будущем не должно было входить участие национальных корпораций в надвигающейся международной таможенной войне, которая становилась реальной угрозой в связи с укреплением позиций монополистического капитала в торгово-экономических системах ряда великих держав. В этих условиях, по мнению Витте, России необходимо было искать торговый компромисс с кайзеровской Германией, которая в рассматриваемый период сумела найти достаточные силы, чтобы выйти на второе место в мире по темпам экономического роста и которая могла быть заинтересована в увеличении поставок российского минерального сырья и других природных богатств, а также в расширении номенклатуры заказываемых на территории России товаров и услуг.

Российское руководство до заключения торгового договора с Германией в 1894 г., предполагавшего строгое следование вместе с германской стороной оговоренным на официальном уровне правилам тарифной политики, имело широкие возможности вести торгово-экономические операции с государствами, враждебными по отношению к Германии, и свободно выбирать поставщиков нужных ей товаров. На отсутствие у российской стороны крупных тарифных обязательств перед конкретной державой в преддверии договоренностей с Германией указывают в изложении дела по договору о торговле и мореплавании Витте, Ковалевский и Тимирязев: «Россия держалась до последнего времени в своей международной таможенной политике системы единого автономного тарифа по европейской торговле, согласно которому однородные иностранные товары облагались одинаковой пошлиной, независимо от страны их происхождения...»²¹².

²¹² Там же. Л. 1.

Далее С.Ю. Витте формулирует мысль, которая объясняет сущность и значение единого автономного тарифа для российской внешней торговли и свободы мореплавания в условиях мирного времени: «Система эта, сохранявшая за правительством полную свободу в установлении и изменении таможенного тарифа сообразно требованиям промышленности и фиска, не сопровождалась какими-либо особым неудобствами или невыгодами в международном нашем торговом обмене, ибо с большинством иностранных государств нами заключены торговые договоры на основании взаимного предоставления прав наиболее благоприятствуемой нации во всем, что касается торговли и судоходства...»²¹³. Свобода в установлении тарифных ставок на импортируемые в Россию товары вне зависимости от того, какая политическая линия выстраивалась российской правящей элитой в отношении стран, их производивших и поставлявших, и какой политико-правовой режим там действовал, была высоко оценена теми учеными-экономистами и политиками России, которые были сторонниками применения апробированного в развитых капиталистических странах Запада либерального опыта в практическом осуществлении планов приумножения национального богатства и обеспечения условий для активного предпринимательства.

Российский рынок не мог обойтись без определенных категорий товаров, поставщиком которых традиционно была Германия, и, в первую очередь, это касалось регулярно экспортируемых в Россию машин, станков, высококачественной стали и оборудования для динамично строившихся фабрик и заводов. Российское руководство, стремясь покончить с неравноправными тарифными отношениями с германской стороной, должно было учитывать потребности и интересы отечественной промышленности, которые оказались под угрозой, поэтому оно нашло выход из этого сложного положения путем расширения контактов с английскими и французскими

²¹³ Там же.

фирмами, где размещались стратегические заказы России. При учёте российскими властями этих причин было неудивительно, что образовавшуюся нишу быстро заняли так называемые другие государства, о которых упоминал Витте, воспользовавшись непропорциональным понижением российских тарифов, гарантировавшим значительные выгоды без каких-либо неоправданных рисков.

С целью анализа политики взаимных уступок и благопритствования, которая некоторое время была неотъемлемой частью российско-германского экономического взаимодействия и имела свои положительные результаты, нужно объективно рассмотреть проблематику миграционных процессов, связанных с пересечением российско-германской границы сельским трудоспособным населением. Миграция российских подданных была обусловлена поисками необходимых средств к существованию, которые носили сезонный характер. Чтобы проанализировать эти проблемы, стоит обратиться к протоколам русско-германской конференции по уточнению отдельных статей русско-германского торгового договора 1894 г., а также к переписке с российским посольством в Берлине и министерством финансов по тем же вопросам.

Настоящие протоколы и прилагаемая к ним переписка, представляющие из себя ценный источник по изучению текущих проблем российско-германского взаимодействия в сфере внешней торговли и трудностей выработки приемлемого для обеих сторон миграционного законодательства, велись в 1897-1898 гг., когда русско-германский договор о торговле и мореплавании уже имел высшую юридическую силу. С.Ю. Витте в записке от 14 декабря 1897 г. выражал обеспокоенность по поводу некоторых распоряжений министра внутренних дел Пруссии, которые были направлены на ограничение въезда на территорию Германии сезонных сельских тружеников из западных губерний Российской империи, а также из Галиции, принадлежавшей тогда Австро-Венгрии. Российский министр финансов сделал следующее замечание: «...В официальной «Северо-германской

всеобщей газете» опубликован прилагаемый текст циркуляра прусского министра внутренних дел на имя обер-президентов провинций касательно допущения русских и галицийских рабочих в Пруссию, который, по моему мнению, не согласуется с постановлениями заключительного протокола последней русско-германской конференции и близко затрагивает интересы пограничного сельского населения, отправляющегося летом в Пруссию на заработки...»²¹⁴. Так называемая официозная периодическая печать, поддерживаемая и субсидируемая влиятельными промышленными и финансовыми кругами Берлина, отражала подозрительное отношение прусских властей к предоставлению в законном порядке каких-либо гарантий указанным выше рабочим, которые к тому же были лишены права трудоустройства на приграничных с Россией германских фабриках и заводах²¹⁵.

Достигнутое согласие уполномоченных должностных лиц России и Германии на подробное рассмотрение вопроса о статусе сезонных русских и галицийских рабочих на уровне конференции подтверждает тезис о том, что данная проблема носила принципиальный характер и могла оказать негативное влияние на российско-германский переговорный процесс по стратегически важному таможенному пункту, а также стать ещё одной причиной антагонизма между двумя державами. В переписке с российским посольством в Берлине присутствует информация о содержащихся в особом циркуляре прусского министра внутренних дел предписаниях и распоряжениях в отношении лиц, которые нанимались на сезонные работы в Восточной Пруссии: «...последний предписывает обер-президентам иметь неукоснительное наблюдение за тем, чтобы рабочие допускались исключительно к сельскохозяйственным промыслам, чтобы они к 15 ноября каждого года были обязательно выдворяемы из пределов Пруссии обратно в Россию и чтобы переход через границу дозволяем был только бессемейным

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 105. Л. 3.

²¹⁵ Там же.

лицам обоего пола, сопровождение же их с семьями и детьми было допускаемо лишь в особых, исключительных случаях...»²¹⁶.

Подобные запретительные меры министра могли быть мотивированы как протестами против создаваемой притоком иностранной рабочей силы нежелательной конкуренции, исходившими со стороны крестьянского населения Пруссии, которые обрабатывали землю самостоятельно, не прибегая к дополнительному найму рабочей силы, так и прямым отказом прусских фермеров, владевших крупными земельными участками и передовой сельскохозяйственной техникой, от обязательств по повышению размеров денежных выплат в пользу сезонных рабочих, чтобы те имели возможность содержать свои многодетные семьи. Наличие семейного положения у русского или галицийского рабочего говорило потенциальному работодателю лишь о нерентабельности его найма. Российскому руководству необходимо было иметь правильное представление о том, как относились германские органы исполнительной власти к сезонным рабочим, приезжавшим на заработки в Пруссию, и какое место занимал данный вопрос в политической жизни Германии, что подтверждается содержанием записки, составленной С.Ю. Витте: «...Ввиду сего представлялось бы необходимым точно выяснить, как именно понимает германское правительство этот вопрос, т. е. понимаются ли под названием упомянутых в циркуляре «сельскохозяйственных» занятий всякого рода сельские работы, за исключением лишь фабрично-заводских, или же этому постановлению придается более узкое толкование...»²¹⁷. Четкое фиксирование прав и обязанностей сезонных рабочих в законном порядке воспринималось германскими властями как невыгодная перспектива, так как оно лишало их возможности традиционно занимать более привилегированное положение в сфере трудовых отношений, используя огромный трудовой потенциал рабочих, нелегально въезжавших на территорию Германской империи из

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

западных губерний России и австрийской Галиции, и находившихся в полной зависимости от волеизъявления своих новых хозяев. При этом прусские промышленники и фермеры не были ограничены в праве установления в своих интересах ненормированного рабочего дня.

Что касается заботы о нравственном состоянии вышеупомянутых наёмных рабочих, то она должна восприниматься в качестве дополнительного аргумента в пользу пересмотра наиболее жёстких требований и положений трудового циркуляра прусского министра внутренних дел, несовместимых с достигнутым уровнем доверия между Россией и Германией. На ревизии этого циркуляра и на постепенном улучшении обращения представителей местных органов власти в Пруссии с работающими по найму подданными Николая II, который формально не отказывал им в покровительстве, а также на упрощении действовавшего паспортного режима, которое должно было учитывать интересы обеих сторон, настаивало российское консульство в Берлине и министерство финансов во главе с Витте: «...Второе из перечисленных выше требований министерского циркуляра, - о выселении рабочих обратно в Россию непременно к 15 ноября, - находится в противоречии с прямым смыслом того же пункта заключительного протокола, по которому срок паспортов для таких рабочих установлен по 1 декабря, в тех именно видах, чтобы при самом позднем сроке окончания работ оставалось достаточное время для заключения расчётов с работодателями. Наконец, возникает вопрос, насколько совместимо с интересами наших рабочих, переходящих границу, и с попечением об их нравственности, недопущение сопровождать их с семьями и детьми...»²¹⁸.

Очевидная сложность и запутанность рассматриваемой ситуации в сфере российско-германского торгово-экономического взаимодействия объясняется тем, что германская экономика имела огромный потенциал, что её

²¹⁸ ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 105. Л. 3-4.

многоотраслевой характер и высокие технологии обеспечивали значительную устойчивость к кризисным явлениям. Временные трудности не могли оказать серьёзного воздействия на сущность деловых взаимоотношений Германии с Россией, от закрепления которых в традиционной форме предприимчивые немцы не намерены были упускать гарантированных им преимуществ. В подтверждение этих положений необходимо подчеркнуть, что германофобы, занимавшие в составе российского руководства накануне Первой мировой войны наиболее влиятельные позиции, были сторонниками восстановления в полном объеме одностороннего таможенного тарифа на ввозимые в Россию продукты германской промышленности.

Важно отметить, что кайзеровская Германия, широко используя крупный каменноугольный силезский бассейн, имела возможность экспортировать довольно качественный уголь в Россию, Австро-Венгрию и Привисленский край, представлявший собой российскую часть разделенной Польши, находившуюся в непосредственной близости от немецкой Силезии, которая была развита в промышленном отношении²¹⁹. Экспорт угля на приграничные территории Австро-Венгрии и России являлся в 1912-1913 гг. неотъемлемой частью внешнеэкономической стратегии Германии, которая была вызвана не только внутренней необходимостью в оказании помощи со стороны государства добывающей отрасли, приносившей в предвоенное время стабильный доход на фоне разрастания финансовых проблем, но и внешними причинами, обусловленными заинтересованностью немецких предпринимателей в поддержании и расширении партнерства с соседями в сфере торговли и промышленности, а также в сохранении некоторой зависимости тяжелой промышленности указанных стран от регулярных поставок германского угля.

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

Министру С.И. Тимашеву было известно, что в кайзеровской Германии в указанные годы угольный экспорт в Россию и Австро-Венгрию пользовался регулярной и ощутимой поддержкой крупных корпораций, функционировавших под контролем и в интересах государства, которое явно нуждалось в постоянном увеличении объемов вывоза угля в соседние страны, и этот факт четко зафиксирован в рассматриваемом нами источнике: «Одновременно с этим Вестфальский угольный синдикат, наоборот, признал необходимым принять искусственные меры для поощрения вывоза и установил вывозную премию в размере 1,5 марок на тонну, впрочем, исключительно для топлива, потребляемого в железодельной промышленности. За первое полугодие 1913 г. вывоз каменного угля в Германии равнялся 16,3 млн. тонн против 15,1 млн. тонн в 1912 году...»²²⁰.

Вестфальский угольный синдикат являлся одной из крупнейших корпораций, занимавшихся добычей и переработкой угля в Прирейнской Германии, поэтому стоит считать проявленную им инициативу, заключавшуюся в поощрении экспорта угля из Силезии и в максимально возможном наращивании его объемов, свидетельством установления взаимовыгодного сотрудничества между монополистическим промышленным капиталом и государственной властью, что было оправданной мерой в условиях нарастания угрозы общеевропейского конфликта, которая была связана с началом Балканских войн.

Несмотря на то, что вывозные премии были установлены на экспорт угля, предназначенного лишь для нужд металлургии, продажа этого вида топлива странам, уступавшим Германии по уровню научно-технического прогресса, не становилась менее рентабельной и приносила ожидаемую от неё прибыль. Железодельная промышленность в Привисленском крае и австрийской части Силезии в рассматриваемый период развивалась весьма высокими темпами, в результате чего спрос на уголь из соседней Германии регулярно и

²²⁰ Там же.

уверенно возрастал: широкие сырьевые и технические потребности металлургии способствовали тому, что повышенное внимание со стороны государства уделялось целому ряду отраслей промышленности, которые были предназначены для их обслуживания.

Эти факторы также подтверждаются тем, что государственные органы в России и Австро-Венгрии, в отличие от более подготовленного к переменам в социально-экономической и политической сферах германского руководства, не прилагали значительных усилий для выработки методики максимально эффективного взаимодействия между промышленным капиталом, доказывавшим своё право на приобретение определенной доли властных полномочий, и консервативно настроенным дворянством. Потомственные дворяне в России, Германии и Австро-Венгрии продолжали защищать интересы земельной аристократии, к которой относилась значительная их часть, выступая за безусловное сохранение полуфеодального по своей сущности монархического режима, от прочности которого зависело их материальное благополучие. Российские властные структуры, на которые возлагалась ответственность за увеличение показателей в добыче минерального сырья, а также за распределение природных ресурсов в зависимости от нужд различных отраслей экономики, проявляли заботу о том, чтобы продемонстрировать всей Европе военно-экономическую мощь империи. Наряду с этими амбициями, как выяснялось на практике, они далеко не всегда могли обеспечить снабжение имевшихся в составе России промышленно развитых районов, включая польские территории, топливом в необходимом количестве и по достаточно низким ценам.

Стоит отметить, что каменный уголь в то время продолжали рассматривать как основную разновидность топлива, пригодную для использования в промышленных целях. Что касается нефти, то Германия сумела опередить Россию в осознании огромной ценности этого вида минерального сырья, которое быстро заменило уголь в качестве универсального источника энергии, что стало причиной роста соперничества

между великими европейскими державами, стремившимися к обладанию нефтяными месторождениями.

Российская добывающая промышленность в указанное время по рентабельности и окупаемости отставала от германской, поэтому наиболее преуспевающим фабрикам и заводам, расположенным вдоль западных границ Российской империи, было выгоднее закупать германский уголь, чтобы не оплачивать огромные транспортные расходы по доставке сырья, в частности, из Юзовки – одного из старейших угленосных районов, где добыча угля была организована первоначально компанией братьев Хьюз, получившей от царского правительства соответствующий патент. Это может свидетельствовать о том, что таможенная война с Россией, которую со стороны Германии начал провоцировать статс-секретарь по иностранным делам, а затем имперский канцлер Бернхард фон Бюлов, пользуясь всемерной поддержкой кайзера Вильгельма II, наносила приблизительно равный ущерб и российским, и германским экономическим интересам, которые оставались взаимозависимыми вплоть до объявления Германией войны России 19 июля (1 августа) 1914 г.²²¹. При этом российско-германскую таможенную войну допустимо расценивать как один из важнейших результатов большой европейской политики, принципам которой неукоснительно следовали властные круги России и Германии.

Таким образом, торгово-экономические отношения с Германией можно считать своеобразным индикатором проводимой Россией политической линии. Применительно к процессу углубления русско-германского сотрудничества в экономической и торговой сферах следует зафиксировать, что рассматриваемый период характеризуется усиленным проявлением негативных тенденций по отношению к российскому материальному благополучию в большей степени, чем к германскому, и это объясняется воздействием нескольких факторов. Во-первых, российское руководство

²²¹ Копычев Н.И. Таможенный тариф 1902 г. и русско-германские отношения. // Ученые записки Псковского государственного педагогического института. 1964. Вып. 19. С. 267.

было осведомлено о темпах экономического роста, наблюдавшегося в Германии в конце XIX – начале XX вв. Во-вторых, ему были известны высокие количественные и качественные показатели, которые демонстрировала германская экономика, а также её отраслевой состав. В-третьих, вопросы внешней торговли в указанный период в обязательном порядке означали для России наличие германского фактора, так как Германия была не только традиционным партнером, но и сильным конкурентом как в аграрном, так и в промышленном секторе. В-четвертых, российская экономическая система не могла обойтись без германских промышленных изделий и обработанного сырья, но одновременно с этим она остро нуждалась в кредитах, предоставляемых французским финансовым капиталом, поэтому власть вынуждена была искать пути к улаживанию часто возникавших дипломатических осложнений и с Францией, и с Германией. В-пятых, торгово-экономические связи с кайзеровской Германией оказывали непосредственное воздействие на принятие соответствующих политических решений в отношении этого государства: представители российского руководства, вне зависимости от ранга и занимаемой ими позиции по германскому вопросу, признавали важность сохранения взаимовыгодных экономических контактов между обеими державами.

Глава 2. Место и значение германского вопроса в политической жизни России рубежа XIX-XX вв.: теоретический и управленческий дискурс.

2.1. Политико-управленческая элита России. Её участие в рассмотрении германской проблемы на рубеже XIX-XX вв.

Российская политическая элита, в состав которой входили придворные круги, промышленники и предприниматели, генералитет, дипломаты, а также лидеры легальных политических партий, обращала пристальное внимание на важные процессы, которые протекали в Германской империи на рубеже XIX-XX вв., чтобы объективно оценивать возможные перспективы российско-германского взаимодействия.

К числу наиболее обсуждаемых в этом контексте тем можно отнести выдвижение проектов реформ в политико-правовой, национальной, социально-экономической и культурной сферах с их последующей реализацией на практике, активное военное строительство, пропорциональное росту профессионализма среди представителей кайзеровского офицерского корпуса, а также стремительное увеличение государственных военных заказов, что способствовало милитаризации германской экономики и политической системы, а также требовало идеологической подготовки немецкого общества к потенциальному противостоянию с Россией.

Один из самых сложных вопросов в данной проблематике, до сих пор не решенный в отечественной исторической науке, – это оценка влияния «прогерманской» части российской политической элиты на императора, а через него – на формирование российской политической доктрины в отношении Германии. Та часть российской правящей элиты, которая придерживалась консервативных взглядов, выражала надежду на продолжение и укрепление традиционных дружественных отношений с объединённой Германией в новом для неё статусе империи. Если учесть представления и прогнозы консерваторов, то Германская империя не должна

была изменить принципам легитимизма и клерикально-монархической солидарности, провозглашённые Александром I в рамках созданного по его инициативе Священного Союза. Основное противоборство по германскому вопросу, которое имело место внутри российского руководства, было обусловлено внешними для страны обстоятельствами. Несмотря на стратегическое решение России сосредоточить свою дипломатическую активность на странах Антанты, которое было продиктовано необходимостью обеспечения военной, торгово-экономической и финансовой безопасности империи в ближайшем будущем, при императорском дворе активно действовала влиятельная прогерманская партия.

В числе влиятельных представителей прогерманской элиты накануне Первой мировой войны можно назвать члена Государственного Совета П.Н.Дурново и министра императорского двора В.Б. Фредерикса, которые относились к придворным кругам, депутата III и IV Государственных Дум А.Д. Протопопова, защищавшего экономические и политические интересы крупных землевладельцев на парламентском уровне, видных российских дипломатов, среди которых стоит выделить посла в Германии Н.Д. Остен-Сакена и дипломатического представителя России в Японии Р.Р. Розена²²².

В планы государственных деятелей, которых мы можем отнести к этой «партии», не входило несвоевременное прекращение сотрудничества и взаимопомощи между Россией и Германией в военно-политической и дипломатической сферах, которое могло резко ухудшить международное положение России. Согласно позиции М.К. Касвинова по данному вопросу, они должны были рассчитывать на негласную поддержку со стороны императрицы Александры Фёдоровны, жены Николая II²²³. Эта точка зрения не означает, что императрица сознательно поддерживала политические комбинации, наносившие ущерб национальным интересам России. Проблема

²²² Уткин А.И. Первая мировая война. М.: «Алгоритм», 2001. С. 58-59.

²²³ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. С. 46-47.

заклучалась в том, что германофилы использовали любую возможность, чтобы добиться от Николая II согласия на продолжение дружественной политической линии в отношении Германии.

М.К. Касвинов, исследуя внутри- и внешнеполитические результаты почти 23-летнего царствования последнего российского императора, обращал значительное внимание на деятельность указанной правительственной группы, представители которой ориентировались на кайзеровскую Германию. Он писал о методах и целях прогерманской партии следующее: «Эта группа, впоследствии получившая подкрепление в лице Распутина, упорно отстаивала принцип жизненной взаимозависимости двух династий. Пронемецкая партия внушала царю, что лучше всего гарантирует его личные интересы ориентация на единение с рейхом, вступление в некое русско-германское общество взаимного страхования от грозящей революции...»²²⁴. Апологеты тесных взаимоотношений с Германией действительно обладали значительным влиянием внутри российской элиты, так как они предлагали поддерживать традиционные и стабильные направления дипломатической активности России, считая дальнейшую ориентацию на Антанту одним из последствий большого кризиса, с которым страна столкнулась в 1905-1907 гг.

Чрезмерно односторонняя точка зрения М.К. Касвинова по поводу насыщенного политическими противоречиями и интригами царствования Николая II, которое он считал лишь цепью ошибок и упущенных возможностей, может быть компенсирована научными исследованиями современных российских историков. Эти авторы значительное внимание уделяют не только эволюции императорской власти на рубеже XIX-XX вв., но и участию политико-управленческой элиты в решении жизненно важных государственных задач.

²²⁴ Там же. С. 47.

Более умеренную позицию по указанной проблематике занимает современный исследователь А.Н. Боханов, который более 20 лет посвятил изучению Николая II как государственного деятеля, комплексной характеристике окружения последнего российского самодержца и профессиональных качеств тех лиц, которые пользовались его безусловным доверием. В круг научных интересов А.Н. Боханова входят также особенности и закономерности постепенного изменения политической атмосферы, наблюдавшегося при императорском дворе на рубеже XIX-XX вв.

Для объективного анализа политико-управленческой элиты России, принимавшей активное участие в рассмотрении германской проблемы в указанный период, необходимо обратить внимание на мнение А.Н. Боханова об Александре Федоровне и степени её осведомленности по ключевым вопросам российско-германских отношений. В своих системных работах «Император Николай II»²²⁵ и «Александра Федоровна: с любовью за царя»²²⁶ он исключает возможность целенаправленного содействия со стороны российского императора и членов его семьи интересам той части политической элиты, которая имела ярко выраженные прогерманские настроения и регулярно их демонстрировала. Последовательные германофилы, которые занимали высокие посты в российском руководстве, далеко не всегда соглашались с мнением Николая II о перспективах сотрудничества между Россией и Германией.

Мнение А.Н. Боханова о взаимодействии императорской власти и политической элиты, несмотря на большое теоретическое и практическое значение его работ, не может претендовать на безусловную объективность. В научных исследованиях Боханова периодически встречаются ничем не обоснованные высказывания и выводы клерикально-монархического характера, и на это противоречие указывает крупный современный

²²⁵ Боханов А.Н. Император Николай II. М.: «Русское слово», 2009.

²²⁶ Боханов А.Н. Александра Федоровна. С любовью за царя. М.: «Вече», 2013.

специалист по социально-политической истории России рубежа XIX-XX вв., профессор Санкт-Петербургского государственного университета Сергей Львович Фирсов²²⁷.

С.Л. Фирсов в своей работе «Николай II. Пленник самодержавия» выдвигает тезис о том, что основные усилия последнего российского императора были направлены на защиту самодержавной власти как абсолютной и незыблемой ценности, с тяжестью которой он не мог справиться без тех государственных деятелей из числа высшей политико-управленческой элиты, которые разделяли его убеждения о смысле и назначении самодержавия, сформировавшиеся под непосредственным влиянием Александра III, консерватора К.П. Победоносцева и, в частности, кузена Вильгельма II. Лица, оказавшиеся в окружении Николая II, должны были официально демонстрировать свою приверженность устаревшим монархическим доктринам и принципам.

Традиционные формулировки теоретиков монархизма не соответствовали представлениям об эффективно работающей политической системе, распространенным к тому времени среди разночинной интеллигенции, внешне сохранявшей лояльность правившему режиму, а также среди крупных промышленников и предпринимателей, заявлявших о необходимости равного с представителями дворянских фамилий участия в решении ключевых вопросов внутренней и внешней политики государства, к которым они относили расширявшиеся русско-германские торгово-экономические контакты.

С.Л. Фирсов пишет о критериях подбора Николаем II доверенных лиц, исходя при этом из общего анализа сложившейся к началу XX в. политической, экономической и социальной ситуации в России. О методах индивидуального террора, которые применялись против высших царских чиновников и управленцев, им написано следующее: «...Убийство

²²⁷ Фирсов С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. ЖЗЛ. С. 2-3.

Н.П. Боголепова и покушение на убийство К.П. Победоносцева показали, что революционные настроения в стране представляют угрозу для жизни ближайших царских советников, что охранять полученное от Александра III политическое наследство становится всё труднее. Понимая это, Николай II пытался найти опору в преданных самодержавному принципу сановниках...²²⁸. Здесь автор рассматриваемой монографии прямо указывает на глубокий кризис самодержавной власти и её неустойчивое положение, из которого она пыталась выйти путём последовательного назначения на ответственный пост министра внутренних дел таких апологетов самодержавного строя, как Д.С. Сипягин и В.К. Плеве, которые, обладая широкими полномочиями, должны были в кратчайшие сроки восстановить монархическую законность и политическую стабильность. Николай II рассчитывал на очередную консервацию старых порядков, откладывая решение многочисленных проблем на отдаленную перспективу. В силу своей важности вопрос о сохранении самодержавия обсуждался в личных беседах между молодым императором, у которого не было достаточного опыта в проведении кадровой политики, и его наставником К.П. Победоносцевым, который призывал к защите неограниченной царской власти с целью сохранения российской государственности²²⁹.

Непосредственное влияние индивидуального террора на развитие политического кризиса в России в начале XX в. изучено и проанализировано Р.А. Городницким. В своей монографии «Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг.» он отмечает, что карательный орган партии эсеров был ориентирован на дестабилизацию внутривластной обстановки в стране: «...Следует учитывать, что эффективность работы БО, прежде всего, определялась не столько её «удачами», сколько наличием постоянно присутствовавшего фактора угрозы, висевшего над лицами из правительственного аппарата Российской империи.

²²⁸ Там же. С. 85.

²²⁹ Там же. С. 85-86.

Кроме того, удары БО были направлены против ключевых государственных деятелей, и убийство каждого из них имело огромный общественный резонанс...»²³⁰.

И.В. Зимин в своей статье, посвященной комплексной характеристике последней императрицы, приводит мнение германского кронпринца об Александре Федоровне и её недостатках: «Сын Вильгельма II, наносивший визит царской чете в январе 1903 г., упоминает о её нервности, подчеркивая, что не могла исправить этого недостатка...»²³¹. Эта выдержка свидетельствует о том, что часть германского руководства, которая непосредственно подчинялась наследнику престола, скептически относилось к возможности привлечения Александры Федоровны на сторону Германии в целях политического давления на российского императора и его министров.

Указанная статья И.В. Зимина содержит развернутые выводы, которые важны для понимания поступков императрицы и их влияния на политику государства: «Александра Федоровна в силу своего характера была не способна на компромиссы, неизбежные в политической жизни. Более того, она не понимала и не принимала их. По мнению современников, она была в большей степени проникнута духом абсолютной самодержавной власти, чем сам император. Что касается «сумасшествия», о котором постоянно твердили её недоброжелатели, то можно утверждать, что его не было...»²³².

Таким образом, в работах современных авторов доминирует мнение о том, что у Александры Федоровны не было намерения претендовать на реальную власть и решать вопросы государственного значения без участия министров, назначавшихся Николаем II. Так как в германском руководстве оспаривалась необходимость оздоровления дипломатических отношений с российской стороной, то императрице, отождествлявшей принципы

²³⁰ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М.: «РОССПЭН», 1998. С. 236.

²³¹ Зимин И.В. Последняя российская императрица Александра Федоровна // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 116.

²³² Там же. С. 118.

самодержавия и патриотизма, не стоило поддерживать прогерманскую партию и тем более координировать её деятельность. Не являются обоснованными резкие и эмоциональные обвинения жены Николая II в прямом шпионаже в пользу Германии, которые получили распространение накануне Первой мировой войны, на что указал К.Ф. Шацилло, исследовавший политическую и идеологическую базу громких судебных процессов, вносящих раскол в российскую элиту: «Дело зашло настолько далеко, что даже царицу Александру Федоровну многие считали немецкой шпионкой или человеком, настроенным весьма германофильски. В этой обстановке власть имущие не прочь были найти «козла отпущения», чтобы пожертвовав им, успокоить взбудораженное общественное мнение...»²³³.

В исследованиях О.А. Платонова подробно рассмотрена роль ближайшего окружения Николая II в принятии важнейших политических решений, от своевременности и правильности которых зависела судьба императорской власти и государственная безопасность России в условиях нарастания угрозы военного конфликта с кайзеровской Германией и её союзниками. Платонов в работе «Последний государь: жизнь и смерть» дал весьма низкую оценку сановникам последнего российского императора, которые пользовались его доверием и расположением: «Значительная часть самых способных государственных деятелей стояла на западнических позициях, а люди, на которых царь мог положиться, не всегда обладали нужными деловыми качествами...»²³⁴. Наличием этих обстоятельств можно объяснить постоянную смену министров, которая была характерна для царствования Николая II. Платонов в указанной книге положительно отзывается о результатах деятельности Николая II и императрицы, настаивая на том, что основная ответственность за неудачи во внутренней и внешней

²³³ Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова. // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 109-110.

²³⁴ Платонов О.А. Последний государь: жизнь и смерть. М.: Изд-во «Алгоритм», 2005. С. 37.

политике российского государства лежит на их окружении, которое не оправдало оказанного ему высочайшего доверия²³⁵.

Идеология либерализма в конце XIX в. получила широкое распространение и популярность среди представителей мыслящих общественных слоев России и Германии, которые входили в состав политической элиты этих стран. Частичная либерализация в методах руководства государством сумела показать свою реальную эффективность, поэтому российской и германской монархиям, стремившимся завоевать дополнительные симпатии и доверие к себе со стороны торговых партнеров, деловые отношения с которыми могли принести в минимальные сроки высокие преференции, приходилось хотя бы публично демонстрировать решимость и готовность к проведению либеральных и демократических реформ. По мнению Е.Г. Притченко, к началу XX в. российское общество осмыслило опыт либерализма с его правовыми гарантиями экономических, политических и гражданских свобод, конституционным строем, разделением властей и представительными институтами²³⁶.

Уступчивость в вопросах обеспечения благоприятного политического климата, на котором настаивали представители либерально-оппозиционных сил, действительно была проявлена российским и германским монархическими режимами, в частности, путем назначения на ответственные посты лиц, имевших последовательные либеральные взгляды на государственную политику в торгово-экономической и культурно-образовательной сферах, но при этом не собиравшихся ставить под сомнение священный характер императорской власти. Более того, абсолютное большинство профессиональных чиновников и управленцев подобного типа не было заинтересовано в государственном перевороте, получая от верховной власти необходимые гарантии безопасности и карьерного роста.

²³⁵ Там же. С. 33-37.

²³⁶ Притченко Е.Г. Становление либерализма в России в условиях трансформации социальной системы (XIX – начало XX вв.) // Вести высших учебных заведений Черноземья. 2010. № 2. С. 99.

Реформирование российской и германской политических систем оказалось вынужденной и болезненной мерой, так как властная элита этих стран не могла в условиях уверенных темпов социально-экономического развития, имевших место в рамках капиталистических отношений, искусственно сохранять не соответствовавшую им архаичную политическую систему.

Николай II в апреле 1906 г. формально был ограничен в своих властных полномочиях, и этот факт можно назвать причиной того, что у главы государства сформировалось двоякое отношение к изданию Основных законов Российской империи. Крупный французский правовед П. Шаль считал, что для России в начале XX в. наиболее приемлемыми были нормы германского конституционализма, и связывал недостатки Основных законов с ориентацией российского самодержавия на архаические интересы²³⁷.

Николай II вынужден был уступить требованиям образованных слоёв общества и публично выразить свое уважение к законодательным актам, но при этом он использовал любую возможность, чтобы пренебречь ими в интересах личной власти. Подавление при помощи войск революционных выступлений в 1905-1907 гг. наглядно демонстрирует российскую внутриполитическую ситуацию, которая характеризовалась игнорированием со стороны центральной власти принятых ею законов, которые должны были внести успокоение в общество²³⁸.

Реформы политической системы в России связаны с функционированием Первой и Второй Государственных Дум, благодаря которым либеральная оппозиция смогла вести диалог с верховной властью. Дело в том, что до открытия I Государственной Думы, которое состоялось 27 апреля 1906 г., российская политическая действительность отличалась тем, что, в частности, меры по ограничению свободы слова были ориентированы на интеллигенцию, к которой относилась университетская профессура.

²³⁷ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и её депутаты, 1906 – 1917. Пермь, Изд-во Пермского университета, 1995. – 168 с.

²³⁸ Radczun Günter. Es begann an einem Sonntag. Zur Revolution von 1905 bis 1907 in Russland. Berlin: Dietz Verlag, 1974. S. 49.

Политически активные представители интеллигенции стремились публично отстаивать свои взгляды о возможных путях развития России и выражали сомнение в способности императора самостоятельно принимать ответственные государственные решения, считая поэтапные парламентские преобразования необходимыми для страны²³⁹.

Либеральную элиту России в рассматриваемый период представляли, в первую очередь, лидеры партии кадетов, которой к началу работы Первой Государственной Думы принадлежало 153 депутатских мандата²⁴⁰. К числу лидеров конституционных демократов нужно отнести их главного теоретика П.Н. Милюкова, известных правоведов В.Д. Набокова, Ф.Ф. Кокошкина и С.А. Муромцева, земских деятелей И.И. Петрункевича и А.И. Шингарева²⁴¹. Они прилагали усилия к популяризации основных принципов конституционного строя, общественного прогресса, свободной предпринимательской инициативы и минимального вмешательства государства в экономическую жизнь. Согласно мнению современного специалиста по истории либеральной идеологии в императорской России В.В. Шелохаева, кадеты «последовательно выступали против любых насильственных социальных переворотов, за эволюционное развитие общества и всех его институтов»²⁴². Несколько иначе оценивает деятельность кадетов К.А. Соловьев: «В 1906 г. кадетам приходилось говорить от имени Государственной Думы, заявляя о себе как едва ли не о ведущей политической силе страны. В соответствии с этим они ставили перед собой

²³⁹ Ольденбург С.С. Николай II. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М.: «Эксмо», 2010. С. 245.

²⁴⁰ Radezun Günter. Es begann an einem Sonntag. Zur Revolution von 1905 bis 1907 in Russland. S. 70.

²⁴¹ Политические партии России: история и современность. / Под ред. проф. А.И.Завелева, проф. Ю.И. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000. С. 152-153.

²⁴² Там же. С. 153.

задачи, не исходя из академических представлений о разумном, а невольно примеряясь к будущему бремени власти...»²⁴³.

К правому флангу российского либерализма относились октябристы и сочувствовавшие им организации. Лидерами октябристов стоит назвать московского банкира А.И. Гучкова, который в 1906 г. фактически стал главой партии «Союз 17 октября», добившись признания своего авторитета не только партийными соратниками, но и политическими оппонентами, сторонника сохранения и развития крупного помещичьего землевладения в России Д.Н. Шипова, представителя дворянско-бюрократических и аристократических кругов барона П.Л. Корфа, одного из Председателей III Государственной Думы Н.А. Хомякова и Председателя IV Думы М.В.Родзянко. Важную роль в партии октябристов играли также братья В.П. и П.П. Рябушинские, которые отстаивали право российских промышленников и предпринимателей на участие в политических дискуссиях и на представительство во власти²⁴⁴.

Сторонники либеральных взглядов не видели необходимости в искусственном сохранении пережитков феодально-абсолютистского строя. Кайзеровский полувойенный режим, (имевший лишь формальную демократическую конституцию), в котором большую роль играло юнкерство, вызывал у русских либералов недоверие.

В России, где верховная власть постепенно преодолевалась охвативший страну революционный кризис, наблюдался подъем политической активности. 20 февраля 1907 г. начала свою работу II Государственная Дума, в которой четко преобладали либерально-оппозиционные и умеренно левые партии. По основным направлениям и характеру своей законодательской деятельности она не демонстрировала существенных различий с I Думой, но при этом играла важную роль в процессе приобретения недостаточно

²⁴³ Соловьев К.А. «Тактическая философия» кадетов в эпоху Первой Думы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2009. № 4 (12). С. 21.

²⁴⁴ Политические партии России: история и современность. С. 109-111.

развитым российским парламентаризмом необходимого политического опыта. Интересное замечание по этому поводу оставил в своих воспоминаниях отставной премьер-министр С.Ю. Витте: «Разница заключалась только в том, что ко Второй Думе революционное брожение и вообще крайнее увлечение несколько поостыли, а затем в Думу не попали многие выдающиеся деятели, которые были в первой Думе...»²⁴⁵. Граф С.Ю.Витте, согласно отзывам его политического оппонента П.Н. Милюкова, плодотворно общался с видными представителями либеральной профессуры и являлся «самым крупным из русских государственных деятелей, который был способен объективно отнестись к трудностям собственного положения»²⁴⁶.

Председателем II Государственной Думы был избран видный член кадетской партии Фёдор Алексеевич Головин, который стремился придать этому органу внешние атрибуты либерализма и коллегиальности, исходя из своих политических взглядов. В рассматриваемой Думе германский вопрос играл весьма значительную роль, вызывая непримиримые противоречия между консервативными и либеральными политическими группировками.

Характеризуя деятельность II Государственной Думы в России, необходимо прокомментировать письмо профессора Федора Федоровича Мартенса, известного теоретика международного права, которое было помещено в авторитетной лондонской газете «Times» 3 апреля 1907 г., т. е. в самый разгар работы интересующей нас Думы. Ф.Ф. Мартенс, будучи специалистом в юридических вопросах, указывал на её явную неработоспособность и несостоятельность: «Дума за месяц, который она заседает, не только ничего не сделала, но и не показала желаний сделать что-нибудь для страны. Большинство членов Думы стремится лишь к свержению нынешнего Правительства. Но даже в этом направлении они ничего не

²⁴⁵ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 387.

²⁴⁶ Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). / Под ред. М.М. Карповича и Б.И.Элькина. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. Т. 1-2. С. 325.

достигли благодаря своей разрозненности. Ввиду этого роспуск является непредотвратимым...»²⁴⁷.

Ф.Ф. Мартенс стремился доказать, что российская власть проводит недостаточно разумную политику, ведя открытую борьбу с либерализацией общественного сознания и политической жизни. Для научной объективности стоит отметить, что он импонировал антирусской направленности иностранной печати, причем указанная лондонская газета подвергала российскую избирательную систему массивной критике: по меркам и критериям англичан, она не только не соответствовала базовым демократическим стандартам, но и нарушала, согласно английским либеральным принципам, неприкосновенные права личности в их буржуазном понимании.

С целью восстановления престижа России в глазах европейских правозащитников, пострадавшего из-за необоснованных и непоследовательных действий царской цензуры, газета «Русь», отличавшаяся лояльной по отношению к правительству направленностью, в статье «Невежество простое и невежество ученое» сделала Ф.Ф. Мартенсу ряд критических замечаний на основании того, что он взялся излагать перед Европой своё мнение о «совершенно ему неизвестной и непонятной России»²⁴⁸. Применительно к сложившейся в России внутривластной ситуации газета «Русь» распространяла информацию, которая позитивно воспринималась подчиненными верховной власти органами цензуры: «...Разочарование в революционности Думы ведет к успокоению, чему можно только порадоваться, а налево возбуждает новую тревогу, о чем можно только пожалеть...»²⁴⁹. Действительно, II Государственная Дума была лишь уступкой в условиях политического кризиса, когда власть должна была реагировать на смелые требования наиболее активной части общества с

²⁴⁷ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.

²⁴⁸ Там же. Л. 1.

²⁴⁹ Там же. Л. 1-2.

целью обеспечения гарантий собственной безопасности. «Левые усердно обвиняют кадетов в сокрытии революционной Думы и протестуют против тактики, которая сберегала её от роспуска, - продолжает «Русь», - их смелость начинает возрастать вместе с безнаказанностью²⁵⁰.

На основании данных из обозначенной газеты можно предположить, что средства массовой информации, контролируемые правительством, не выражали уверенности в эффективности функционирования II Государственной Думы, сформированной на волне резкого обострения внутриполитической ситуации в России. Сомнения газеты «Русь» в необходимости сохранения II Думы после восстановления общественного порядка разделялись российскими консерваторами. Решение германского вопроса они считали более важной задачей, чем нахождение компромисса между верховной властью и либеральной оппозицией, действовавшей в рамках закона.

Император Николай II и его ближайшие сподвижники, демонстрировавшие свою приверженность монархическим ценностям и идеалам, гораздо больше опасались возрастания общественно-политического влияния со стороны революционно-демократических партий, чем либерально-оппозиционных. Умеренная тактика либерально-оппозиционных партий вызывала также серьезное опасение и враждебность в среде российских революционеров, которые стремились к переустройству России на принципах социальной справедливости скорейшим путем, включая применение насилия как вынужденной меры, и не собирались соглашаться на терпимость в отношении лиц, наделенных властными полномочиями и имевших принадлежность к политической элите.

Газета «Русь» давала недвусмысленное подтверждение тому факту, что руководящее звено либералов было склонно к конструктивному сотрудничеству с последним российским самодержцем, который отличался

²⁵⁰ Там же. Л. 2.

слабыми волевыми качествами и от которого потенциально можно было добиться согласия на скорейшее предоставление настроенной на реформы интеллектуальной элите России относительно широких и реально действующих прав и привилегий, включая возможность принимать участие в решении наиболее актуальных проблем страны. Делая ставку на то, что западноевропейские демократические ценности буржуазные правовые нормы будут положительно восприняты российским монархом, представители либеральных сил считали для себя возможным переходить к более активным действиям. От приемлемого диалога Николая II с либералами и остальными политическими силами, которые сумели оказаться в Государственной Думе, зависела в значительной мере эффективность работы по принятию решений в отношении Германии, так как германофильские и германофобские тенденции были одним из критериев наблюдавшейся дифференциации среди представителей российской властной элиты и отчужденности между ними.

Функционировавшая в 1907-1912 гг. III Государственная Дума оказалась более долговечной и приемлемой для верховной власти, чем I и II Думы. Её можно считать отражением политико-правового режима третьейюньской монархии, которая сочла необходимым проведение более реакционного политического курса после поражения революции 1905-1907 гг. Об особенностях взаимодействия между правительственными кругами и Третьей Думой писал министр финансов В.Н. Коковцов, указывавший на первостепенное значение восстановления в стране внутривластной стабильности: «Как только открылась Дума 20-го ноября, между нею и правительством сразу установились самые тесные отношения. Уже в день открытия выяснилось, что на должность председателя Думы будет выбран Н.А. Хомяков с тем же единодушием, с каким был выбран в первой Думе Муромцев...»²⁵¹.

²⁵¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919 гг. Париж: Изд. журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 1. С. 288.

Николай II дал своё согласие на легализацию российской многопартийности вынужденно, под давлением обстоятельств, и эта мысль отражена в публикации С.П. Мельгунова, являвшегося одним из создателей и руководителей Трудовой народно-социалистической партии, представлявшей собой стабильную оппозицию консервативному и клерикально-монархическому курсу, который организованно проводился российскими властями²⁵². По мнению С.П. Мельгунова, Николай II никогда не изъявлял реального желания проводить в стране прогрессивные реформы в политико-правовой и социально-экономической сферах, так как сам «жил в сфере представлений захолустной помещичьей семьи эпохи крепостного права...»²⁵³.

О российском варианте либерализма и о первом в истории России опыте функционирования политических партий писал публицист Д.Н. Шуб, который принимал участие в революции 1905-1907 гг. На раннем этапе своей журналистской деятельности, начавшейся в 1910 г., он поддерживал взгляды умеренных российских социал-демократов, которые отличались правым уклоном и были максимально приближены к основополагающим воззрениям либеральных теоретиков. В своей работе «Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.)» Д.Н. Шуб освещает проблематику возникновения и развития либерализма в России, сторонники которого, как правило, вынуждены были уходить в оппозицию по отношению к официальной монархической власти, так как на рубеже XIX-XX вв. они не имели достаточного политического влияния. Автор, выявляя роль либеральной элиты в политической жизни Российской империи, писал о том, что «Петрункевич, как Милюков и как большинство лидеров кадетской партии были социальными либералами...»²⁵⁴. Далее Шуб продолжает: «До 1906 г. в

²⁵² Мельгунов С.П. Последний самодержец: (Черты для характеристики Николая II). М.: «Задруга», 1917.

²⁵³ Там же. С. 8.

²⁵⁴ Шуб Д.Н. Политические деятели России (1850-ых – 1920-ых гг.): сб. ст. / Д.Н. Шуб. Нью-Йорк: Новый журнал, 1969. С. 69.

России, как известно, никаких легальных партий не было. Политические в настоящем смысле слова до конца 1905 года, как и политические собрания и съезды, были запрещены. В России буржуазия до 1904 г. не играла никакой роли в либеральном движении и место буржуазии в России заняли сначала просвещенные представители поместного дворянства, а потом профессиональная интеллигенция...»²⁵⁵.

Российский либерализм в целом и особенности деятельности буржуазных политических партий в преддверии Первой мировой войны активно изучались советской исторической наукой. Несмотря на весьма жесткие идеологические рамки, за которые советские историки не имели права выходить при анализе вклада лидеров российских либералов в решение германского вопроса и их теоретического наследия, соответствующие публикации по указанной тематике могут быть использованы в настоящем исследовании.

Арон Яковлевич Аврех, будучи специалистом по истории зарождения и развития российской многопартийности в эпоху Николая II, анализировал кадровый состав либеральной оппозиции и влияние его изменения на политическую активность либералов, а также на их внутренне единство. А.Я. Аврех выявил принципиальное значение преобладания интеллигенции в составе либерально-оппозиционных партий, определившего дальнейшую эволюцию либеральной идеологии в России: «Русская буржуазия... в массе своей даже после революции 1905-1907 гг. оставалась консервативной и аполитичной. Поэтому главной силой либеральной оппозиции, добивавшейся конституционного переустройства России, была именно интеллигенция и прежде всего кадеты – по своему составу партия помещичье-буржуазной интеллигенции...»²⁵⁶. Автор рассматриваемой статьи также сделал важный вывод о широком распространении антиреволюционных настроений среди

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Аврех А.Я. Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны // История СССР. 1987. № 6. С. 33.

членов партии кадетов: «Правительство, Департамент полиции прекрасно знали, что кадеты не только не революционеры, но боятся и не хотят революции так же, как они сами...»²⁵⁷.

Мнение А.Я. Авреха, касающееся скептической позиции лидеров кадетской партии по отношению к выдвигавшимся в 1905-1907 гг. радикальным революционным требованиям, разделял Л.М. Спирин, который длительное время занимался изучением идеологической эволюции российского либерализма и выявлял причины изменения политической тактики кадетов и октябристов. Он писал о готовности кадетов сотрудничать с властью в случае её согласия на принятие демократической конституции: «С 1906 г. (со II съезда этой партии; I был в 1905 г.) кадеты назывались Конституционно-демократической партией народной свободы, а это означало, что они стояли за парламентарную монархию...»²⁵⁸. Кадеты не планировали упразднение империи. Автономное государственное устройство они предусматривали только для Польши и Финляндии²⁵⁹.

Будучи приверженцами либеральной идеологии и буржуазной системы ценностей, кадеты и октябристы видели в республике и конституционной монархии наиболее вероятные и достижимые для будущей России формы правления, ориентировались на модели западных демократий, с их относительно высоким уровнем жизни, возведением в абсолютный идеал свободы личности, частной предпринимательской инициативой, светскими основами государства, социальной политикой, начавшей применяться на практике в начале XX в. Англо- и франкофильские устремления российских либеральных деятелей оказывали существенное влияние на выработку политических решений в отношении Германии в период революции 1905-1907 гг., когда позиции власти пошатнулись, и она вынуждена была

²⁵⁷ Там же. С. 35.

²⁵⁸ Спирин Л.М. Россия. 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: «Мысль», 1987. С. 102.

²⁵⁹ Степанов С.А. Кадеты (Конституционно-демократическая партия) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 8. С. 78-79.

учитывать проявившиеся тенденции к свободе слова, собраний, волеизъявления, активизации легальных проявлений политической жизни²⁶⁰.

В эти исторические рамки укладывается также процесс оформления Антанты, как враждебного Германии военно-политического блока, начало которому положил англо-французский договор 1904 г. Николай II, которому представители различных «центров влияний» при дворе рекомендовали не только постепенное сближение со странами Антанты, но и сохранение хотя бы внешних признаков русско-германской дружбы, вынужден был лавировать между противоборствующими политическими силами, чтобы не настроить против себя лично и своей власти ни либералов, ни ярых консерваторов. При этом последний представитель династии Романовых не имел желания кардинально менять хорошо, по его мнению, зарекомендовавшие себя при Александре III меры по предотвращению посягательств на основы самодержавного строя. Что касается Александра III, то его усилия были направлены на укрепление религиозных и монархических принципов в массовом сознании подданных. Согласно мнению генерал-лейтенанта А.А. Мосолова, которое он выразил в своих мемуарах, Александр III «твёрдо усвоил одну мысль – необходимо всячески поддерживать престиж самодержавной власти императора...»²⁶¹.

Российское руководство отдавало себе отчет в том, что активизация внешнеполитической деятельности требовала скорейшего достижения внутреннего спокойствия, национальной сплоченности и дальнейшего укрепления обороноспособности государства. Прочное единство между властью и подчиненным ей народом являлось крайней необходимостью в условиях приближения тотальной войны с объединенной германской нацией, которая была намерена поддержать кайзера и военную элиту в борьбе против России, посягавшей, по мнению подверженных значительному влиянию

²⁶⁰ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб.: «Наука», 1991. С. 47.

²⁶¹ Мосолов А.А. Указ. соч. С. 3.

империалистической идеологии подданных германского императора, на их законные интересы и препятствовавшей «естественному» расширению Германии в восточном направлении на правах великой державы.

О.Р. Айрапетов в своей монографии «Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917)» пишет о негативном влиянии революции 1905-1907 гг. на военный потенциал России, которое было выгодно германскому руководству: «Революция весьма помешала подготовке армии к войне, и не только разорением государственных финансов. В течение первых десяти месяцев 1906 г. войска призывались гражданскими властями 2330 раз, причем в 158 случаях приходилось применять оружие...»²⁶². Сам факт регулярного использования войск для подавления революционных волнений наносил значительный ущерб престижу царской власти в лице Николая II, что не соответствовало интересам российской правящей элиты. Оценивая результаты политической активности партии октябристов, руководство которой стремилось привлечь представителей высшего офицерства на свою сторону, О.Р. Айрапетов пришел к следующему выводу: «Октябристы, как и большевики, в ходе первой русской революции оказались не на высоте в борьбе за армию, но, в отличие от левых, они видели целью этой работы привлечение к себе симпатий командного, а не рядового состава»²⁶³.

Ряд влиятельных лиц, приближенных к царю, не считал милитаризацию кайзеровской Германии фактором, который должен был представлять собой основную внешнюю опасность для России. В данном случае речь идёт, в первую очередь, о явно консервативных и апологетических по отношению к Германии взглядах члена Государственного Совета Петра Николаевича Дурново²⁶⁴, которые достаточно чётко и обоснованно были изложены в его

²⁶² Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907-1917). М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. С. 11.

²⁶³ Там же. С. 19.

²⁶⁴ Дурново П.Н. Записка. СПб., 1914.

записке, адресованной лично императору Николаю II. Александр Петрович Извольский, который являлся активным сторонником укрепления связей России со странами Антанты и политическим оппонентом П.Н. Дурново, выделяя при этом его энергию и деловые качества, считал, что Дурново был душой реакционной партии и имел возможность оказывать преимущественное влияние на императора, когда речь заходила о принятии ответственных государственных решений²⁶⁵.

П.Н. Дурново, не являясь профессиональным историком, сумел сформулировать представляющие интерес для науки выводы, касавшиеся клерикально-монархических основ российско-германских отношений, которые объясняли длительное существование тесных союзнических связей между этими государствами, а также их совместные внешнеполитические действия, указывая при этом на стоявший перед Россией сложный выбор накануне Первой мировой войны. По мнению бывшего министра внутренних дел Дурново, основной узел неразрешимых противоречий на путях к общеевропейскому глобальному конфликту наметился между экспансионистскими целями и устремлениями Германии и Великобритании, и эти сведения не были опровергнуты ни германскими, ни британскими официальными лицами. Данная мысль П.Н. Дурново нашла подтверждение в мемуарах А.Ф. Керенского, который писал о необратимом характере англо-германского противоборства и соперничества, который проявился в 1912 г.: «Миссия Холдейна была последней попыткой Англии предотвратить вооруженное столкновение с Германией. Когда она потерпела провал, то, как мне рассказывал в Лондоне в 1918 г. сам Холдейн, неизбежность войны стала очевидной...»²⁶⁶. Канцлер Бетман-Гольвег, в отличие от Керенского, стремился оправдать политические решения своего правительства, принимавшиеся в отношении Англии, Франции и России в преддверии

²⁶⁵ Извольский А.П. Указ. соч. С. 10.

²⁶⁶ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: «Республика», 1993. С. 82.

Первой мировой войны. Он предполагал, что британский военный министр Холден был полностью удовлетворен уступками, сделанными Германией в вопросах морских вооружений, но английское адмиралтейство сочло необходимым пересмотреть соглашение с германской стороной, что нанесло непоправимый ущерб англо-германским отношениям и способствовало росту антагонизма между Англией и Германией²⁶⁷. Военно-морской статс-секретарь Тирпиц занимал осторожную позицию по вопросу возможного нападения Германии на Британские острова, считая, что германский флот вплоть до 1915 г. не будет готов к полноценным боевым действиям²⁶⁸.

Масштабы обозначенного автором рассматриваемой записки торгово-экономического, военно-морского и, в первую очередь, колониального англо-германского соперничества постепенно расширялись, не оставляя реальных шансов и надежд на предотвращение большой войны, грозившей ревизией привычной и испытанной на практике системы буржуазных ценностей, в то время как стратегические интересы России не согласовывались с настойчивыми попытками германских милитаристов добиться приобретения «места под солнцем»²⁶⁹, которое, как считал Вильгельм II, немецкий народ должен был подвергнуть интенсивному хозяйственному освоению на законных основаниях.

Когда заходит речь о влиянии на принятие решений по германскому вопросу российских дипломатов, имевших прямое отношение к политической элите, стоит обратить внимание на результаты обозначенных выше исследований Г.А. Хидоятова, Е.В. Сафроновой и Е.В. Низаловой.

Г.А. Хидоятов сумел проследить эволюцию дипломатических связей и отношений между ведущими державами. В сферу его научных интересов входит анализ факторов, оказывавших прямое влияние на рост

²⁶⁷ Бетман-Гольвег Т. Указ. соч. С. 34.

²⁶⁸ Синегубов С.Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904-1911 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1. С. 208.

²⁶⁹ Дурново П.Н. Указ. соч. С. 2–3.

международной напряжённости и, в частности, на возникновение атмосферы взаимного недоверия между Россией и Германией в преддверии Первой мировой войны, причем в клубке этих противоречий велика была роль дипломатов обеих стран, которые занимали высокие придворные должности и от профессионализма которых зависело продолжение официального российско-германского сотрудничества²⁷⁰.

Публикация Е.В. Сафроновой «Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII - начале XX вв.» лишь косвенно затрагивает тематику принятия политических решений в отношении Германии. Автор гораздо больше внимания уделяет аспектам зарождения российского дипломатического ведомства, процессам накопления им опыта эффективной работы и формирования собственных профессиональных традиций, следование которым позволило дипломатам стать частью политической элиты²⁷¹. Данную работу нужно считать серьёзным вкладом в комплексное изучение проблем российской дипломатии, начиная с эпохи преобразований Петра I.

Е.В. Низалова пишет о своеобразном «конце династической дипломатии России», который имел место в последнее десятилетие XIX в., когда сложная и неопределенная международная обстановка вынуждала высшее руководство России и других крупных европейских держав отказываться от приоритета традиционных династических связей²⁷². Столь стремительное изменение дипломатической конъюнктуры негативно отразилось на процессе выстраивания политического курса России в отношении Германии и представлениях российского общества об этом государстве и его внешнеполитических планах²⁷³.

Крупные российские дипломаты, к которым можно отнести А.А.Смирнова, А.И. Нелидова, Н.Г. Гартвига и Н.Д. Остен-Сакена,

²⁷⁰ Хидояттов Г.А. Указ. соч. С. 36.

²⁷¹ Сафронова Е.В. Указ. соч. С. 141-145.

²⁷² Низалова Е.В. Указ. соч. С. 12-14.

²⁷³ Там же.

прилагали максимальные усилия к тому, чтобы противодействовать реакционной германской политике в Египте, Персии и на Балканах, а также немецкой печати, регулярно искажавшей состояние дел в этих регионах и призывавшей к конфронтации с Россией.

При исследовании причин поэтапного ухудшения российско-германских отношений, наблюдавшегося в указанный исторический период, важен подробный анализ результатов интеллектуальной деятельности военных теоретиков, которые принадлежали к высшему офицерскому составу и к экспертному мнению которых прислушивался последний российский император.

Проблематика милитаристских устремлений Германской империи на рубеже XIX-XX вв., начиная с провозглашения кайзером Вильгельмом II Гогенцоллерном в 1896 г. курса на превращение Германии в мировую державу, будущее которой он видел на морях, достаточно пристально рассматривалась российским высшим офицерством. Интенсивность и характер маневров кайзеровской армии и флота, а также ежегодное увеличение германскими властями военного бюджета в преддверии глобального конфликта, который коренным образом изменил базовые принципы существования европейской цивилизации, отражены в донесениях, которые были адресованы императору Николаю II и его доверенным лицам.

Среди военных экспертов, на донесения и аналитические данные которых необходимо опираться, изучая взгляд российской правящей элиты на состояние внутренних дел в кайзеровской Германии и динамично возраставший германский военный потенциал в конце XIX – начале XX вв., нужно выделить генералов А.Н. Куропаткина²⁷⁴, И.Л. Татищева²⁷⁵ и П.С.Ванновского²⁷⁶. Приводимые ими сведения в обработанном виде содержатся в литературе военного характера и назначения, но в настоящей

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Л. 1.

²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 1.

²⁷⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 442. Л. 1.

работе они будут рассмотрены в качестве исторических источников и в контексте осмысления эволюции взглядов на Германию со стороны российского руководства и лиц, приближенных к вершинам государственной власти.

Необходимо отметить, что ценная информация военного характера, к которой можно отнести донесения указанных выше генералов, должна была попасть на рассмотрение в такую инстанцию, как Совет государственной обороны, который стабильно функционировал в 1905-1908 гг. Состав этого совещательного органа, в соответствии с резолюцией состоявшего по военному министерству генерал-лейтенанта А.П. Протопопова, которая 29 декабря 1905 г. была предоставлена Николаю II и подписана императором, формировался и утверждался следующим образом: «На основании статьи 18-й положения о Совете государственной обороны постоянные члены этого Совета назначаются высочайшим указом Правительствующему Сенату ежегодно к 1 января из генералов и адмиралов по высочайшему избранию...»²⁷⁷. Это означает, что в Совет государственной обороны входил узкий круг высших офицеров, пользовавшихся безусловным доверием российского императора. Во многом благодаря этому органу Николаю II было известно о результатах агентурной деятельности представителей военной элиты России.

Для подтверждения существования у российского руководства серьёзных опасений по поводу возможной нормализации отношений между Францией и Германией, которая противоречила внешней стратегии России, нужно привести в пример депешу действительного статского советника Анатолия Васильевича Неклюдова, содержащую важные сведения о встрече германского императора Вильгельма II с французским посланником Этьеном.

А.В. Неклюдов предоставлял следующую информацию о характере рассматриваемой встречи, проходившей в Киле: «В донесении моем от 28

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

июня (11 июля) 1907 г. за № 55 я упоминал о тех слухах, которые порождены были встречей в Киле императора Вильгельма с господином Этьеном и их разговорами. В обществе и печати приписывали этим разговорам значение попытки уладить разногласия между Францией и Германией по Марокканскому вопросу, а быть может, затронуть и другие вопросы колониального характера, в коих г-н Этьен является одним из наиболее осведомлённых политических деятелей...»²⁷⁸. Это означает, что колониальный вопрос являлся одним из основных узлов противоречий между Францией и Германией и что его решение могло позволить германскому императору «вбить клин» в русско-французские отношения. А.В. Неклюдов также выразил обеспокоенность по поводу расчётливой политики известного радикала Жоржа Клемансо, которая выражалась в попытках на определённое время склонить германское руководство к добрососедским связям и обещаниям взаимной дипломатической поддержки, предварительно не согласованных с российской стороной: «Ж. Клемансо возымел мысль всеми силами постараться успокоить Германию, усыпить её недоверие и недоброжелательность к Франции до той минуты, когда французская армия снова пополнится и Франция выйдет из минутного состояния полной беспомощности. С этой целью и послан был в Киль Этьен, который должен был вообще сделать императору дружелюбные и успокоительные уверения, а в частности, предложить доброе посредничество в Гаагской конференции, дабы устранить возможные недоразумения её с Англией по пресловутому вопросу об ограничениях вооружений...»²⁷⁹. На основании взятой из депеши Неклюдова выдержки можно отметить, что Клемансо, обладавший большим политическим опытом, стремился извлечь дипломатические выгоды для своей страны и улучшить её стратегическое положение при помощи временного налаживания отношений с Германией, которая в военном отношении превосходила Францию. Эти сведения были важны для

²⁷⁸ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1232. Л. 1.

²⁷⁹ Там же. Л. 1 (об.).

российского руководства в связи с тем, что от них зависел характер решений, принимавшихся в отношении Германии.

Также стоит отметить, что российская элита была заинтересована в получении достоверной информации о маневрах набиравшего силу германского военно-морского флота, массовое строительство которого было начато в 1898 г. по инициативе адмирала Альфреда фон Тирпица²⁸⁰. Указанные маневры регулярно проводились в Балтийском море, и эта ситуация создавала напряженность на морских коммуникациях Российской империи, предполагая, таким образом, профессиональное наблюдение и анализ со стороны офицеров Главного морского штаба. Об этом свидетельствует, в частности, рапорт русского морского агента в Германии, капитана 2-го ранга Полиса, который был выслан им 3 августа 1901 г. на имя начальника Главного морского штаба, который направлял соответствующие сведения генерал-адмиралу российского флота, великому князю Алексею Александровичу: «...На время маневров германского флота около Нойфарвассера при его императорском высочестве генерал-адмирале назначены состоять контр-адмирал Фрице и германский морской агент в России, капитан 2-го ранга Шиммельман, о чём Вашему Превосходительству доношу...»²⁸¹.

Таким образом, тот слой людей, которые в силу своей осведомленности в важнейших государственных делах могут быть отнесены к российской политической элите, отличался не только неоднородным составом, но и наличием различных идеологических тенденций по поводу германского вопроса и его места во внутренней и внешней политике России.

Основные выводы, которые нужно сформулировать, касаются противоречий внутри политической элиты, обусловленных влиянием германского фактора. Во-первых, в процессе накопления достоверной информации по германскому вопросу и его дальнейшего обсуждения

²⁸⁰ Tirpitz A. v. Erinnerungen. Leipzig: Koehler, 1919. S. 146-147.

²⁸¹ ГАРФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

представители либерального и консервативного течений в российской элите выдвигали противоположные точки зрения, что привело к поляризации мнений и конфронтации между так называемыми германофилами и германофобами в российском руководстве, которая отчетливо проявилась накануне Первой мировой войны. Во-вторых, открытое подавление тенденций к либерализации общественной и политической жизни в кайзеровской Германии находило поддержку в лице высшего российского руководства, которое опасалось свободных демократических выборов и возможности построения гражданского общества, поэтому для решения этих проблем требовалось сохранить монархическую солидарность с германскими антидемократическими силами. В-третьих, Первая и Вторая Государственные Думы не имели реальной возможности, будучи лишеными поддержки Николая II из-за преобладания в их составе оппозиционных политических партий, решать комплекс важных внутривластных задач, которые перед ними регулярно ставились. Сам факт созыва этих Дум был лишь уступкой российского самодержца в условиях существования реальной угрозы его личной власти, которая была вызвана революцией 1905-1907 гг. Значительной части либералов, которые занимали неконструктивную германофобскую позицию, фактически было отказано в равноправном участии в решении германского вопроса. В-четвертых, представители военной элиты России и лица, приближенные к императорскому двору, были в большинстве своем умеренными и осторожными германофилами, поэтому они считали опасным необоснованное ухудшение российско-германских отношений.

2.2. Политическое противоборство внутри российского руководства в оценке потенциальной германской угрозы на рубеже XIX-XX вв.

Рассмотрение внутривнутриполитической и военной обстановки в кайзеровской Германии на рубеже XIX-XX вв. является одним из важнейших аспектов комплексного изучения факторов, оказывавших непосредственное влияние на разработку политики Российской империи в отношении этого государства.

Согласно принятой 16 апреля 1871 г. конституции Германской империи, королевство Пруссия занимало в едином государстве особое место. Поэтому стоит обратить внимание на донесения о состоянии внутренних дел в Германии, которые предоставлял Николаю II находившийся в Берлине Свиты генерал-майор Татищев с декабря 1905 г. по февраль 1914 г. Данные сведения представляют собой ценный источник для анализа важнейших направлений внутривнутриполитической активности германского руководства. Илья Леонидович Татищев докладывал в Петербург не только о политической обстановке в Германии. Он писал также о возможных путях и методах взаимодействия между российскими и германскими представителями государственной власти, а также нормализации российско-германских отношений, причём имеются достаточные основания, чтобы доверять этой информации, так как автор рассматриваемых донесений был не только военным специалистом, но и знатоком политической конъюнктуры.

Генерал-майор И.Л. Татищев следил за тем, как реагировал Вильгельм II на важные процессы, протекавшие внутри России, хотя его формальная солидарность с российским императором далеко не всегда отражала его реальные внешнеполитические и дипломатические устремления. Так, например, он выражал от имени всей немецкой нации соболезнования И.Л.Татищеву, как российскому представителю, в связи с убийством премьер-министра П.А. Столыпина. Стоит отметить, что эти соболезнования теряли свой смысл на фоне явного ухудшения взаимоотношений на высшем уровне и росте недоверия между Германией и Россией. В своём донесении из

Берлина от 15 (28) сентября 1911 г. Татищев прямо указывает, что «...Его Величество выразило сердечное огорчение по поводу смерти Петра Аркадьевича Столыпина, об уважении к которому он мне неоднократно говорит. С негодованием отзывался император о революционном комитете, восседающем в Париже и руководящем политическими убийствами. Император очень интересовался преемником Столыпина, тогда ещё не назначенном»²⁸². Вильгельм II, согласно указанному донесению, признавал тот факт, что революционеры представляют угрозу для внутреннего спокойствия и монархических порядков в Германии, которые, по мнению императора, испытывали исключительную нужду в охранительных мерах. Эти сведения были нужны российскому руководству для обсуждения с германской стороной ряда проблем, касавшихся возможной совместной борьбы с революционным движением, лидеры которого избрали тактику индивидуального террора.

18 февраля (3 марта) 1910 г. И.Л. Татищев писал о состоянии умов в германской политической элите: «...Его Величество озабочено тем брожением, которое в настоящее время охватило всю Пруссию из-за нового правительственного проекта избирательного закона. Этот проект не удовлетворяет широкие слои населения, которые желают от выборов в прусскую нижнюю палату тот же избирательный закон, какой существует для выборов в имперский рейхстаг...»²⁸³. Искусственные препятствия в избирательном процессе были введены с той целью, чтобы у юнкерства, как привилегированного сословия, имевшего рычаги для политического давления на представителей правившей династии, был гораздо более высокий социальный статус, чем у мелкой буржуазии, стремившейся к реальному соблюдению норм либерального выборного законодательства, и представителей неблагонадежной, по личному мнению кайзера Вильгельма

²⁸² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 80.

²⁸³ Там же. Л. 48-49.

II, социал-демократической партии, методично подрывавшей общественный порядок и спокойствие²⁸⁴.

У германского императора были основания для активного противодействия левым политическим силам, так как 3-5 января 1910 г. в Берлине проходил очередной съезд социал-демократической партии Пруссии, на котором были приняты предложенные Карлом Либкнехтом программные установки, указывавшие на необходимость проведения в Германии демократических преобразований, последовательных реформ в социальной сфере, свержения монархии Гогенцоллернов и провозглашения народной республики²⁸⁵.

Обеспокоенность германского правительства была вызвана также тем обстоятельством, что социалистические идеи были широко распространены в войсках и, как следствие, могли негативно повлиять на высокие боевые качества и патриотизм, которые были присущи немецкой армии. О наличии этих проблем в военно-политическом положении Германии докладывал с 23 марта по 12 мая 1908 г. русский военный агент, тайно действовавший на территории Германии²⁸⁶.

И.Л. Татищев, имея уникальную возможность вести беседы в Берлине с германским императором Вильгельмом II, выполнял серию правительственных заданий по передаче в Петербург информации, прямо касавшейся характерных черт «личной» внешнеполитической доктрины кайзера, которая далеко не всегда опиралась на здравый смысл и жизненные интересы немецкого народа, но с существованием которой приходилось считаться и в Германии, и в России.

Что касается политических маневров, которые традиционно проводила Великобритания, то Вильгельм II, согласно донесению И.Л. Татищева, считал их одной из главных причин довольно частых дипломатических

²⁸⁴ Там же. Л. 49.

²⁸⁵ Laschitza Annelies. Deutsche Linke im Kampf für eine demokratische Republik. Berlin: Dietz Verlag, 1969. S. 166-167.

²⁸⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 600. Л. 1-28.

поражений Германии, так как англичане, по его убеждению, всегда достигали своих целей чужими руками и применяли нечестные методы в дипломатических состязаниях²⁸⁷.

Когда в разговоре И.Л. Татищева с Вильгельмом II в германской столице речь зашла о возможности созыва второй конференции в Гааге с целью рассмотрения слабых сторон общеевропейской безопасности и совместного нахождения путей их преодоления, то русский агент смог предоставить очень важные для понимания сущности германской внешнеполитической и военной доктрины сведения, проливающие свет на причины отказа милитаристских кругов Германии поддержать миролюбивые инициативы российского императора, с которыми он настойчиво обращался ко всем правящим режимам Европы. Германский кайзер дал понять Татищеву, что его империя не в состоянии присоединиться к активным действиям Николая II по организации всеобщего разоружения, а также сокращения численности вооруженных сил, так как в них Германия не видит таких условий и гарантий, на основании которых можно было бы обеспечить национальную безопасность и, что более актуально, сохранить достигнутый с огромным трудом имперский престиж.

По поводу предполагаемой конференции в Гааге Вильгельм II высказывался весьма скептически, и об этом доносил И.Л. Татищев: «...Император с нетерпением ожидает получения программы конференции и категорически высказал, что если в программу будет включен вопрос о разоружении, то Германия уклонится от участия в конференции, если же, не будучи включен в программу, вопрос этот которую-нибудь из держав будет возбуждать во время самой конференции, то император отзовет своих уполномоченных, находя, что Германия имеет чересчур много врагов, чтобы помышлять о сокращении своей вооруженной силы. В данном случае, как и во всех других, когда мне приходилось слышать мнение императора о

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 35.

международной политике, заметно опасение Англии и её флота»²⁸⁸. Тезис о том, что у Германии слишком много врагов и что она находится в положении осажденной крепости, активно использовался германским руководством в пропагандистских целях.

Важно отметить, что Германия не только игнорировала предложения Николая II о всеобщем разоружении, но и вкладывала дополнительные финансовые средства в ряд отраслей тяжелой промышленности, которые, в случае необходимости, могли в ускоренном порядке перейти на выпуск военной продукции, а также в усиленную пропаганду особой роли государства в жизни каждого немца, независимо от его политических взглядов, причем всё это официально было представлено в качестве необходимой меры по защите и поддержке германских национальных интересов. Подробные сведения, касающиеся процесса милитаризации кайзеровской Германии и количественных показателей регулярного роста её военных расходов, содержатся в монографии А.С. Ерусалимского: «Избранный в 1890 г. рейхстаг начал свою работу с обсуждения нового законопроекта, который предполагал увеличение состава армии более чем на 18 тыс. человек. Однако правительство Вильгельма II открыто взяло курс на милитаризацию страны лишь два года спустя. 23 ноября 1892 г. военный министр Верди и начальник генерального штаба Вальдерзее внесли в рейхстаг проект увеличения германских вооруженных сил в течение последующих семи лет (1899-1899 гг.). Он устанавливал среднегодовую численность армии в 492 068 чел, предполагая введение 2-летнего срока службы в сухопутных войсках, что увеличивало пропускную способность военной машины на 30 %. Значительно возрастали военные расходы, компенсировавшиеся повышением налогов на предметы потребления.»²⁸⁹.

И.Л. Татищев писал 18 (31) мая 1909 г. результатах своего разговора с германским кайзером следующее: «...В действительности же, насколько я

²⁸⁸ Там же. Л. 5.

²⁸⁹ Ерусалимский А.С. Германская история в Новое и Новейшее время. С. 378.

(И.Л. Татищев) мог убедиться из дальнейшего разговора, император очень рад иметь свидание с вашим императорским величеством до предполагающейся поездки вашего величества в Англию. Этой страны император коснулся в разговоре, по обыкновению, самым враждебным образом, приписывая её политическим козням все невзгоды, могущие обрушиться на мир.»²⁹⁰. Эти сведения подтверждают наличие у Вильгельма II оправданных опасений по поводу возможности налаживания формальных союзнических отношений между российским императором и английским королем, ибо именно с этой целью Николай II собирался посетить Англию. Незадолго до этого демонстративно враждебного заявления в адрес Англии кайзер Вильгельм II, ведя беседу с И.Л. Татищевым 1 (14) апреля 1909 г., счел нужным коснуться проблемы влияния англичан на французов, которые не были стабильны в своих политических взглядах и предпочтениях. Татищев передавал содержание и основную тематику этой беседы следующим образом: «...Затем разговор перешел на стачку торгово-телеграфных чиновников во Франции и император сказал, что, по его мнению, Франция не далека от революции, что с нею иметь дело становится трудно, так как обстановка часто меняется и что в настоящее время Франция находится под сильным влиянием Англии и делает всё, что Англия от неё потребует. В этом замечании императора прослеживается всё тот же страх перед Англией, который мне неоднократно приходилось наблюдать в разговорах его величества на политические темы...»²⁹¹. На основании этих данных можно предположить, что кайзер Вильгельм II скептически относился к франко-германскому сближению. По его мнению, которое выражено в источнике, республиканская и антиклерикальная Франция, подверженная значительному влиянию Великобритании благодаря усилиям английской дипломатии, не могла стать полноценным партнером консервативной Германии даже при условии достижения успеха в деле

²⁹⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 35.

²⁹¹ Там же. Л. 33.

создания так называемого континентального союза держав, в котором было место и для России.

После встречи с Николаем II в Бьёрке в июле 1905 г. император Вильгельм II не отказывался от претворения в жизнь идеи вышеупомянутого союза, призванного быть противовесом традиционным устремлениям Великобритании сохранить в неприкосновенности своё промышленное, торговое и колониальное превосходство над развитыми и развивающимися странами континентальной Европы. Германский император демонстрировал Татищеву свои антианглийские настроения, чтобы отчасти показать своё желание сохранить традиционно дружественные и прогрессивные русско-германские отношения. Это факт доказывает, что Вильгельм II проводил так называемую политику двойных стандартов, пытаясь позиционировать себя верным другом и союзником как русских, так и англичан.

Подробности данной стратегии германского императора отражены в работе Дж. Макдоно «Последний кайзер: Вильгельм Неистовый», которая является сборником редких и ценных сведений о серьёзных личных переживаниях Вильгельма II и о влиянии его неуравновешенного характера на внутри- и внешнеполитический курс Германии, с большим трудом прокладывавшей себе путь в клуб великих европейских держав. Макдоно писал о германском императоре: «Он всегда говорил, что Англия и Германия – естественные союзники: немцы должны владычествовать на суше, англичане – на море. Затратив четверть века на то, чтобы убедить англичан в преимуществах такого партнерства, он так и не преуспел в этом предприятии. Судьбой Европы в то время управляли монархи – близкие родственники Вильгельма, однако он так и не мог определить, на кого из них можно опереться. По мнению Вильгельма, Европа не принимала Германию в клуб великих держав, и он воспринимал это как личное оскорбление...»²⁹². Автор указанной книги справедливо отметил недовольство германского

²⁹² Макдоно Дж. Указ соч. С. 11.

монарха, для публичной демонстрации которого действительно имелись причины. Европа, где в то время пользовались популярностью социал-демократические и либеральные идеи, не собиралась полностью признавать равноправие сравнительно молодой, но амбициозной Германской империи, созданной при помощи насилия и безудержного распространения немецкой националистической доктрины в её довольно искаженной прусской интерпретации.

И.Л. Татищев в своем донесении указывает на лицемерную манеру кайзера, который в беседах с российскими представителями подвергал резкой критике англичан, но, когда возникала необходимость налаживания связей с британским монархом, германский император выражал безусловное почтение ему и его подданным. Генерал-майор Татищев, уделяя большое внимание данной проблеме, доносил о результатах официального визита английского короля Эдуарда VII в Германию, состоявшегося в марте 1909 г.: «...Все средства были пущены в ход для того, чтобы свиданию монархов придать значение сближения народов. Приём, сделанный королю Эдуарду народом и Берлином, не оставляет желать лучшего. Посещение королём городской ратуши, куда его величество явился без императора, а только в сопровождении своей английской и немецкой свиты и несколько тёплых слов, с коими король обращался к присутствовавшим в ответ на приветствие городского головы, произвели на всех очень хорошее впечатление...»²⁹³. Эта выдержка из донесения Татищева может свидетельствовать о том, что Вильгельм, стремившийся к достижению превосходства Германии над всеми европейскими державами путем лишения англичан их колониального и морского могущества, должен был в условиях форсированного, но не завершённого к тому времени перевооружения своей армии и наращивания германской военной мощи, сохранять дипломатическую сдержанность по отношению к Великобритании.

²⁹³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 26.

Представляют интерес замечания И.Л. Татищева, которые были даны им для выявления эффективности попыток Вильгельма II и его окружения по собственной инициативе делать некоторые шаги к обеспечению нормализации франко-германских отношений, которые отличались сложностью и напряжённостью из-за реваншистских настроений большинства граждан Франции, не смирившихся с неравноправными условиями Франкфуртского мира, заключённого 10 мая 1871 г. Обозначенный дипломатический маневр германского руководства противоречил российской внешнеполитической доктрине, одним из ключевых положений которой было недопущение сближения между Францией и Германией и, более того, складывания военно-политического союза этих континентальных держав без приглашения России принять в нём участие.

Благодаря сведениям, полученным из донесения Татищева, Николай II мог иметь четкое представление о подробностях пребывания при дворе германского императора ряда высокопоставленных представителей Франции, которые имели возможность повлиять на мнение кайзера о характере и смысле русско-французских отношений. Принятие императором Вильгельмом с особыми почестями бывшего французского министра, экономиста и финансиста Роше, который был ярким сторонником франко-германского сближения, означало то, что французские деньги потенциально могут обслуживать германские интересы²⁹⁴.

Что касается финансирования германским правительством программ по строительству современного военно-морского флота, то это требовало привлечения всего экономического потенциала страны. С учетом огромных жертв, требуемых его сооружению, в общественном мнении Германии утвердилось убеждение в необходимости могущественного флота для охраны германской мировой торговли, поддержания достоинства Германии. По

²⁹⁴ Там же. Л. 46-47.

этому поводу Татищев доносил, что «...в 1911 г. имперский рейхстаг утвердил военную программу, рассчитанную на 5 лет вперед, причем до этого в Германии в ряды армии попадало около 50 % от всего числа признанных годными к военной службе молодых людей, во Франции аналогичный показатель был выше 70 %²⁹⁵. Проблематика роста военного потенциала кайзеровской Германии и увеличения могущества её флота, осуществленного в ходе принятия 4 морских программ (1898, 1900, 1906 и 1908 гг.) по инициативе главы германского военно-морского ведомства адмирала Альфреда фон Тирпица, затронута и освещена в работе С.П. Шилова²⁹⁶.

Отчасти Германскую империю в 1909 г. удерживало от решительных действий, направленных на открытую провокацию военного конфликта, весьма опасное для неё обстоятельство, связанное с тем, что соединенный британский флот стоял в Дувре и нес непрерывное боевое дежурство²⁹⁷. Немецкий милитаризм на тот момент ничего не мог противопоставить английским боевым кораблям, которые представляли реальную угрозу для Германии и ставили её в невыгодное стратегическое положение. Стоит обратить внимание на комментарий Татищева по этому вопросу: «...Наш военный агент полковник Михельсон получил от одного из членов здешнего английского посольства сведение, что, в случае столкновения с Германией, Англия будет действовать немедленно как союзница России и Франции. Сосредоточение английского флота в Дувре служит для этого подготовительной мерой. Насколько сообщивший это сведение англичанин был искренен, я, к сожалению, проверить возможности не имею...»²⁹⁸. Так называемая подготовительная мера Англии не гарантировала четкого

²⁹⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 86.

²⁹⁶ Шилов С.П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897-1914 гг. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004. С. 34-38.

²⁹⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 30.

²⁹⁸ Там же. Л. 28.

выполнения ею союзнических обязательств по отношению к России в случае развязывания Германией войны в Европе, так как англичанам требовалось выиграть время для выгодного вмешательства в конфликт. В качестве военного агента Татищев, пребывая в Берлине и отслеживая настроения активной части германской общественности и военно-политических кругов, ежедневно наблюдал за накалявшейся атмосферой в имперской столице, пропитанной милитаристским духом, и делал интересные замечания по поводу стремительного и безрассудного роста военной истерии среди немцев.

Германская пресса, как отметил И.Л. Татищев в своем донесении, активно способствовала подогреванию антирусских настроений в Берлине, причём в марте 1909 г. у неё был для этого ещё один важный повод: дело в том, что в данное время внимание европейской общественности сосредоточил на себе политический и дипломатический кризис на Балканах, связанный с аннексией Австро-Венгрией территории Боснии и Герцеговины, чему Россия пыталась воспрепятствовать всеми дозволенными международным правом средствами. Что касается поведения официальных представителей Австро-Венгрии, то оно выходило за рамки дипломатического такта.

Внешнеполитическое ведомство Вены, заручившись поддержкой кайзеровской Германии, сочло возможным для себя игнорировать протесты не только официальной России, но и влиятельных общественных кругов Франции и Великобритании, которые выступали против этой незаконной акции двуединой монархии, с помощью которой она стремилась компенсировать утраченное влияние в Европе после вытеснения её из Италии и Германии²⁹⁹. Для подтверждения этого тезиса стоит привести доклад полковника М.К. Марченко, который являлся российским военным агентом (атташе) в Вене во время Боснийского кризиса 1908-1909 гг. и,

²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 755. Л. 9.

соответственно, имел достаточно возможностей, чтобы отслеживать возрастание агрессивных тенденций во внешней политике Австро-Венгрии. М.К. Марченко писал в указанном донесении: «...Предположение о конференции встретило весьма неприязненное отношение со стороны Австрии. Сначала она вовсе отказалась от передачи вопроса о Боснии и Герцеговине на международное обсуждение, а потом, не возражая уже против созыва конференции, настаивало на том, чтобы вышеозначенный вопрос был принят конференцией к сведению, но не подлежал бы рассмотрению по существу...»³⁰⁰. Столь вызывающая манера ведения дипломатических переговоров, которую демонстрировал венский кабинет, действительно была бы невозможна без союза с Германией, имевшей планы направить всю энергию и изобретательность российского дипломатического корпуса на решение балканских проблем в свою пользу, что, в свою очередь, в ближайшей перспективе могло дать немцам повод для обвинения русских в агрессивных намерениях и в отказе от конструктивного диалога.

И.Л. Татищевым было отмечено следующее обстоятельство, влиявшее на русско-германские отношения: «...Между тем настроение здесь весьма напряженное. Все газеты подробно обсуждают балканские дела и, хотя печать к этому вопросу пока относится довольно объективно, однако от времени до времени намекает на возможность войны с нами. В военных сферах об этой возможности говорят много, да и не может быть иначе среди офицеров армии, 38 лет готовящейся и совершенствующейся. Теперь германская сухопутная армия вполне готова...»³⁰¹.

Необходимо оговорить то обстоятельство, что в этом коротком и ёмком замечании автора донесения речь идет лишь о готовности германских сухопутных войск к военным действиям против русских, но в то же время нельзя утверждать, что общественное мнение в кайзеровской Германии единогласно и безоговорочно поддерживало исключительно опасную для

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 28.

немецкого народа идею ведения небывалой по масштабам и применяемым средствам войны против России, навязываемую милитаристами и представителями крупного капитала, пользовавшимися негласной поддержкой Гогенцоллернов.

Здравомыслящие представители немецкой общественности отлично понимали, что Российская империя, обладающая огромными ресурсами и многочисленной армией, способна выдержать гораздо более длительные военные испытания, чем Германия, которая могла делать ставку исключительно на четко спланированный молниеносный удар, который дал бы возможность германской армии и германской военной организации в максимальной степени использовать все свои преимущества, а также последние технические нововведения, которые необходимо было испытывать в условиях реальных боевых операций, для успешного осуществления крупной кампании против русских.

К важным источникам, позволяющим оценить и проанализировать проблемы и достижения в российской военной сфере на рубеже XIX-XX вв., следует отнести доклад военного министра генерала П.С. Ванновского на имя Николая II, подготовленный в 1898 г., который отражает состояние русской армии и ее предполагаемые боевые характеристики на случай прямого военного столкновения, причем в качестве вероятного и наиболее опасного сухопутного противника воспринималась тогда Германская империя, с которой Россия имела общую границу.

В докладе П.С. Ванновского говорится, что «...к концу 1897 г. численность регулярных войск, по штатам мирного времени, выражалась в следующих цифрах: генералов, штаб- и обер-офицеров – 38 068 чел., классовых чиновников – 9 599 чел., нижних чинов – 980 447 чел., лошадей – 116 167. Сравнительно с предшествующим годом, численность увеличилась на 1 411 офицеров, 167 чиновников, 34 448 нижних чинов и 6 238

лошадей»³⁰². При этом военный министр делает важный, на наш взгляд, прогноз: «В текущем году состав армии должен быть увеличен на 345 офицеров и 15 000 нижних чинов»³⁰³.

Для объективной характеристики уровня боеготовности русской армии в условиях вероятной войны с Германией важны также сведения из официального доклада, подготовленного 14 марта 1900 г. генерал-лейтенантом Алексеем Николаевичем Куропаткиным, крупным российским военным и политическим деятелем, который в 1898-1904 гг. занимал должность военного министра. В них есть прямое указание на факты наращивания Германией военной мощи, которая, исходя из особенностей развертывания немецких армий, напрямую угрожала безопасности западных российских границ. Также германское командование могло, в случае первого крупного успеха, привлечь на сторону кайзеровских армий и использовать в своих целях некоторую часть населения Привисленского края и Прибалтики, которая была в оппозиции по отношению к административной и национальной политике Петербурга. А.Н. Куропаткин, в частности, приводил информацию о том, что «...в русской армии имеется 43 000 офицеров действительной службы и 11 000 офицеров запаса, в Германии – соотношение 1:1 (23 000 офицеров на действительной службе и 23 000 – запас)»³⁰⁴. Если сравнить количество военных специалистов, сосредоточенных непосредственно на русско-германской границе, то указанное Куропаткиным соотношение между офицерами действительной службы и офицерами запаса было в пользу Германии.

Далее он докладывает о недостатках русской армии, которые не были полностью преодолены к началу Первой мировой войны и негативно отразились на тактическом и стратегическом положении русских войск в последовавшем через 14 лет прямом военном столкновении с кайзеровской

³⁰² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 442. Л. 10.

³⁰³ Там же. Л. 11.

³⁰⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Л. 129.

Германией: «Сравнительная медленность нашего сосредоточения на западной границе, предоставляя противнику все выгоды предупреждения в боевой готовности, принуждает нас в начале войны держаться оборонительного образа действий...»³⁰⁵. Эти сведения были важны для российского руководства и военного командования, так как они означали, что Германия располагала возможностью в сжатые сроки провести мобилизацию войск, а затем эффективно использовать преимущества хорошо подготовленного наступления.

Продолжая речь о готовности Германии к военным испытаниям, необходимо вместе с тем обратить внимание на записку А.Н. Куропаткина, адресованную лично министру императорского двора барону Владимиру Борисовичу Фредериксу и относившуюся к военно-политическим реалиям, сложившимся в Российской империи к 1910 г. В указанной записке, касавшейся вопроса об ассигновании на военное и морское ведомство кредитов на неотложные нужды, содержится важная информация о том, что в России, как и в кайзеровской Германии, принимались меры по модернизации армии и флота, увеличению боеспособности вооруженных сил, и это обстоятельство требовало от государства огромных финансовых затрат. А.Н.Куропаткин объяснил сложившуюся ситуацию с ассигнованием кредитов на долгосрочный период и показал процесс обсуждения этой проблемы в законодательных и законосовещательных инстанциях, к чему прилагались соответствующие цифры: «...В марте месяце сего года в Государственную Думу поступило представление, подписанное четырьмя министрами, об ассигновании в течение 1911-1920 годов военному и морскому министерствам 1400 млн. рублей. Кредиты эти распределены между военным и морским ведомством почти в равной мере, а именно: военному ведомству испрашивается ассигнованные 715 млн. рублей и морскому ведомству – 698 млн. рублей. В представлении в Государственную

³⁰⁵ Там же. Л. 130.

Думу, которым испрашиваются эти кредиты, пояснено, что вслед за окончанием русско-японской войны уже выяснилась необходимость ассигнования особых кредитов для приведения нашей государственной обороны в соответствие с предъявляемыми к ней современным состоянием военного дела и развития вооруженных сил других государств требованиями...»³⁰⁶.

Сведения из записки Куропаткина о больших финансовых трудностях, с которыми столкнулась государственная политика по модернизации армии и флота, были рассчитаны на то, чтобы продемонстрировать барону В.Б.Фредериксу наличие большой угрозы для национальной безопасности России, которая могла возникнуть в случае резкого ухудшения дипломатических отношений с Германией при незавершенной программе перевооружения русской армии. В.Б. Фредерикс, как приближенное к императорскому лицу, должен был передать эту информацию Николаю II.

Генерал-майору Татищеву, как должностному лицу, разбиравшемуся в международной обстановке, было ясно, что нанесение Германией внезапного и мощного удара по славянскому миру будет означать вмешательство в войну России, которая выступала в качестве гаранта безопасности для славянского населения Балкан, а также Англии и Франции, которые к тому времени являлись союзниками русских и в перспективе большой войны не желали пассивно наблюдать за успехами немецких войск, не извлекая при этом для себя какой-либо выгоды.

Особая роль покровительницы православных христиан Балканского полуострова, которую взяла на себя Россия при участии в решении Восточного вопроса, связанного с необратимыми процессами разложения Османской империи, вынуждала российское руководство идти на постоянные дипломатические конфликты с Германией и Австро-Венгрией. Эти континентальные державы, имели в данном регионе противоположные

³⁰⁶ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 99. Л. 2.

цели, но при этом они координировали совместные дипломатические, экономические и военные усилия для предотвращения чрезмерного распространения русского влияния среди бывших подданных турецкого султана, а также вынашивали планы полного изгнания российских консульств и миссий из Юго-Восточной Европы.

И.Л. Татищев писал: «Действительно желавших войны можно было найти среди высшего командного состава, желающего удостовериться, находится ли Германская армия на той степени боевого совершенства, которое требуется для ведения современной войны, да ещё среди самых молодых офицеров, смотрящих на войну со спортивной точки зрения и жаждущих славы...»³⁰⁷. По справедливому замечанию Татищева, это приподнятое настроение высших и младших офицеров германской армии явно не разделялось средним командным составом, отлично знавшим реальные условия и особенности ведения современных, по меркам начала XX в., боевых действий. Эти знания были полезны для нанесения удара по Франции, но для ведения войны против России германскому командованию нужно было разработать более совершенную военную стратегию, что было отмечено И.Л. Татищевым³⁰⁸.

Ориентируясь на опыт русско-японской войны, средний германский офицерский корпус указывал на необходимость не только более совершенной тактической и стратегической подготовки офицеров полевой армии, но и усиленной работы по развитию боевых и моральных качеств отдельного немецкого солдата, и, если его дисциплинированность и исполнительность не вызывали сомнений, то, тем не менее, возникла острая необходимость сделать его таким же стойким и выносливым, каким показывал себя русский солдат, причем на этих аспектах И.Л. Татищев сосредоточил своё внимание³⁰⁹.

³⁰⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 30-31.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же. Л. 31.

В секретной докладной записке Германского генштаба от 1913 г., в которой анализировался потенциал русской армии, было отмечено: «...Людской материал надо считать хорошим. Русский солдат сравнительно мало восприимчив к внешним впечатлениям. Даже после неудач русские войска быстро оправятся и будут способны к упорной обороне...»³¹⁰. Этот источник подтверждает приведенные выше сведения И.Л. Татищева, где объективно оценивается уровень развития военного дела не только в Германии, но и в России. Характеризуя боевые качества личного состава немецкой и русской армий, он также обращал внимание на такой важный аспект, как материально-техническое оснащение вооруженных сил Российской и Германской империй, причем последняя в указанное время располагала в данном отношении явным превосходством: «...Стойкость и выносливость солдата всегда будут играть громадную роль, однако она не перестала быть первенствующей с развитием военной техники, которой особенно сильна германская армия и нам надо все силы употребить, чтобы догнать её в этом отношении...»³¹¹. Автор анализируемого нами донесения, таким образом, учитывал слабые стороны в боеготовности русской армии в случае необходимости отражения германской агрессии, которая была, по его собственным оценкам реальных перспектив развития международных отношений, логическим завершением усиливавшегося противостояния между Россией и Германией в экономической, политической и дипломатической сферах.

Согласно донесению генерал-майора Татищева, в марте 1910 г. всем офицерам Берлинского гарнизона приказано было находиться в казармах при своих частях в ожидании вызова войск на случай могущих произойти более крупных беспорядков, которых не было³¹². Российское руководство также было готово затратить огромные средства на усмирение национальных

³¹⁰ Drang nach Osten. Из секретной докладной записки Германского генерального штаба. // Родина. 1993. № 8. С. 14.

³¹¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 31.

³¹² Там же. Л. 49.

движений и зарождавшейся политической активности населения, стремясь при помощи военной силы и репрессий водворить порядок. Николай II писал в августе 1906 г. в Тифлис генерал-адъютанту Воронцову-Дашкову: «Признаю настоятельно необходимым теперь-то вернуть 33-ю дивизию с артиллерией в Киевский округ как для восстановления состава войск этого округа, так и для сохранения в рядах дивизии прежнего отличного состава офицеров и сверхсрочных унтер-офицеров. Не сомневаюсь, что при дальнейшем правильном употреблении войск, остающихся сил будет достаточно для восстановления порядка»³¹³. Это означает, что в указанное время внутривластная обстановка в Германии с её сложностью и противоречивостью имела значительное сходство с ситуацией в России, где резко обострились отношения между властью и народом. Беспорядки в Германии и внутренняя нестабильность в России потенциально могли иметь одни и те же причины, и на это обращало внимание российское руководство.

Либеральные тенденции, игравшие важную роль в политической действительности, наблюдавшейся в кайзеровской Германии, встречали подозрительность и враждебность со стороны монархически настроенного чиновничьего аппарата, который пользовался открытой поддержкой Вильгельма, считавшего либерализм гибельным путём развития, особенно для консервативной Германии. И.Л. Татищев, разделяя монархические взгляды, позволяет себе уничижительную терминологию «либеральные элементы», которым он, в частности, отказывает в праве принимать на себя ответственность за судьбу обновленной России.

В его донесении обозначено: «Его Величество озабочен тем брожением, которое в настоящее время охватило всю Пруссию из-за нового правительственного проекта избирательного закона. Этот проект не удовлетворяет широкие слои населения, которые желают от выборов в прусскую нижнюю палату тот же избирательный закон, какой существует

³¹³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1116. Л. 56.

для выборов в имперский рейхстаг. По этому поводу в здании цирка по воскресеньям бывают многолюдные собрания либеральных элементов Берлина. На этих собраниях в числе ораторов выступают некоторые профессора и депутаты рейхстага и произносят речи о необходимости добиться Пруссии прямой и тайной подачи голосов»³¹⁴. Данные из источника позволяют предположить, что нормы и принципы германской конституции или прямо нарушались, или соблюдались не в полном объеме, и это совершалось в интересах милитаризации Германской империи, которую сознательно поддерживал кайзер. Необоснованное игнорирование принятых конституционных норм, практиковавшееся в Германии, предоставляло российским либералам повод подвергать её правящую элиту открытой критике, а также усиливало негативную роль германского фактора в политической жизни России.

Российско-германские отношения в конце XIX в. были подвержены негативному воздействию со стороны такого важного фактора, как организованный раздел сфер влияния на Балканах между великими державами, в котором Россия и Германия принимали непосредственное и равноправное участие³¹⁵. Объективный анализ рассматриваемой ситуации содержится в заметках А.А. Гирса.

Русский дипломат Александр Александрович Гирс, который был советником при министерстве иностранных дел России, а также консулом в Румынии с 1887 по 1899 гг., давал в своих записях, которые велись им в годы пребывания в Триесте и Яссах, весьма неоднозначную характеристику ситуации на Балканах. Его оценка взаимоотношений российской дипломатии с представительствами великих европейских держав, размещавшихся на территории молодых славянских государств, недавно получивших независимость от турецкого султана, может служить примером консервативной политической позиции. Его также интересовало состояние

³¹⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 48-49.

³¹⁵ Ерусалимский А.С. Германская история в Новое и Новейшее время. С. 378.

дел в остальных балканских странах, на которые обращали свои взоры как старые хозяева в лице турецкого султана, так и новые покровители, оказывавшие помощь в национальном возрождении.

Что касается поиска союзников в решении наиболее существенных вопросов по урегулированию ситуации на Балканах и завоевания доверия среди славянских народов, населявших полуостров, то А.А. Гирс в равной степени не мог доверять ни республиканской Франции, ни Германии и Австро-Венгрии. Применительно к методам французской печати он писал следующее: «...Наша пресса попала на удочку и, повторив уверения иностранных публицистов о нерушимости нового Тройственного союза, завопила о необходимости союза с Францией и обрушилась всей тяжестью на Германию, уличая её в самых коварных замыслах по отношению к России. Бесшабашная брань немцев и Бисмарка сделалась лозунгом нашего общественного мнения и наших публицистов. Какое самообольщение, какое невежество думать, что мы найдем во французах искренних друзей при решении Восточного вопроса. Поведение нашей публики и нашей печати принесло ближайшие плоды: мы остаемся с нашими предложениями послать наместника в Болгарию совершенно одиночками...»³¹⁶. Это высказывание свидетельствует об отсутствии у А.А. Гирса доверия к российской прессе, в которой наблюдались либеральные тенденции, причем за таковые в императорской России можно было выдать демонстративное проявление симпатий к французским республиканским порядкам и реально функционировавшим демократическим институтам, закрепленным конституционными положениями и актами 1875 г.

Оценивая ситуацию на Балканах, стоит отметить, что появление на карте Европы молодых славянских государств означало, как выяснилось позднее, лишь усугубление проблем, связанных с нерешенностью Восточного вопроса, и это закрепило за Балканским полуостровом статус одного из

³¹⁶ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 76. Л. 12.

главных очагов международной напряженности. Российское руководство, которое вынуждено было официально поддерживать лозунги панславистов для поддержания внутривосточной стабильности, в процессе решения Восточного вопроса с его принципиально новыми реалиями встретило решительное дипломатическое противодействие со стороны не только великих европейских держав, но и основной части недавно освобожденных южнославянских народов.

Эта признаваемая российской властью проблема была объективно обусловлена неприятием прогрессивными представителями балканских народов, которые имели историческое право самостоятельно отвечать за своё будущее развитие и выбирать оптимальные для неё формы правления и государственного устройства, чрезмерного влияния российской военной администрации на процесс формирования политических и правовых институтов у южных славян. Особенно сильны были данные настроения у болгар, потерявших симпатии к своим освободителям за непродолжительное время присутствия русских на своей территории. О недопустимости грубого вмешательства российского самодержавия во внутренние дела балканских стран писал известный либерал и общественный деятель Борис Николаевич Чичерин, отмечая потенциальную опасность навязывания южным славянам строго определённой политической и экономической модели: «Не как представительница чисто материального могущества, основанного на притеснении всех подвластных, а как носительница высших человеческих начал, может она исполнить своё историческое призвание, выдвинуть славянский вопрос и сокрушить гегемонию Германии...»³¹⁷. Б.Н. Чичерин, таким образом, предлагал совершенствовать методы культурно-просветительского взаимодействия между славянскими народами.

Пресса в России не обладала достаточным опытом в искусстве формирования общественного мнения. Для неё было важно и

³¹⁷ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Изд. Гуго Штейница, 1900. С. 179.

принципиально, что политика Бисмарка, который не отличался разборчивостью в средствах в процессе достижения конкретных целей, а это было связано с увеличением международного веса и значения Германской империи, действительно вызывала резкое недовольство как в либеральных, так и в социал-демократических кругах самой Германии, что подтверждается словами Энгельса, содержащимися в его работе «Роль насилия в истории»: «...Прусский юнкер даже не замечает крупного морального ущерба, который причиняла себе молодая Германская империя, открыто и беззастенчиво провозгласившая грубой насилие своим основным принципом...»³¹⁸. Стоит отметить следующее важное обстоятельство, во многом определявшее особенности социально-экономических и политико-правовых отношений в кайзеровской Германии: политический тон прусского юнкерства далеко не всегда соответствовал интересам германской буржуазии, которая в классовом и экономическом отношении являлась конкурентом крупных земельных собственников. Для того чтобы открыть фабричное производство, немецкому буржуа недворянского происхождения приходилось преодолевать множество искусственных препятствий, возникавших из-за наличия у ряда представителей влиятельных юнкерских семей, пользовавшихся поддержкой центральной власти, противоположных целей и интересов. Подобные проблемы испытывала молодая российская промышленность в пореформенное время, так как процесс постепенной отмены крепостного права, который растянулся на несколько десятилетий, не означал того, что в императорской России были созданы по европейскому образцу все необходимые условия для быстрого перехода к капиталистическому укладу во всех сферах общественной, государственной и экономической жизни.

Чтобы быть уверенными в собственной безопасности, германские и австрийские правящие круги предпочитали не обострять противоречия с российским самодержавием, будучи зависимыми от самостоятельно

³¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. Т. 16. Ч. 1. С. 491.

принимаемых им окончательных решений, определявших степень опасности идеологического влияния социал-демократии и конкретных политических действий активистов II Интернационала, рассчитанных на открытое противодействие центральной власти с целью её дискредитации. В статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» отражены надежды социал-демократов на обострение политического кризиса в России, Германии и Австро-Венгрии: «...Ибо господа из Берлина и Вены отлично знают, что, несмотря на все их препирательства с царем из-за Константинополя, может наступить такой момент, когда они швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и всё, чего он только потребует, лишь бы он защитил их от революции...»³¹⁹. А.А. Гирс считал германскую социал-демократию опасным для России явлением, так как её лидеры, используя своё значительное влияние на европейскую прессу, пытались воспрепятствовать российским планам на Балканах.

Публичное оскорбление германских политических деятелей наносило непоправимый ущерб давним и тесным российско-германским связям, что в то время явно противоречило российским интересам, подрывало основы дипломатического этикета, которым обязаны были следовать все страны, претендовавшие на статус великой державы. Это обстоятельство давало немецкой прессе и печати повод подвергать российские власти и их действия на Балканах ответной критике. Учитывая активность немецкой прессы, российское руководство вынуждено было вводить цензурные ограничения именно на те периодические печатные органы, которые были ориентированы на резкую критику основных направлений имперской политики Германии.

Притязания Германии и Австро-Венгрии на определенную долю политического влияния на Балканах, а также планы силового варианта изменения границ между славянскими государствами и Турцией, вынашиваемые военно-политическими элитами этих государств, А.А. Гирс

³¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. Т. 16. Ч. 2. С. 39.

рассматривал как вполне ожидаемые и предсказуемые с исторической точки зрения внешнеполитические реалии, но Россия должна была стать, по его мнению, естественным препятствием на пути их осуществления, продолжая играть роль защитницы и покровительницы славянского мира.

О румынах, которые всецело ориентировались на немцев, А.А. Гирс писал 1893 г.: «Румыны всячески от нас открепиваются, общения они ищут лишь с Австрией и с Германией. Они настолько зарвались на этом пути, что уклониться от него было бы равносильно признанию их политического ничтожества. Поэтому в основу внешней политики легла надежда на столкновение России с Австрией и Германией»³²⁰. Не только Румыния, но и Болгария, на лояльность которой отечественная дипломатия возлагала большие надежды, из-за ошибок в балканской политике стала быстро выходить из сферы российского влияния.

А.А. Гирс, анализируя стратегическое положение Российской империи и особенности формирования её политического имиджа, также обращал внимание на то, какую позицию по отношению к России в глобальном военном конфликте потенциально могут занять западнославянские народы, находившиеся под германской и австрийской юрисдикцией. Применительно к росту враждебных по отношению к династии Габсбургов настроений моравских чехов, которые в конечном счете не получили от Вены обещанных им на официальном уровне политических, налоговых и образовательных привилегий, которыми пользовалось мадьярское население так называемой лоскутной империи, А.А. Гирс сделал объективное замечание: «...Когда обнаружилось угрожающее положение, занятое Россией на её западной границе, главный орган моравских чехов писал: «В течение трех с половиной веков Австрия не была в состоянии нас германизировать; величайший наш враг, приставивший нам нож к горлу – объединенная Германия. И эта объединенная Германия имеет впереди войну с Россией и Францией. Что

³²⁰ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 76. Л. 89.

может быть естественнее, как обратить наши симпатии к тем, которые будут бороться с Германией и искренно желать её поражения. Нашей главной заботой будет стремиться к тому, чтобы в войне России с Германией Австрия соблюдала строжайший нейтралитет»...»³²¹. Исторически укоренившаяся в сознании моравских чехов враждебность к немцам распространилась и на соседнюю Германскую империю, которая, будучи союзницей Австро-Венгрии, могла применить достигнутое путем огромных усилий и издержек военное могущество для сохранения за Габсбургами лишь формальной власти над Моравией, чтобы одновременно превратить её, не встречая серьезных препятствий, в удобный плацдарм для регулярных маневров германских вооруженных сил, которые должны были произвести впечатление на Россию и Францию. Для территориальной целостности монархии Габсбургов опасность представлял также сепаратизм богемских чехов, масштабные национальные волнения которых начались в 1897 г.³²². Германское посольство в Вене действительно оказывало давление на австрийские власти в процессе выработки ими политических и административных решений в отношении славянского населения³²³.

Австрийский император Франц-Иосиф, опираясь на дипломатическую и военную поддержку дружественной Германии, располагал редкой возможностью безнаказанно вести агрессивную политику на Балканах, хотя, с учётом такого фактора, как ускоренный процесс изменения международной обстановки, она давала незначительные выгоды и перспективы, которые были обещаны германским кайзером, чтобы Габсбурги последовательно и организованно действовали в соответствии с инициативами Гогенцоллернов, которые он непременно ассоциировал с общегерманскими жизненными интересами.

³²¹ Там же. Л. 56-57.

³²² Archiv für Sozialgeschichte. Jahrbuch der Friedrich-Ebert-Stiftung. Hannover: Verlag für Literatur und Zeitgeschehen, 1967. S. 357.

³²³ РГАСПИ. Ф. 458. Оп. 2. Д. 2386. Л. 1-2.

Проведенная в Боснии и Герцеговине операция, несмотря на ожидаемое впечатление, которое она произвела на руководителей и на общественное мнение европейских держав, а также на соперничавшую с ними из-за усугубившегося славянского вопроса Россию, в реальности продемонстрировала слабость занимаемых Австро-Венгрией позиций и потенциальную недолговечность её существования на карте Европы. Это являлось исключительно тактическим успехом военной доктрины двуединой монархии, где уже тогда начали проявляться тенденции к дезинтеграции, но для России с её имперским статусом допущение подобного стечения обстоятельств было оскорбительным, о чём сделал замечание экономист и публицист С.Ф. Шарапов в своей статье «Что делать с Критом?», копия которой находится на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. Он писал по поводу неудачных усилий российских дипломатов по предотвращению насильственного вхождения в состав Австро-Венгрии новых балканских провинций следующее: «Исправится ли когда-нибудь русская дипломатия? Услужливое признание австрийской аннексии стоило России великого позора. «Умиротворение Крита» обещает позор ещё больший и уже совершенно ничем не оправдываемый, даже той тенью опасности, которая мерещилась нашим дипломатам в виде возможного столкновения с Австрией и Германией...»³²⁴.

На основании приведенных выше тезисов можно выделить ряд положений, позволяющих прояснить позицию А.А. Гирса в восточном вопросе и – шире – в оценке им геополитических задач России. Во-первых, сведения, которые предоставлял российскому внешнеполитическому ведомству дипломат А.А. Гирс, отражали реальную ситуацию на Балканском полуострове в указанный период. Во-вторых, Болгария и Румыния постепенно начали ориентироваться на кайзеровскую Германию вследствие того, что Российская империя не обращала достаточного внимания на

³²⁴ ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.

национальные интересы болгар и румын после их освобождения от власти турецкой администрации, и это обстоятельство вызывало негативную реакцию российской элиты, в планы которой не входило преднамеренное ухудшение отношений с Германией. Претензии России и Германии на исключительное право определять судьбу молодых балканских стран были важным этапом в развитии антагонизма между этими державами.

Представители власти в России вынуждены были уделять в 1907-1910 гг. повышенное внимание активизации германской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, которая носила политический, экономический, просветительский и военный характер. Российские правящие круги, прилагая усилия к ликвидации последствий революционных потрясений, получали важные сведения о нарастании германской угрозы от специалистов в дипломатической сфере, которые располагали соответствующей информацией.

Ведущую роль в лишении Персии самостоятельности, первоначально в вопросах внешних сношений, играли Великобритания и Россия, однако в указанное время большие финансовые, торговые и промышленные интересы к ней начала проявлять кайзеровская Германия, у которой отсутствовала возможность занять в решении персидских дел такое же преимущественное место.

Об этих проблемах писал в своих телеграммах чрезвычайный посланник и полномочный министр в Тегеране Николай Генрихович Гартвиг, предоставляя особо важную для российского руководства стратегическую информацию о немецких концессиях в Персии с 31 января по 24 мая 1907 г. На дипломатической службе Н.Г. Гартвиг являлся конкурентом министра иностранных дел А.П. Извольского, который мало внимания уделял делам на Ближнем и Среднем Востоке, будучи сторонником реализации внешнеполитических комбинаций России в европейском направлении, а также дружбы с англичанами и французами. Н.Г. Гартвиг, напротив, в силу своего дипломатического статуса ставил стратегическую задачу всемерного

укрепления российских позиций в шахском Иране. Он выражал весьма скептическое мнение по поводу внутреннего и внешнего единства Антанты, в которую британские и французские политические лидеры приглашали Россию с целью связать её серией военных, экономических и правовых обязательств. Неукоснительное выполнение этих обязательств потенциально не могло гарантировать реальных выгод российским промышленным и торговым кругам, учитывая то неблагоприятное обстоятельство, что представители финансового капитала Англии и Франции имели деловые интересы в России, что отражалось в крупных инвестициях, вкладывавшихся ими в развитие сырьевой сферы³²⁵.

Н.Г. Гартвиг доносил в депеше № 74 от 3 мая 1907 г.: «...Говоря о тяжелом финансовом положении страны, Шах неожиданно спросил меня, как мы относимся к вопросу о Германском Банке. Я сказал его величеству, что императорское правительство имеет от берлинского кабинета самые положительные заверения в том, что Германия не ищет никаких политических привилегий в Персии...»³²⁶. Здесь речь идет о том, что автор депеши уверяет персидского правителя в наличии российского покровительства над его народом и страной, которая стала объектом колониальной экспансии в силу выгодного стратегического положения и наличия богатых месторождений нефти.

Россия имела особые позиции в Персии после совместного с шахом подавления революционных выступлений в северной части этого государства, так как именно русская революция, отдельный очаг которой находился в Закавказье, оказала сильнейшее влияние на дестабилизацию внутривосточной обстановки в шахских владениях. Российская политическая элита не могла допустить уступку Германии преимущественных прав в этом стратегически важном регионе, которые были полноценной составляющей международного веса Российской

³²⁵ Казанцев Ю.И. Указ соч. С. 58.

³²⁶ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.

империи³²⁷. В подтверждение этого тезиса Н.Г. Гартвиг писал: «...Если немцы намерены учредить в Тегеране Банк на чисто коммерческих основаниях, то, конечно, Россия не предоставит по сему поводу никаких возражений, лишь бы банк этот не домогался концессий и не стремился бы к приобретению преимуществ, противных нашим договорным правам»³²⁸. Германские стратеги были заинтересованы в предоставлении Ираном ряда концессий, при этом кайзер Вильгельм практически не сомневался, что, вслед за Турцией, немецкий капитал и немецкая деловая хватка непременно смогут склонить на его сторону персидского шаха, а потенциальные осложнения в отношениях с Россией не давали повода для беспокойства, так как Николай II мог вполне удовлетвориться благожелательным предложением Германии о совместной эксплуатации Персии, имевшей к тому времени исключительно формальный статус свободного и независимого государства³²⁹.

Особую ценность представляет депеша Н.Г. Гартвига из Тегерана от 10 мая 1907 г. за № 77. В ней содержатся сведения о гордых заявлениях немецкой печати по поводу активизации деятельности Германии в Персии, которая якобы увенчалась первыми серьёзными успехами. Н.Г. Гартвиг охарактеризовал сложившуюся в Тегеране ситуацию следующим образом: «...Вся немецкая печать переполнена статьями о Германском Банке в Персии; газеты, комментируя на все лады политическое и коммерческое значение этого пока ещё не существующего кредитного учреждения, приводят ныне и подлинный текст самой концессии, получением которой так гордился временно заведовавший в первой половине минувшего года делами

³²⁷ Аветян А.С. Германский империализм на Ближнем и Среднем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М.: «Международные отношения», 1966.

³²⁸ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.

³²⁹ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения в 1905-1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Московского университета, 1972.

Германской миссии в Тегеране барон Рихтгофен...»³³⁰. Далее он добавляет, что германское руководство не собиралось прекращать борьбу за концессии на иранской территории из-за некоторых тактических ошибок: «...испытанная немцами первая неудача в деле основания кредитного учреждения в Персии заставит их, несомненно, с большей настойчивостью добиваться иных, по всем вероятностям промышленных, путей для внесения в страну своих капиталов...»³³¹.

Очевиден тот факт, что немецкая пресса, при первых намеках на ощутимый дипломатический успех, выражала горячий патриотический порыв, который так импонировал вдохновителям германской колониальной политики, главным из которых являлся сам кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн. Немецкие промышленные капиталы действительно не потерпели такого фиаско, как финансовый сектор, который по своим тогдашним оборотам и по уровню имеющихся возможностей включительно не мог серьезно угрожать английским и французским позициям в рассматриваемом регионе, отставая от масштабов распространения финансового капитала Великобритании и Франции. Национальные чувства немцев были уязвлены тем, что русские и англичане заблокировали для них возможность не только открывать на территории шахского Ирана кредитные учреждения, но и строить там заводы, мосты, железные дороги, объекты добывающей промышленности, германские послы демонстративно обвиняли Россию и Великобританию в том, что эти державы «лишили Персию плодов цивилизации ради своей личной прихоти»³³².

Кайзеровская Германия, как и Великобритания, была особенно заинтересована в неограниченном доступе к иранской нефти. Для российского руководства захват немцами нефтеносных районов Персии означал бы не только явное дипломатическое поражение, но и отдачу

³³⁰ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

³³¹ Там же. Л. 11.

³³² Там же. Л. 12.

Германии стратегической инициативы в ещё не начавшемся, но регулярно прогнозируемом военными специалистами и теоретиками прямом столкновении с кайзеровскими вооруженными силами. Благодаря своим огромным нефтяным ресурсам Средний Восток по стратегической значимости стал в начале XX века столь же ценным регионом, как и черноморские проливы, судьбе которых имперские круги России и других европейским держав уделяли особое внимание. Поэтому борьбу за Персию стоит рассматривать в качестве одного из основных узлов международных противоречий, сделавших неизбежным глобальный конфликт: доступ к нефти оказался одним из решающих факторов для возникновения германских, в первую очередь, претензий к колониальному переделу мира.

Наличие сырьевого фактора в период усиленного давления на Иран было очевидно для правящей элиты России. Руководствуясь отсутствием гарантий со стороны кайзера и германских милитаристов, которые должны были предполагать сохранение *status quo* в регионе, она склоняла Николая II к принятию решения о вмешательстве во внутренние дела этой страны, которое формально согласовывалось и обсуждалось с шахским правительством, чтобы обеспечить безопасность южных границ империи при соблюдении законности и уважительного отношения к легитимной, согласно её представлениям, власти персидского шаха.

В том же 1907 г. немецкая печать оглашала ход и результаты личных встреч, которые регулярно проводились между германским кайзером и турецким султаном: «...Посещение султана германским императором рассматривается в Константинополе как лучший способ положить конец затруднениям, которые встречаются теперь при решении некоторых вопросов, возникающих между Турцией и Германией...»³³³. В этой выдержке из германской газеты речь идет о том, что «некоторые вопросы» представляли собой планы форсированного процесса подчинения османской

³³³ Там же. Л. 16-17.

экономики и существовавших выгод геополитического положения Высокой Порты, несмотря на необратимость процессов её политической децентрализации и потери важных территорий, рациональной стратегической задаче: Германия торопилась со строительством Багдадской железной дороги, причем основная часть железнодорожных путей была проложена к 1909 г., что совпало с Боснийским кризисом, в кратчайшие сроки нарушивший многолетнюю систему равновесия, которая признавалась основными европейскими державами³³⁴.

«...В турецкой столице полагают, между прочим, - говорится в статье далее, - что с приездом Вильгельма II разрешится и вопрос о километровой гарантии. Разрешение этого вопроса тем более желательно, что при данных условиях Германия не имеет возможности найти капиталы, необходимые для постройки Багдадской железной дороги...»³³⁵. В преддверии Первой мировой войны, коренным образом изменившей облик европейской цивилизации, Германская империя активно привлекала на свою сторону младотурок, а кайзер Вильгельм II демонстративно провозгласил себя «защитником всех мусульман», чтобы была гарантирована безусловная лояльность Османской империи при строительстве Багдадской железной дороги, которая должна была стать связующей линией между Германией и Турцией как в экономическом, так и в военно-политическом отношении³³⁶.

Официальный визит кайзера действительно имел не только политическую, но и экономическую подоплеку: полностью контролируя ситуацию в Турции, Германия могла временно возложить на неё ответственность за финансирование всего проекта Багдадской железной дороги. Подобный способ решения финансовых проблем и преодоления потенциальных убытков при прокладке железнодорожных путей военные

³³⁴ Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война. 1912-1913 гг. М.: «Наука», 1969.

³³⁵ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 17.

³³⁶ Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке в конце XIX века. М.: «Наука», 1971.

стратеги и крупные экономисты кайзеровской Германии считали приемлемым, так как он был бы логическим и формально законным следствием неравноправных договорных обязательств, которые турецкому правительству приходилось брать на себя в увеличивавшихся объемах под серьезным давлением германской дипломатии и германских монополий, занявших прочные и перспективные позиции на рынках территориально распадавшейся и подвергшейся постепенной политической децентрализации Османской империи.

Усиление германского влияния в Турции накануне Первой мировой войны было вызвано также тем, что пост военного министра в 1913 г. занял лидер младотурок Энвер-паша, который, будучи последовательным сторонником прогерманской ориентации, согласился принять в Стамбуле военную миссию генерала Лимана фон Сандерса³³⁷. На это важное событие немедленно отреагировала кадетская газета «Речь», основатели которой негативно относились к германской внешнеполитической активности и считали назначение Энвер-паши заранее подготовленной акцией Германии, которая была направлена против России: «...он оказался наиболее подходящим кандидатом на пост военного министра в тот момент, когда Германия торжествует в Константинополе победу по всему фронту...»³³⁸.

Германская и российская пресса по-разному освещали процесс строительства важных участков Багдадской железной дороги, возможность привлечения к данному проекту английского и французского капиталов, а также связанные с этим дипломатические осложнения между Россией и Германией.

В газете «Русь» за № 2 от 16 июня 1907 г. было помещено важное для российской политической элиты известие, которое гласило, что «...было напечатано письмо из Парижа по вопросу об интернационализации

³³⁷ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: «Международные отношения», 1991. С. 109.

³³⁸ Речь. 1913. 30 декабря. С. 8.

Багдадской дороги...»³³⁹. Проблема заключалась в том, что французский капитал был намерен взять на себя часть расходов по сооружению этой довольно протяженной железнодорожной линии, но Франция вынуждена была консультироваться с Россией по данному вопросу, так как обе державы были связаны союзническими отношениями согласно серии взаимных договоренностей от 1891-1893 гг.: всё, что касалось германской стороны, вызывало широкий резонанс в правящей элите России³⁴⁰. Далее «Русь», отражавшая позицию большинства представителей российского руководства по ключевым внешнеполитическим вопросам, продолжает: «...Проект изъятия этой дороги из исключительного пользования Германии приобретает всё более и более сторонников. По словам Перадама, в официальных сферах Англии и Франции мысль об интернационализации этой дороги принята весьма сочувственно, и они не испытали бы зависти, если бы оно повело к улучшению франко-германских отношений...»³⁴¹. Данный источник позволяет предположить, что англо-французские планы по интернационализации Багдадской железной дороги противоречили германским устремлениям, которые были сосредоточены, в первую очередь, на обеспечении потенциальных экономических, политических и военных выгод от её эксплуатации исключительно немецкой компанией, а не на поиске путей улучшения франко-германских взаимоотношений, в чем англичане, стоит оговориться, не были заинтересованы. Русские военные представители в Берлине также довольно скептически относились к существованию возможности одновременной дружбы России и с республиканской Францией, и с кайзеровской Германией³⁴².

Имея широкие виды на Багдадскую железную дорогу, которая была жизненно важной для успешного осуществления германской экономической и политической экспансии в Болгарии, Турции и частично Персии,

³³⁹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

³⁴⁰ Карцов Ю.С. Указ соч. С. 25.

³⁴¹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 9-10.

³⁴² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 746. Л. 46.

европейские державы, включая императорскую Россию, стремились к одновременному извлечению максимальной выгоды от своевременной прокладки Дунайско-Адриатической железной дороги. В мае 1908 г. велись весьма сложные переговоры о строительстве этой дороги, которые проходили в Париже, которые увенчались успехом для русских дипломатов, принимавших в них равноправное участие. Об этих переговорах докладывал в своей депеше от 29 мая (11 июня) 1908 г. действительный тайный советник Александр Иванович Нелидов³⁴³. Будучи опытным дипломатом, А.И. Нелидов оправдывал доверие министра иностранных дел А.П. Извольского и императора Николая II, поэтому ему поручали секретные и ответственные задания по налаживанию и последующей интенсификации контактов со странами Антанты, одним из которых было достижение договоренности о строительстве и будущей эксплуатации такого дорогостоящего интернационального объекта, как Дунайско-Адриатическая железная дорога.

А.И. Нелидов сообщал в вышеупомянутой депеше о том, что «...из последовательных телеграмм моих Ваше Высокопревосходительство изволили осведомиться об удовлетворительном заключении переговоров, происходивших между участниками синдиката, который должен образоваться для постройки Дунайско-Адриатической железной дороги... камергер Вышнеградский, несомненно, доложил уже лично господину министру финансов обо всех подробностях состоявшихся соглашений и представил желаемые цифровые данные...»³⁴⁴. Цитируемый документ подтверждает особую важность постройки этой дороги для российского руководства, так как оно было намерено дополнительно продемонстрировать германским властям силу и возможности Российской империи, а также её великодержавный статус.

Предоставление на рассмотрение министру финансов В.Н. Коковцову подробностей характера и назначения строительных работ, а также

³⁴³ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.

³⁴⁴ Там же. Л. 6-7.

прилагаемых к ним цифровых данных означало серьезность российских намерений и особую заинтересованность в финансировании Дунайско-Адриатической железной дороги, от которой ожидалась максимальная экономическая польза с одной стороны, и последовательное укрепление международного престижа Российской империи с другой. На основании данных, предоставленных действительным тайным советником А.И.Нелидовым, можно предположить, что равноправное участие России в финансировании, проектировании и строительстве указанной дороги, пролежавшей через территорию дружественной Сербии, не затрагивая владений Австро-Венгрии, в состав которых через несколько месяцев насильственным путем вошли Босния и Герцеговина, было ощутимым дипломатическим успехом. Это позволяло российским дипломатам использовать Дунайско-Адриатическую дорогу в качестве противовеса германской экспансии на Балканах, которая без прокладки Багдадской железной дороги потеряла бы смысл.

В отличие от Болгарии, власть в которой сумели захватить и легализовать прогерманские политические силы при всемерном содействии со стороны немецких монополистов, поддержанных дипломатическим корпусом кайзеровской Германии, монархическая Сербия, несмотря на регулярно поражавшие её политические кризисы, ориентировалась на Россию и сохраняла традиционное лояльное отношение к нараставшему вмешательству российской дипломатии в её внутренние дела, что с апологетических позиций воспринималось консервативной прессой, так как речь прямо заходила о защите идеалов панславизма в условиях так называемой тевтонской угрозы, нависшей над славянским миром. Сложившаяся в Сербии обстановка давала формальное право, как считали российские военные теоретики и приближенные императора, использовать это слабое и беззащитное государство в качестве одного из форпостов Российской империи на Балканском полуострове, предназначенного для

отслеживания ситуации в регионе, а также для сдерживания экспансионистской активности Вены и Берлина.

Усилия крупного дипломата Эренталя, который в 1908-1909 гг. являлся главой внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии, были направлены на то, чтобы нейтрализовать российское влияние в Сербии, и эта проблема зафиксирована в воспоминаниях С.Д. Сазонова: «Тогда впервые с несомненной ясностью обнаружилась балканская политика Эренталя, направленная на полное подчинение Сербии австрийскому влиянию наперекор букве и духу международных актов и законным интересам России на Балканах...»³⁴⁵.

Рассматривая совокупное мнение российских дипломатов о кайзеровской Германии, её внутренней и внешней политике, уровне развития германской социально-экономической сферы, а также прессы и печати, необходимо уделить внимание депеше российского чрезвычайного и полномочного посла в Берлине Николая Дмитриевича Остен-Сакена. В ней изложены заявления немецкой газеты «Гамбургские известия» по так называемому вопросу примиримости англо-германских отношений, который был открыт 2 (15) ноября 1907 г., т. е. после подписания 31 августа 1907 г. англо-русского соглашения по разделу сфер колониального влияния в Персии, Афганистане и Тибете³⁴⁶.

Н.Д. Остен-Сакен принадлежал к знатной остзейской дворянской фамилии, был хорошо подготовленным дипломатом, поэтому Николай II в 1895 г. поручил ему возглавить российскую миссию в Берлине. Эти должностные обязательства он успешно исполнял вплоть до 1912 г., информируя царя о малейших коррективах, вносившихся в официальный политический курс Германии, которые были как позитивными, так и негативными для России. Предоставляя сведения об особенностях эволюции

³⁴⁵ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 11-12.

³⁴⁶ Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914-1918 гг. М.: «Госполитиздат», 1940.

внешнеполитической доктрины германского кайзера и его ближайшего окружения, Н.Д. Остен-Сакен принимал участие в разработке политики России по отношению к соседней Германии, которая должна была соответствовать реальному состоянию российско-германских отношений и предполагать приемлемые для обеих стран условия их урегулирования.

Депеша графа Остен-Сакена даёт нам ценные сведения о характерных особенностях антианглийской направленности немецкой газеты «Гамбургские известия», которые, объективно говоря, не были к тому времени выгодны России: «...По поводу известного заявления, сделанного в Англии германским статс-секретарем по иностранным делам корреспонденту агентства Рейтера о надежде фон Шена на восстановление между Германией и Англией тех же добрых отношений, какие существовали между ними в старые годы, отличающаяся своей непримиримостью к Англии газета «Гамбургские известия» делает интересное сопоставление между этим заявлением и мнением князя Бисмарка об англо-германских отношениях...»³⁴⁷.

Отто фон Бисмарк, будучи в отставке, выдвинул в 1896 г. известную политическую мысль, помещенную на страницы газеты «Гамбургские известия», гласившую, что Англия всегда и во всем, используя любую возможность, становилась поперек пути германским жизненным интересам, применяя свои торгово-экономические, военно-морские и дипломатические преимущества³⁴⁸.

Большая враждебность указанной германской газеты к Англии могла напрямую затронуть и интересы России, которая была формальной союзницей Великобритании и которая, в частности, была заинтересована в сохранении существовавшего на тот момент относительно благоприятного баланса сил в Европе. В стратегическом отношении российскому руководству необходимо было доказать английским и немецким правящим

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

³⁴⁸ Там же. Л. 2.

кругам, что Россия, несмотря на её приверженность собственным национальным интересам, не собиралась искать уязвимые места в их внешнеполитической деятельности и дипломатии для того, чтобы диктовать им жесткие политические условия и выдвигать требования по изменению положения дел в Европе исключительно в свою пользу. В 1907 г. Николай II и его сподвижники не задавались целью вести дело к одностороннему ухудшению отношений с Вильгельмом II, с которым у него продолжались личные встречи, призванные демонстративно подтверждать самые лучшие намерения обеих сторон³⁴⁹.

Заслуживает внимания депеша графа Н.Д. Остен-Сакена, которая касалась проблемы раздувания германской печатью слуха о якобы предстоявшем захвате Персии Россией и Англией, получившего широкое распространение среди немецких обывателей. Рассматриваемая депеша была представлена Н.Д. Остен-Сакеном 15 (28) октября 1910 г. За три года, прошедшие с подписания в 1907 г. соглашения между Великобританией и Россией по разделу сфер влияния на Среднем Востоке, российские и английские позиции в Персии значительно укрепились, что никак не входило в планы кайзеровской Германии³⁵⁰. Стоит также обязательно учитывать, что интересы Англии и России в регионе явно противоречили друг другу, о чем, в частности, ясно свидетельствует статья Е.Ю. Сергеева: «В отличие от англо-французского альянса, который основывался на взаимных гарантиях безопасности, соглашение между Россией и Великобританией не предусматривало принятия сторонами каких-либо обязательств и не ограничивало, таким образом, свободу действий»³⁵¹.

³⁴⁹ Зубов В.В. Истоки и традиции российско-германских отношений X-XX веков. М.: «Налоговый вестник», 2002.

³⁵⁰ Петряев К.Д. Курс лекций по истории Франции, Германии, Англии и США. 1871-1914. Одесса, 1956.

³⁵¹ Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 г. Новые аспекты. // Новая и Новейшая история. 2007. № 5. С. 64.

Наиболее либеральная часть российского руководства и дипломатического корпуса не видела в колониальном сговоре с англичанами никакой реальной опасности, но Н.Д. Остен-Сакен с помощью своей депеши предупреждает, что демонстрация германским средствам массовой информации лояльности английскому присутствию в регионе не отвечает интересам России: «...Персидский вопрос всецело завладел вниманием немецкого общества, и, несмотря на все противные заверения, - пишет Н.Д.Остен-Сакен, - здешняя печать продолжает упорно раздувать слух о предстоящем, будто бы разделе и захвате Персии Россией и Англией. В большинстве посвященных этому предмету статей германской прессы звучит какая-то злобная нотка и желание разжечь страсти читателей и возбудить в них представление о грозящей немецким интересам в Персии опасности...»³⁵².

Н.Д. Остен-Сакен исходил из того, что пресса и печать играют огромную роль в формировании общественного мнения, и, как показало дальнейшее развитие событий, связанное с осложнениями в русско-германских отношениях, эта целенаправленная и продуманная пропаганда оказалась довольно эффективной³⁵³. Германская пресса успешно подготавливала почву для роста русофобских настроений у немцев, которые должны были считать Россию враждебной военной державой, угрожающей жизненным потребностям и интересам Германии.

Н.Д. Остен-Сакен приводил в обозначенной депеше мнение Пауля Рорбаха, известного немецкого историка и публициста, который занимал последовательную антирусскую позицию, одновременно разрабатывая теоретическое обоснование попыткам германского милитаризма любой ценой устранить мнимую и действительную угрозу со стороны России: «Утратив, по-видимому, уже всякую надежду на доведение Багдадской магистрали до Персидского залива ввиду того, что последний участок от

³⁵² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

³⁵³ Там же. Л. 1-2.

Басры все-таки находится в руках англичан, серьезные публицисты, как доктор Рорбах, высказываются в пользу необходимости соглашения по сему вопросу с Англией...»³⁵⁴. Информация, содержащаяся в депеше русского посланника в Берлине Н.Д. Остен-Сакена, даёт основание полагать, что доктор Пауль Рорбах имел возможность отстаивать свою позицию убежденного русофоба, отрицая предполагаемое ведение серьезных переговоров, рассчитанных на ускорение темпов строительства дорогостоящей и обременительной для германской экономики Багдадской железной дороги, с полномочными представителями Российской империи, от которой он не намерен был ожидать дружественных по отношению к кайзеру и его ближайшему окружению внешнеполитических действий.

Кайзер, генералитет и представители крупной буржуазии были серьёзно обеспокоены тем, что германские колониальные владения и по территории, и по населению значительно уступали английским и французским. Это обстоятельство вызывало стремление к активизации колониальной экспансии, что не соответствовало реальным военно-политическим, дипломатическим и экономическим возможностям Германии, которая не могла надеяться ни на понимание, ни на поддержку старых колониальных держав³⁵⁵.

Сам Вильгельм II действовал, очевидно, заручившись дипломатической поддержкой младотурецкого правительства, что подтверждается прошедшей в 1910 г. манифестацией этнической группы персов в Стамбуле, которые выражали горячее сочувствие «благородному порыву» Германии, публично изъявившей готовность взять всех мусульман под свою защиту³⁵⁶. Николаю II необходимо было учитывать такой фактор, как наличие у его соперника идеологического оружия, которое успешно применялось для достижения

³⁵⁴ Там же. Л. 1.

³⁵⁵ Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. С. 68.

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-2.

различных целей в ходе большой политической и дипломатической игры. Эти цели весьма часто ставили под вопрос престиж Российской империи³⁵⁷.

Вильгельм II сделал ставку на возмущение персидских патриотов, и ему удалось настроить их против русских и англичан, которые регулярно вмешивались во внутренние дела Персии. Германские интересы в Персии были серьезно ущемлены, в первую очередь, потому, что немецкая компания не успела к 1910 г. завершить работы по строительству Багдадской железной дороги, которая должна была быть проложена через значительную часть территории этой страны, где власть шаха являлась лишь номинальной³⁵⁸.

Чтобы иметь объективное представление о германских стратегических интересах в Египте, который с 1882 г. фактически являлся английским владением, а также определить степень их воздействия на принимавшиеся российским руководством решения в отношении Германии, нужно проанализировать донесения генерального консула в Каире Смирнова Алексея Александровича о деятельности германского агента в Египте барона Макса Оппенгейма от 16 июля 1906 г. за № 32. Данные донесения, адресованные главе внешнеполитического ведомства А.П. Извольскому, стороннику, как было указано выше, проанглийской направленности российской политики, свидетельствуют об обеспокоенности А.А. Смирнова активизацией германских спецслужб в этой стране, которая была стратегически не менее значимой, чем богатая нефтяными ресурсами Персия. Генеральный консул Смирнов писал из Каира 16 июля 1906 г.: «Вероятно, вследствие забастовок в Русском Обществе Пароходства и Торговли, я лишь теперь, около 10 июля, имел честь получить секретное письмо Вашего Превосходительства от 12 мая сего года. В донесениях моих я, со своей стороны, также счел долгом привлечь внимание Императорского министерства на личность и на деятельность барона Макса Оппенгейма, о

³⁵⁷ Лещинский Л.М. Банкротство военной идеологии германских империалистов. М.: Военное изд-во, 1951. С. 64.

³⁵⁸ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

котором говорит граф Бенкендорф в письме своем от 30 апреля сего года...»³⁵⁹. Уже в самом начале документа речь идет о том, что российская внешняя торговля имеет свои интересы в водах Красного и Средиземного морей, при этом А.А. Смирнов дает понять, что на пути России стояла кайзеровская Германия, которая не собиралась идти на какие-либо серьезные уступки. Далее генеральный консул продолжает мысль о наличии германской агентурной сети в Каире: «...Представляя графу В.Н.Ламздорфу сведения о брожении среди мусульман 27 апреля сего года за № 20, я позволил себе заметить в заключении, что все мельчайшие подробности этого брожения всегда в точности бывают известны Оппенгейму и что большинство моих коллег подозревают, будто он ведет агитаторскую деятельность среди мусульман, получая на это средства из Германского Правительства, хотя я и не могу представить положительных данных, которые подтвердили бы это обвинение...»³⁶⁰.

Автор документа, как он сам признается, не имеет прямых доказательств подрывной работы германского агента Макса Оппенгейма, однако у него есть в наличии её косвенные подтверждения. Для Смирнова, который был профессионалом в дипломатическом искусстве и знал особенности дипломатического языка, официально заявленные гарантии и заверения со стороны германского руководства не означали обязательного выполнения соответствующих обязательств. Оппенгейм, по мнению генерального консула в Каире А.А. Смирнова и предшественника А.П. Извольского на посту министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, действительно получал секретные задания из Берлина с целью дестабилизации политической и дипломатической обстановки в Египте.

Нужно отметить, что нет оснований рассматривать организацию предположительно немецкой агентурой брожения среди мусульман в указанных хронологических рамках как особенно сложную и

³⁵⁹ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

³⁶⁰ Там же. Л. 1-2.

трудновыполнимую задачу: уже в начале XX в. всё отчетливей стали заявлять о себе такие явления религиозного, социального и националистического характера, как панисламизм и панарабизм. Они были весьма опасны для Российской и Британской империй, а также для колониальной империи Франции, но кайзеровская Германия, не выдвигавшая территориальных претензий к арабам, сумела воспользоваться этими тенденциями в своих интересах. Лидеры арабского освободительного движения видели в немцах возможных союзников в борьбе за обретение национальной независимости. Российское руководство, а также высший офицерский состав были обеспокоены мусульманским пробуждением и видели в нем большую угрозу интересам крупного капитала, будучи осведомленными об активности германской военщины и торгово-экономических кругов в этом направлении, которые не жалели сил и средств ради достижения своих целей³⁶¹.

А.А. Смирнов также доносил, что «англичане относятся к барону Оппенгейму весьма подозрительно и всё сказанное в письме посла нашего в Лондоне является отголоском лорда Кромера, не стесняющегося его выражать, чуть речь зайдет о смутах среди мусульман и положение здесь барона представляется действительно странным и загадочным...»³⁶². Представители британского правительства и внешнеполитического ведомства, зная об имперских притязаниях Германии, находили возможным уведомлять российских дипломатов о своих опасениях по этому поводу. Смирнов не берет на себя такую серьезную ответственность, как резкие высказывания против деятельности германской агентуры в Каире, о представителе которой, Максе Оппенгейме, идет речь в анализируемом нами документе, поэтому он пишет довольно осторожно, используя язык дипломатии: «В мусульманской среде барон пользуется известностью.

³⁶¹ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Творчество науч. изд. КМК, 2012.

³⁶² ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

Трудно определить, что в этой деятельности интересует барона лично, как ориенталиста, и что делает он как советник германского дипломатического агентства. Невозможно также проверить, какие работы и поездки предпринимает он за свой личный счёт и на каких основаниях получает субсидии из Берлина...»³⁶³.

Барон Макс Оппенгейм, будучи признанным учёным-ориенталистом, потенциально мог выполнять те поручения германского правительства, которые касались сбора информации об уровне духовного и культурного развития Египта, о демографических проблемах, имевших место в данном регионе, а также о степени реального влияния английского военного и экономического присутствия на общественное мнение арабского населения, призванного свести к минимуму проявления национального самосознания арабов. Это специфическое направление деятельности Оппенгейма было востребовано правящей элитой Германии, которая тоже имела колониальные интересы в арабском мире.

Опираясь на донесения генерального консула А.А. Смирнова как на важный источник, следует помнить, что они являлись средством предупреждения российских правящих кругов о потенциальных масштабах активности Германии в Египте и во всем мусульманском мире, а не подходящей основой для выстраивания целенаправленной герmanoфобской политической линии, которая не рассматривалась в качестве стратегической задачи. Для российского внешнеполитического ведомства содержание донесений подобного назначения носило одновременно вспомогательную и упреждающую функции: при выработке наиболее оптимального характера и тона взаимоотношений с Германской империей требовалось располагать необходимым минимумом достоверной информации о германской внешнеполитической доктрине, которая не была ориентирована на компромиссы и соглашения с Россией, когда речь заходила о жизненно

³⁶³ Там же.

важном для Германии вопросе беспрепятственного доступа к сырьевым ресурсам.

В руководстве России из-за немецких претензий на влияние во всех точках земного шара было подорвано единство по вопросу сохранения дружеских отношений с Германией, которая не выполняла взятых на себя политических обязательств по обеспечению стабильности в вышеуказанном регионе³⁶⁴.

На основании проанализированного выше архивного материала следует сформулировать ряд выводов и положений. Во-первых, военные стратеги в России обладали достаточным уровнем профессионализма, чтобы дать объективную характеристику процессу милитаризации кайзеровской Германии во всех его проявлениях, поэтому российское руководство было осведомлено об активном развитии германской военной сферы, предпринимая необходимые действия для сдерживания потенциальной угрозы немецкого вторжения. Во-вторых, российской военной элите необходимо было принимать во внимание наличие у Германии более совершенной инфраструктуры, материально-технической базы и высоких темпов экономического роста. В-третьих, на оценку российским руководством политической ситуации в Германской империи в указанный исторический период влияла финансовая верхушка государств, с которыми Россия находилась в союзных отношениях, и, в первую очередь, здесь речь идёт о Франции, которая была основным центром сосредоточения финансовых ресурсов и являлась главным кредитором Российской империи, что было предусмотрено серией договоров, подписанных в 1891-1893 гг. В-четвёртых, решающую роль в формировании негативного образа Германии в российской элите играли министры иностранных дел, дипломаты и представители высшего офицерства. Российское руководство опиралось на

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.

донесения указанных должностных лиц при выработке политического курса в отношении Германии.

Приведенные выше факты также свидетельствуют о том, что часть российской политической элиты, которая придерживалась консервативных взглядов, в преддверии Первой мировой войны считала необходимым продолжить поиск путей к нормализации отношений с Германией. Несмотря на общее ухудшение русско-германских взаимоотношений, у правящих кругов России и Германии сохранялась возможность действовать совместно в случае возникновения угрозы незыблемости монархии.

Заключение

На основании изученного и проанализированного материала следует сформулировать ряд важных выводов и положений, которые прямо и косвенно касаются отдельных аспектов огромного по своей широте и противоречивости германского вопроса, которому российское руководство на рубеже XIX-XX вв., исходя из государственных интересов, вынуждено было уделять повышенное внимание. Это было обусловлено тем, что не только стабильность проводимой Россией внутренней политики, но и особенности проявления её внешнеполитической и дипломатической доктрины находились в прямой зависимости от прочности отношений с соседней Германией.

Принципиальное значение стоит придать тому положению, что политика России в отношении Германии имела организованный и целенаправленный характер, являясь обособленной сферой применения государственной власти. Что касается общих выводов по диссертации, то следует обозначить те моменты, которые в сжатом виде могут дать объективное представление о месте и роли германского фактора в политической жизни России. Важно отметить, что политическое развитие кайзеровской Германии на рубеже XIX-XX вв. являлось предметом повышенного интереса со стороны российской власти.

Личные связи императоров Вильгельма II и Николая II, хотя они постепенно теряли свою прежнюю прочность, продолжали оказывать прямое воздействие как на внешнюю, так и на внутреннюю политику обеих монархий.

Российское руководство было достаточно осведомлено об активном развитии военного дела в Германской империи, предпринимая необходимые действия для сдерживания потенциальной угрозы немецкого вооружённого вторжения. Оно также было заинтересовано в получении достоверной информации о маневрах усиливавшегося германского военно-морского

флота, которые регулярно проводились в Балтийском море. Ситуация требовала наблюдения и анализа со стороны офицеров Главного морского штаба. Значительная часть высшего офицерского состава в России обладала достаточным профессионализмом, чтобы объективно дать характеристику процессу милитаризации кайзеровской Германии во всех его проявлениях. Бурное развитие германского военно-морского потенциала представляло для Российской империи фактор постоянной напряжённости на западной границе, особенно при проведении немцами регулярных маневров. Стоит принять во внимание то обстоятельство, что российской военной элите необходимо было принимать во внимание наличие у Германии более совершенной инфраструктуры, материально-технической базы и высоких темпов экономического роста.

Торгово-экономическое взаимодействие с Германией определяло характер принимаемых решений в отношении этой страны. Экономические успехи России и Германии открывали возможности для взаимовыгодного сотрудничества, а также способствовали росту подозрительности в отношении политических намерений каждой из держав. Сложность германского вопроса, в котором переплетались позитивные и негативные тенденции, обусловлена многими факторами. Во-первых, в России было известно о темпах экономического роста, наблюдавшегося в кайзеровской Германии в конце XIX – начале XX вв. Во-вторых, российское руководство получало достоверную информацию о высоких количественных и качественных показателях, которые демонстрировала германская экономика, а также имело представление об отдельных отраслях лёгкой и тяжелой промышленности Германии, о нововведениях немцев в аграрном секторе. В-третьих, вопросы внешней торговли в обязательном порядке означали для России существование германского фактора, так как Германия была не только традиционным экономическим партнером, но и сильным конкурентом, причем это касалось российского внутреннего рынка, где германские товары пользовались большим спросом. В-четвертых, российская

экономическая система не могла обойтись без германских промышленных изделий и обработанного сырья, но одновременно с этим она остро нуждалась в кредитах, предоставляемых французским финансовым капиталом, поэтому представители верховной власти вынуждены были улаживать часто возникавшие дипломатические конфликты с Францией и с Германией. В-пятых, особенности рассмотрения и решения германского вопроса в России были обусловлены состоянием русско-германских торгово-экономических связей, при этом представители российского руководства, вне зависимости от ранга и занимаемой ими позиции по германскому вопросу, признавали важность сохранения взаимовыгодных экономических контактов между обеими державами.

На оценку российским руководством политической ситуации в Германской империи в указанный исторический период влияли финансовые и экономические круги государств, с которыми Россия находилась в союзных отношениях, и, в первую очередь, здесь речь идёт о республиканской Франции, которая была центром сосредоточения финансовых ресурсов и являлась главным кредитором Российской империи, что подтверждалось серией договоров, подписанных в 1891-1893 гг.

Борьба с либеральными и демократическими идеями, имевшая место в кайзеровской Германии в обозначенный период, находила поддержку в лице российского руководства и привилегированной элиты, которые опасались свободных демократических выборов и возможности построения гражданского общества, поэтому для решения этих проблем требовалось сохранить монархическую солидарность с германскими антидемократическими силами. Возможность совместных действий России и Германии при возникновении угрозы основам монархического строя все же сохранялась.

Германские колониальные устремления в регионе Ближнего и Среднего и Востока, а также в Тихом океане, которые активизировались в первое десятилетие XX в. и проявлялись в настойчивых попытках кайзеровской

Германии принять наряду с остальными державами равноправное, по мнению её руководства, участие в разделе сфер влияния в Турции, Персии и Китае, вступали в конфронтацию с российскими интересами, что отражено в донесениях русских военных агентов, чрезвычайных посланников и полномочных представителей, выполнявших правительственные поручения на территории указанных государств.

Обострение внутривнутриполитической ситуации в Германии, обусловленное активизацией деятельности социал-демократической партии, представляло для стабильности российского монархического режима потенциальную угрозу, так как революционное движение в России стремилось к заимствованию идеологической базы и опыта политической борьбы у теоретиков германской социал-демократии.

Миграционные процессы, связанные с пересечением российско-германской границы сельским трудоспособным населением с целью поиска необходимых средств к существованию, которое имело сезонный характер, представляли интерес для министерства финансов России. Их рассмотрению также были посвящены протоколы русско-германской конференции по уточнению отдельных статей русско-германского торгового договора 1894 г. и переписка с российским посольством в Берлине и министерством финансов по тем же вопросам. С.Ю. Витте, будучи представителем политической элиты, выражал обеспокоенность по поводу некоторых распоряжений министра внутренних дел Пруссии, направленных на ограничение въезда на территорию Германии тружеников из западных губерний России.

Открытая германофобия в России вплоть до начала Первой мировой войны не проявлялась. Политико-управленческая элита функционировала с учетом военной, экономической и дипломатической обстановки, чтобы минимизировать негативные явления и согласовывать решение столь противоречивого германского вопроса с российскими национальными интересами.

Список источников и литературы

Источники

Опубликованные:

1. Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М.: Госиздат, 1925. – 133 с.
2. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: «Международные отношения», 1991. – 344 с.
3. Бюлов Б. Воспоминания. М. - Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1935. – 565 с.
4. Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Берлин: Изд-во «Слово», 1922. Т. 2. – 571 с.
5. Гинденбург П. Из моей жизни. М.: Principium, 2013. – 334 с.
6. Гогенлоэ Х. Мемуары. / Под ред. приват-доцента В. Фриче. М.: «Буря», 1907. – 255 с.
7. Государственный Совет Российской империи. 1906-1917: энциклопедия. / Институт общественной мысли, Фонд изучения наследия П.А.Столыпина, Российский государственный исторический архив (РГИА); отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: «РОССПЭН», 2008. – 343 с.
8. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. / В.И. Гурко, Н.П. Соколов. М.: «Новое литературное обозрение», 2000. – 810 с.
9. Дурново П.Н. Записка. СПб., 1914. – 30 с.
10. Залесский К.А. Военная элита Германии, 1870-1945: энциклопедический справочник. М.: «Вече», 2011. – 558 с.
11. Извольский А.П. Воспоминания. Пг. - М.: Изд-во «Петроград», 1924. – 192 с.
12. Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения. / Редкол.: М.П. Мчедлов и др. М.: Политиздат, 1982. – 495 с.

13. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: «Республика», 1993. – 384 с.
14. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Изд. политической литературы, 1967. – 810 с.
15. Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919 гг. Париж: Изд-во журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. Т. 1. – 505 с.
16. Колониализм // Большая российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2009. Т. 14. – 751 с.
17. Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. / Сост. И.С. Рыбачёнок. М.: ИРИ РАН, 2004. – 496 с.
18. Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / [вступ. статья О.Р. Айрапетова]. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. – 452 с.
19. Ламздорф В.Н. Дневник. 1891-1892. / Под ред. и с предисл. Ф.А.Ротштейна. М. - Л.: Academia, 1934. – 408 с.
20. Ламздорф В.Н. Дневник. 1894-1896. / Под ред. и с предисл. В.И.Бовыкина. М.: «Международные отношения», 1991. – 453 с.
21. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений. Пг.: «Парус», 1917. Т. 27. С. 299-426.
22. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб.: «Нестор-История», 2008. – 540 с.
23. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914-1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 351 с.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. Т. 15. – 728 с.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937. Т. 16. Ч. 1. – 559 с.

26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. Т. 16. Ч. 2. – 541 с.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962. Т. 22. – 804 с.
28. Международные отношения в эпоху империализма. 1878-1917.: Серия 2. Т. 20. Ч. 1. М. - Л.: Государственное изд-во политической литературы, 1939. – 481 с.
29. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). / Под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. Т. 1-2. – 835 с.
30. Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900-1916. М.: Центрполиграф, 2006. - 250 с.
31. Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. (Сборник). Киев: «Княгиня Ольга», 2005. – 676 с.
32. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М.: «Проспект», 2012. – 592 с.
33. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. / Пер. с франц. и предисл. В.Г. Сироткина. М.: «Международные отношения», 1991. – 236 с.
34. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 гг. М.-Пг.: Госиздат, 1923. – 212 с.
35. Поляки и евреи: Материалы о польско-еврейском споре по поводу законопроекта о городском самоуправлении в Польше. Из статей и заявлений Грабского, Р. Дмовского, Н. Дубровского, В. Жаботинского, И.Петрункевича и А. Свентоховского. Одесса: Книгоизд. М.С. Козмана, 1911. – 72 с.
36. Проповедь германского императора на борту яхты «Гогенцоллерн». Вильна: Типография И. Блюмовича, 1900. – 8 с.
37. Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 325 с.

38. Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: «Харвест», 2002. – 368 с.
39. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1952. – 463 с.
40. Шацилло В.К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 480 с.
41. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802 -1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. – 830 с.
42. Archiv für Sozialgeschichte. Jahrbuch der Friedrich-Ebert-Stiftung. Hannover: Verlag für Literatur und Zeitgeschehen, 1967. – 629 S.
43. Drang nach Osten. Из секретной докладной записки Германского генерального штаба // Родина. 1993. № 8. С. 14-15.
44. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des auswärtigen Amtes. Im Auftrage des auswärtigen Amtes. / hrsg. von Johannes Lepsius, Albrecht Mendelsson Bartholdy, Friedrich Thimme. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. – 610 S.
45. Geschichte der revolutionären Berliner Arbeiterbewegung. Von den Anfängen bis 1917. Berlin: Dietz Verlag, 1987. B. 1. – 653 S.
46. Liebknecht Wilhelm. Gegen Militarismus und Eroberungskrieg. Aus Schriften und Reden. Berlin: Dietz Verlag, 1986. – 283 S.
47. Quellen zur deutschen Aussenpolitik im Zeitalter des Imperialismus. 1890-1911. / hrsg. von Michael Behnen. Darmstadt, 1977. – 359 S.
48. Revolutionäres Parteiprogramm – Revolutionäre Arbeitereinheit. Studien zum Kampf um die Vereinigung des Marxismus mit der Arbeiterbewegung. Berlin: Dietz Verlag, 1975. – 623 S.
49. Tirpitz A. v. Erinnerungen. Leipzig: Koehler, 1919. – 526 S.

Неопубликованные:

50. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 559. Извольский А.П.
51. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 568. Ламздорф В.Н.
52. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 596. Таубе М.А.
53. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 597. Татищев С.С.
54. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 601. Николай II.
55. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 681. Великий князь Алексей Александрович.
56. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 730. Игнатъев Н.П.
57. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 892. Гирс А.А.
58. Государственный архив Российской Федерации
Фонд 1001. Мосолов А.А.
59. Российский государственный архив социально-политической истории
Фонд 1. Коллекция документов К. Маркса (1818-1883) и Ф. Энгельса
(1820-1895)
60. Российский государственный архив социально-политической истории
Фонд 458. Коллекция документов по политической и социальной
истории Германии, Франции, Италии, Венгрии, Швейцарии, Англии и
других стран Западной Европы XVII-XX вв. (1617-1973 гг.)
61. Российский государственный военно-исторический архив
Фонд 165. Куропаткин А.Н.
62. Российский государственный военно-исторический архив

Фонд 830. Совет государственной обороны

63. Российский государственный военно-исторический архив
Фонд 970. Военно-походная канцелярия Его Императорского Величества при Императорской главной квартире (1826-1917 гг.)
64. Российский государственный военно-исторический архив
Фонд 2000. Главное управление Генерального Штаба (1905-1917 гг.)

Литература

1. Авдеев В.А. А.П. Извольский – глава внешнеполитического ведомства России (1906-1910 гг.): диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2006. – 236 с.
2. Аветян А.С. Германский империализм на Ближнем и Среднем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М.: «Международные отношения», 1966. – 152 с.
3. Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910-1914 гг. М.: «Наука», 1985. – 287 с.
4. Аврех А.Я. Документы Департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы Первой мировой войны. // История СССР. 1987. № 6. С. 32-49.
5. Айзин Б.А. Ежегодник германской истории. / [АН СССР, Институт всеобщей истории, Комиссия историков СССР и ГДР]; Отв. ред. Б.А. Айзин. М.: «Наука», 1986. – 278 с.
6. Айзин Б.А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903-1906 гг.). М.: АН СССР, 1954. – 393 с.
7. Айрапетов О.Р. В.А. Сухомлинов и М.В. Алексеев: эпизод предвоенного сотрудничества. / О.Р. Айрапетов. // Петр Андреевич Зайончковский: сборник статей и воспоминаний к столетию историка. / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический

- факультет; [сост. Л.Г. Захарова и др.]. М.: «РОССПЭН», 2008. С. 728-751.
8. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М.: Изд-во «Европа», 2006. – 672 с.
 9. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907 - 1917). М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. – 256 с.
 10. Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830 - 1904). / О.Р. Айрапетов; Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. СПб.: «Алетейя», 1998. – 314 с.
 11. Айрапетов О.Р. Развитие концепций использования и управления тяжелой артиллерией и гонка вооружений в конце XIX – начале XX века // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. № 1. С. 18-55.
 12. Айрапетов О.Р. Последняя война императорской России: Сб. ст. / Под ред. О.Р. Айрапетова; [Пер. с англ. О.Р. Айрапетова, с серб. Л.В. Кузьмичевой]. М.: «Три квадрата», 2002. – 267 с.
 13. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М.: Изд. дом КДУ, 2014. – 335 с.
 14. Алекторов А.Е. Иностранцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. / С предисловием и добавлением А.С. Будиловича. СПб.: Общество ревнителей русского ист. просвещения в память императора Александра III на средства фонда им. графа П.С. Строганова и И.П. Хрущева, 1906. – 134 с.
 15. Ананьич Б.В. Сергей Юльевич Витте и его время. / Б.В. Ананьич, Р.Ш.Ганелин; Российская академия наук. Институт российской истории. Санкт-Петерб. филиал. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 429 с.
 16. Ананьич Б.В. Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX

- начало XX вв. / Отв. ред.: Б.В. Ананьич, Д. Дальманн, Ю.А. Петров. М.: «РОССПЭН», 2010. – 549 с.
17. Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2000. – 332 с.
 18. Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения в 1905-1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Московского университета, 1972. – 305 с.
 19. Аюпов Р.С., Федько Р.А. Первая мировая война: некоторые дискуссионные вопросы // Вестник ВЭГУ. 2014. № 2 (70). С. 110-114.
 20. Баах С.В. Немецкий вопрос в Государственной Думе (1906-1917 гг.): автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07. 00. 02. Омск, 2002. – 23 с.
 21. Бай Ж. Мировой германский вопрос. / Барон де Бай. М.: Рус. архив, 1915. – 37 с.
 22. Баринова Е.П. Дворянские собрания и Первая Государственная Дума. // Государственная Дума Российской империи: традиции прошлого и настоящего: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. / [Отв. ред. В.Ю. Карнишин, Н.Г. Карнишина]. Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета (ПГУ), 2006. С. 28-33.
 23. Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: «РОССПЭН», 2008. – 350 с.
 24. Белов В.Б. Хозяйственно-политическая роль Германии в Евросоюзе // ИЕ РАН. 2019. № 4. С. 93-113.
 25. Беляев С.Г. Русское предпринимательство в Китае в конце XIX – начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. № 1. С. 170-183.
 26. Белякова З.И. Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. СПб.: Logos, 2002. – 329 с.

27. Бестужев-Лада И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики (1906-1910). М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 406 с.
28. Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в.– 1917 г. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1960. – 215 с.
29. Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: «РОССПЭН», 2001. – 318 с.
30. Болдырев А.В. Россия, Турция и проблема Черноморских проливов в 1898-1908 гг. // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2010. № 5. С. 389-404.
31. Бондаревский Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. (1888-1903). Ташкент: Госиздат УзССР, 1955. – 319 с.
32. Боровков Д.А. Император Вильгельм II Гогенцоллерн: штрихи к портрету монарха // Исторический журнал. 2010. № 10. С. 40-55.
33. Борозняк А.И. Германия и Россия в XX веке. Страницы истории: [сборник статей]. Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета (ЛГПУ), 2009. – 274 с.
34. Боханов А.Н. Александра Федоровна. С любовью за царя. М.: «Вече», 2013. – 320 с.
35. Боханов А.Н. Император Николай II. М.: «Русское слово», 2009. – 268 с.
36. Букалова С.В. Фактор национализма в происхождении Первой мировой войны // Изд-во «Грамота». 2013. № 8 (34). Ч. 2. С. 27-29.
37. Буталий С.В. Германия и Юго-Западная Африка: межцивилизационный контакт и его результаты: 1870-е гг. – 1915 г.: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 03. / [Место защиты: Кубанский государственный университет]. Краснодар, 2010. – 256 с.
38. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М.: «РОССПЭН», 2002. – 336 с.
39. Василенко С.А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX века: имущественное положение и общественная деятельность:

диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / СПб., 2007. – 214 с.

40. Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. - пролог Первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1964. – 160 с.
41. Винокуров В.И. История военной дипломатии. Т. 1. Военная дипломатия от Петра I до Первой мировой войны. М.: НИЦ «Инженер», 2009. – 392 с.
42. Власов Н.А. Имперский военный закон 1874 года и германская армия // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 67-71.
43. Волков Д.В. Таможенное дело в России XIX века: опыт таможенно-тарифного регулирования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 22. № 53. С. 67-71.
44. Гаврилов К.В. С.Ю. Витте и общественное мнение о его государственной деятельности: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2009. – 236 с.
45. Гаврилов С.Л. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710-1918. М.: «ЛитРес», 2011. – 311 с.
46. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб.: «Наука», 1991. – 221 с.
47. Гатальская Е.А. Россия и Германия: опыт межкультурного взаимодействия в первой трети XX века: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07. 00. 03. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2006. – 29 с.
48. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Государственное изд-во, 1922. – 460 с.
49. Гобсон Дж. Империализм. Л.: «Прибой», 1927. – 287 с.
50. Голубев С.А. Российский бизнес в начале XX века: политические настроения и экономические ожидания. // Российская

государственность: история и современность: Сборник научных статей. / [Отв. ред. Р.Г. Пихоя]. М.: Российская академия естественных наук (РАЕН), 2007. С. 329-350.

51. Голубев С.А. Российские предприниматели в Государственной Думе (1906-1917 гг.): автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07. 00. 02. М.: Изд-во Российской академии государственной службы (РАГС), 2008. – 24 с.
52. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М.: «РОССПЭН», 1998. – 239 с.
53. Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия. М.: «Логос», 2009. – 376 с.
54. Гостенков А.В. Боснийский кризис // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 2. С. 91-104.
55. Гостенков А.В. Начало германской мировой политики. Оккупация Цзяочжоу // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 2. С. 163-177.
56. Давыденко В.А. Россия и Германия. Опыт трансформаций. / В.А. Давыденко, Н.И. Дряхлов, А. Ишикава, А. Зорге, К. Лоор; [отв. ред.: Н.И. Дряхлов]. Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. М.: «Наука», 2004. – 293 с.
57. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: «Слово», 1991. – 576 с.
58. Дементьев Г.Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг.: Тип. ред. период. изд. Министерства финансов, 1917. – 54 с.
59. Дённингхаус В. Московские немцы в зеркале дореволюционной статистики (1871-1917). // Немцы России и СССР: 1901-1941 гг.:

Материалы VI международной научной конф., 17-19 сент. 1999 г. М.: «Готика», 2000. С. 31-41.

60. Дживелегов А.К. История современной Германии. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908-1910. – 257 с.
61. Дирльмайер У., Гестрих А., Херманн У. и др. Краткая история Германии. СПб.: «Евразия», 2008. – 542 с.
62. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. Пер. с польского. СПб.: Н.П. Карбасников, 1909. – 292 с.
63. Дубинин А.Н., Романова Г.В. Государственная политика Германии в области образования как составной элемент милитаризации и усиления военной мощи страны на рубеже XIX и XX веков // Вестник Академии военных наук. 2006. № 3. С. 84-88.
64. Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX в. и Владимир Федорович Джунковский. М.: Объедин. ред. МВД России, 2012. – 319 с.
65. Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда. 4-6 февраля 1964 г. Л., 1964. С. 34-49.
66. Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века: диссертация доктора исторических наук: 07. 00. 09. / [Место защиты: Череповецкий государственный университет]. Череповец, 2010. – 879 с.
67. Ерешко Е.В. Симбиоз протекционизма и либеральных таможенно-тарифных мер в российской таможенной политике XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. №. 2. С. 100-105.
68. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. 2-е изд. доп. М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 604 с.

69. Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность [Текст]: (Исследования, публицистика). / АН СССР. Ин-т истории. М.: «Наука», 1964. – 664 с.
70. Ерусалимский А.С. Германский империализм и милитаризм [Текст]: Сборник статей. / АН СССР. Ин-т истории; [Ред. коллегия: д-р ист. наук А.С. Ерусалимский (отв. ред.) и др.]. М.: «Наука», 1965. – 362 с.
71. Ерусалимский А.С. Германская история в Новое и Новейшее время. М.: «Наука», 1970. Т. 1. – 392 с.
72. Ерусалимский А.С. Германский «кошмар коалиций». Л.: Госполитиздат, 1943. – 14 с.
73. Жарких Е.В. Германия и немцы глазами русских в конце XIX – начале XX веков: социально-экономические аспекты восприятия: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. Орёл, 2005. – 188 с.
74. Жарких Е.В. Формирование национальных образов Германии в русском обществе в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 86-89.
75. Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война. 1912-1913 гг. М.: «Наука», 1969. – 393 с.
76. Жуков Д.С., Лямин С.К. Живые модели ушедшего мира: фрактальная геометрия истории. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – 176 с.
77. Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. М.: Государственное военное изд-во, 1938. – 334 с.
78. Замятин Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. // Политические исследования (Полис) = Polis (Political Studies): Научный и культурно-просветительский журнал. 2001. № 6. С. 97-115.
79. Замятин Д.Н. Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. / Кол. авт. Московский институт развития образовательных систем; Сост.: Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: «РОССПЭН», 2003. – 715 с.

80. Звавич А.И. Обострение противоречий между империалистическими державами накануне Первой мировой войны. М.: Учпедгиз, 1962. – 144 с.
81. Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны (1900-1914 гг.): диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2004. – 231 с.
82. Зелев В.В. Борьба в правящих кругах Германии по вопросу о политике в отношении России в связи с изменением международной обстановки в Европе и русско-японской войной (март 1903 г – июль 1905 гг.). Омск: Изд-во Омского гуманитарного института (ОГИ), 2007. – 381 с.
83. Зелев В.В. Германия и Россия. Внешнеполитические итоги русско-японской войны. 1904-1905 гг. // Россия между Западом и Востоком: Сборник научных и методических работ. Омск: Изд-во Омского гуманитарного института, 2006. Вып. 4: Россия и мир в XX – начале XXI веков (1904-2005 гг.). Актуальные проблемы истории, политики, социальной жизни, экономики, управления, культуры и образования, права. / Отв. ред. В.В. Мезенцева. 2006. С. 29-32.
84. Земцов Б.Н. Самодержавие как национальный политический режим // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 301-305.
85. Зими́на В.Д. Революционная событийность в контексте политического дискурса России начала XX в. // Вестник РГГУ. 2008. № 1. С. 76-94.
86. Зимин И.В. Последняя российская императрица Александра Фёдоровна. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 112-120.
87. Зубачевский В.А. Политика России в Центральной Европе накануне и в годы Первой мировой войны (обзор историографии) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 373.

88. Зубов В.В. Истоки и традиции российско-германских отношений X-XX вв. М.: «Налоговый вестник», 2002. – 244 с.
89. Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914-1917) / Науч. ред. И.В. Алексеева. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2013. – 520 с.
90. Иванов А.И. Первая мировая война и российская художественная интеллигенция: современные проблемы изучения // Вестник ТГТУ. 2004. Т. 10. № 3. С. 860-868.
91. Иванов К.Е. Русско-германская таможенная война 1893-1894 гг.: причины экономической конфронтации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. №. 3. С. 48-51.
92. Игнатъев А.В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: «Наука», 1986. – 301 с.
93. Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907-1914. Тенденции. Люди. События // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 167-169.
94. Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3-25.
95. Из истории буржуазной дипломатии и межимпериалистического соперничества в конце XIX и первой половине XX века [Сб. статей. / Редкол.: С.С. Григорцевич (отв. ред.) и др.]. Томск: Изд-во Томского университета, 1985. – 193 с.
96. Ипатов А.М. Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 09. / [Место защиты: Воронежский государственный университет]. Воронеж, 2011. – 237 с.
97. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: «Международные отношения», 1997. – 680 с.

98. История дипломатии: дипломатия в Новое время (1872-1919 гг.). Т. 2. / Сост.: Минц И.И., Хвостов В.М.; под ред. В.П. Потемкина. М.-Л.: Госполитиздат, 1945. – 423 с.
99. Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. – 350 с.
100. Кайзер Вильгельм: Его личность и нравственный облик. СПб.: «Благо», 1914. – 16 с.
101. Карцов Ю.С. В чем заключаются внешние задачи России. (Теория внешней политики вообще и в применении к России). СПб.: типография «Санкт-Петербур. вед.», 1908. – 47 с.
102. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М.: «Мысль», 1987. – 460 с.
103. Кессельбреннер Г.Л. Известные дипломаты России: Министры иностранных дел Российской империи. / Г.Л. Кессельбреннер; отв. ред. [и авт. предисл.] А.В. Торкунов; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ. 2-е изд. М.: Московские учебники, 2007. – 415 с.
104. Киган Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2004. – 576 с.
105. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М.: «Вече», 2009. – 320 с.
106. Кожевин В.Л. Деятельность Союза офицеров армии и флота (май – август 1917 г.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 137-142.
107. Кокошкин Ф.Ф. Англия, Германия и судьбы Европы. М.: Ком. по увековечению памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева, 1918. – 33 с.
108. Комова Н.Б. Самодержавная власть в России в контексте современных государственно-правовых идей // История государства и права. 2012. № 8. С. 14-17.
109. Копычев Н.И. Таможенный тариф 1902 г. и русско-германские отношения // Ученые записки Псковского государственного педагогического института. 1964. Вып. 19. Общественные и исторические науки. С. 233-267.

110. Космач Г.А. Германия и германский вопрос в истории XX века: Сб. научных статей / Министерство образования Респ. Беларусь, Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка»; [редкол.: Г.А. Космач и др.]. Минск: БГПУ, 2010. – 167 с.
111. Кострикова Е.Г. Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны: 1908-1914 гг.: диссертация доктора исторических наук: 07. 00. 02. М.: ИРИ РАН, 2011. – 473 с.
112. Кострикова Е.Г. Русские политики, публицисты и общественные деятели о геополитических интересах России в начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М.: «Наука», 2007. С. 308-331.
113. Котов Б.С. Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны, 1912 – 1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 03. М.: ИВИ РАН, 2014. – 713 с.
114. Котов Б.С. Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX-XX вв. (На примере хлебной торговли). // Россия и современный мир. 2019. Россия вчера, сегодня, завтра. С. 14-31.
115. Кривенко С.Н. Император Вильгельм II и вопросы международной политики. СПб.: типография кн. В.П. Мещерского, 1890. – 49 с.
116. Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905-1943 гг.). М.: Университетский гуманитарный лицей, 1997. – 160 с.
117. Кузнецов А.И. Дипломатическая служба старой России: корпоративные ценности и политическая культура. // Дипломатический ежегодник / Министерство иностранных дел РФ, Дипломат. академия МИД России / Гл. ред. Ю.Е. Фокин. М.: «Научная книга», 2005. С. 391-416.
118. Кузнецов А.И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореферат

диссертации кандидата исторических наук: 07. 00. 15. М.: МГИМО – Университет, 2005. – 33 с.

119. Кузьмин А.В. С.Д. Сазонов во главе министерства иностранных дел России: 1910-1916 гг.: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07. 00. 02. СПб.: Копи-Р, 2006. – 28 с.
120. Куклина О.А. Буржуазия Москвы и Московского региона в начале XX века: социальный облик, предпринимательская и общественная деятельность: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07. 00. 02. М.: Изд-во Московского педагогического государственного университета, 2007. – 19 с.
121. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань: «НРИИД», 2004. – 472 с.
122. Куликов С.В. Российские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // Немцы в государственности России: [сборник] / Ред. – сост. Н.И. Иванова. СПб., 2004. С. 57-82.
123. Куликов С.В. Социальная эволюция бюрократической элиты Российской империи в начале XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2012. № 1. С. 29-34.
124. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1912-х гг. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – 530 с.
125. Купцова И.В. Образ Германии в сознании российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны. // Клио: Журнал для ученых. 2012. № 5. С. 68-71.
126. Курков К.Н. Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в. (экономический и социокультурный аспекты): автореферат

- диссертации доктора исторических наук: 07. 00. 02. М.: «Готика», 2006. – 50 с.
127. Курков К.Н. Дворяне – предприниматели в России начала XX века // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 104-115.
128. Кучинский Ю. Очерки истории германского империализма. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. Т. 1. – 365 с.
129. Кучинский Ю. Очерки по истории мирового хозяйства. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. – 208 с.
130. Ладыгин А.В. Образ Германии в сознании российского общества в 1870-1890 гг.: по материалам прессы: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / [Место защиты: Уральский государственный университет имени А.М. Горького]. Екатеринбург, 2010. – 238 с.
131. Ланник Л.В. Германская военная элита периода Первой мировой войны и Россия: восприятие и взаимовлияние: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 03. / [Место защиты: Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 2009. – 298 с.
132. Леонтьев Я.В. К истории создания Партии революционного социализма. // Политические партии в российских революциях в начале XX века: [по материалам научной конференции: сборник]. / Кол. авт. Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций; сост. С.М.Исхаков, ред. Г.Н. Севостьянов. М.: «Наука», 2005. С. 357-377.
133. Лещинский Л.М. Банкротство военной идеологии германских империалистов. М.: Военное изд-во, 1951. – 344 с.
134. Лиддел-Гарт Б.Г. Правда о Первой мировой войне. / Генри Басил Лиддел-Гарт; [пер. с англ. О. Триэля]. М.: «Яуза», 2009. – 480 с.
135. Лукин-Антонов Н.М. Очерки по Новейшей истории Германии 1890-1914 гг. Л. - М.: Госиздат, 1925. – 436 с.

136. Лукьянов М.Н. «Образ врага» или «образ друга»? Германия и Великобритания глазами русских правых накануне Первой мировой войны // Вопросы культурологии. 2010. № 8. С. 45-49.
137. Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. – 752 с.
138. Максимов И.П. Истоки и исторические предпосылки немецкого федерализма // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. 2020. № 2. С. 61-67.
139. Мальков В.Л. и др. Первая мировая война: пролог XX века. М.: «Наука», 1998. – 693 с.
140. Матвеева А.Г. Германская империя. 1870-1914. М.: ИВИ РАН, СГУ, 2003. – 162 с.
141. Мельгунов С.П. Последний самодержец: (Черты для характеристики Николая II). М.: «Задруга», 1917. – 16 с.
142. Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1910. – 404 с.
143. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. М.: «Наука», 2002. – 686 с.
144. Мироненко С.В. Эпоха прагматического самодержавия // Родина. 2015. № 2. С. 2-4.
145. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 1. – 548 с.
146. Миронов В.Б. Российская империя XIX – начала XX века. М.: «Вече», 2011. – 796 с.
147. Михайлов В.В. Восточный вопрос и позиции Великобритании и России в Первой мировой войне: диссертация доктора исторических наук: 07.00.03. / [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2009. – 636 с.
148. Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914-1918 гг. М.: Госполитиздат, 1940. – 296 с.

149. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: «Конкорд», 1996. – 148 с.
150. Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб.: «Алетейя», 2002. – 256 с.
151. Назаров А.Н. Первая мировая война в массовом сознании российского населения (на материалах Северо-Запада) // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 41. С. 15-16.
152. Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия: за что и с кем мы воевали. М.: Айрис-пресс, 2007. – 231 с.
153. Нарочницкая Н.А. Россия в идейных и геополитических проектах мировой истории (конец XIX – XX вв.) в свете религиозно-философских основ истории: автореферат диссертации доктора исторических наук: 07. 00. 02. М.: Московский педагогический государственный университет, 2002. – 47 с.
154. Невоструев Н.А. Идеи С.Ю. Витте о развитии России и реальность // АНТРО. 2013. № 2. С. 76-84.
155. Нежинский Л.Н. Российская геополитика в XX в.: преемственность и противоречия: [сборник статей] / Российская акад. наук, Институт российской истории; [отв. ред.: Л.Н. Нежинский]. М.: Изд. центр Института российской истории РАН, 2013. – 249 с.
156. Неймарк М.А. Евросоюз в концептуальных обоснованиях внешней политики России // Современная Европа. 2020. № 3. С. 28-38.
157. Низалова Е.В. Вильгельм II и русско-японская война 1904-1905 гг.: к вопросу о влиянии германского кайзера на внешнюю политику Российской империи в начале XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 22. С. 81-86.
158. Низалова Е.В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы: диссертация кандидата исторических наук. М.: МПГУ, 2013. – 160 с.

- наук: 07. 00. 02. / [Место защиты: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена]. СПб., 2007. – 223 с.
159. Николенко А.В. Образ внешней политики России конца XIX – начала XX века в сознании политической и военной элиты страны: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / Краснодар, 2010. – 263 с.
160. Новгородцев Л.В. Германия и её политическая жизнь. СПб.: «Знание», 1904. – 184 с.
161. Норден А. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. М.: Государственное изд-во иностранной литературы, 1948. – 294 с.
162. Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. – 240 с.
163. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. – 288 с.
164. Оболенская С.В. «Германский вопрос» и русское общество конца XIX в. // Россия и Германия. Вып. 1 / Отв. ред. Б.М. Туполев. М.: «Наука», 1998. С. 190-205.
165. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. – 210 с.
166. Ольденбург С.С. Николай II. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М.: «Эксмо», 2010. – 432 с.
167. Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М.: АСТ: «Астрель», 2008. – 764 с.
168. Оськин М.В. Первая мировая война. М.: «Вече», 2010. – 367 с.
169. Павленко О.В. Геополитическое проектирование «Большой европейской войны» в 1910-1914 гг.: российский ракурс // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 7. С. 11-38.
170. Патрушев А.И. Германская история. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 256 с.

171. Патрушев А.И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М.: Изд-во Московского университета, 2009. – 432 с.
172. Пахалюк К.А. Идеологические причины делегитимизации самодержавия в России // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 45-52.
173. Петряев К.Д. Курс лекций по истории Франции, Германии, Англии, Ирландии и США. 1871 - 1914 гг. Киев: Изд-во Киевского университета, 1958 - 1960. – 443 с.
174. Петряев К.Д. Курс лекций по истории Франции, Германии, Англии и США. 1871-1914. Одесса, 1956. – 355 с.
175. Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье в 1910 – 1918 гг. М.: «Наука», 1978. – 223 с.
176. Платонов О.А. Последний государь: жизнь и смерть. М.: Изд-во «Алгоритм», 2005. – 640 с.
177. Подольников В.В. Кайзер Вильгельм II и его правление в исторической литературе. // Третий этаж: Историко-литературный альманах. / Кол. авт. Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 1999. № 2: / Ред. С.Г. Горяйнов, Н.А. Решетова. 1999. С. 117-122.
178. Покровский М.Н. Внешняя политика России в XX веке [Текст]: популярный очерк. М.: URSS, 2001. – 94 с.
179. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. ст. М.: «Красная новь», 1923. – 392 с.
180. Покровский М.Н. Империалистическая война. 1915-1930. М.: URSS, 2009. – 340 с.
181. Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов [Текст]: историографические очерки, критические статьи и заметки. М.: URSS, 2011. – 325 с.

182. Политические партии России: история и современность. / Под ред. проф. А.И. Завелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М.: «РОССПЭН», 2000. – 631 с.
183. Попов А.Д. Агадирский кризис и его отражение в российских «толстых» журналах начала XX века // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 2 (14). С. 118-124.
184. Попов Г.Г. Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты) // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). Т. 1. № 3. 2010. С. 93-105.
185. Притченко Е.Г. Становление либерализма в России в условиях трансформации социальной системы (XIX – начало XX вв.) // Вестник высших учебных заведений Черноземья. 2010. № 2. С. 99-104.
186. Прокопьев В.П. Армия и государство в истории Германии X–XX вв. Историко-правовой очерк. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 129 с.
187. Работяжев Н.В. Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // Вестник Московского университета. 2009. № 5. С. 74-94.
188. Репников А.В. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 25-40.
189. Репников А.В. Образ Германии в представлениях русских консерваторов накануне и в период Первой мировой войны // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога / Отв. ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2012. – С. 90-104.
190. Рогожин А.А. Влияние международных отношений на процесс формирования и развития немецкого национального самосознания (1871-2009 гг.): тенденции, закономерности, результаты: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 15. / [Место защиты:

Нижегородский государственный университет имени Н.И.Лобачевского]. Нижний Новгород, 2012. – 234 с.

191. Россия и Германия = Rußland und Deutschland. / Институт всеобщей истории РАН. М.: «Наука», 1998. Вып. 3. / Отв. ред. Б.М. Туполев. 2004. – 411 с.
192. Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. – 380 с.
193. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 705 с.
194. Румянцев А.И. Взгляды П.Н. Милюкова на балканскую политику России накануне Первой мировой войны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4. С. 175-183.
195. Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: «РОССПЭН», 2005. – 392 с.
196. Савченко И.А. Россия - Германия: история взаимоотношений: монография. / И.А. Савченко, В.П. Овсянников. Тольятти: Изд-во Тольяттинской государственной академии сервиса, 2005. – 343 с.
197. Садовая Г.М. Кайзер Вильгельм II: «режим личного правления» или «поликратия» // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 79. С. 102-106.
198. Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте и его политика в общественном мнении России: диссертация кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / [Место защиты: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Исторический факультет]. М., 2008. – 267 с.
199. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX вв. СПб.: Юридический центр пресс., 2002. – 273 с.

200. Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. М.: Мосгорархив, 1996. – 282 с.
201. Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции: (от Антанты к Германии): По новым документам. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. – 247 с.
202. Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 г. Новые аспекты // Новая и Новейшая история. 2007. № 5. С. 50-64.
203. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Творчество науч. изд. КМК, 2012. – 453 с.
204. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900-1914 гг. М.: ИВИ РАН, 2001. – 286 с.
205. Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Военные агенты Российской империи в Европе, 1900-1914 гг. / Институт всеобщей истории Рос. акад. наук. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. – 419 с.
206. Сидоров А.Л. Первая мировая война. 1914-1918. М.: «Наука», 1968. – 380 с.
207. Сидорова М.М. Геополитическая дилемма России в конце XIX – начале XX в. / М.М. Сидорова; кол. авт. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Факультет государственного управления. М.: МАКС Пресс, 2003. – 173 с.
208. Силин А.С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке в конце XIX в. М.: «Наука», 1971. – 256 с.
209. Синегубов С.Н. Германо-английское морское соперничество в 1900-1914 гг.: диссертация доктора исторических наук: 07. 00. 03. / [Место защиты: Тюменский государственный университет]. Тюмень, 2010. – 559 с.
210. Синегубов С.Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904-1911 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1. С. 202-210.

211. Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. 1879-1885. М.: «Наука», 1974. – 271 с.
212. Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 127-146.
213. Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881-1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 351 с.
214. Сорокин А.Н. Германия в ЕС: история и современность // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 143-148.
215. Софьин Д.М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов императорского дома, конец XIX – начало XX века: автореферат диссертации кандидата исторических наук: 07. 00. 02. / Пермь, 2010. – 30 с.
216. Спирин Л.М. Россия. 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: «Мысль», 1987. – 333 с.
217. Станкевич В.Б. Россия и Германия: Прошлое, настоящее, будущее. Берлин: Русское универсальное издательство, 1922. – 123 с.
218. Степанов С.А. Кадеты (Конституционно-демократическая партия) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 8. С. 75-84.
219. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники. (Торговые отношения в конце XIX в. - 1914 г.). М.: ИРИ, 1996. – 271 с.
220. Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 640 с.
221. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 5. – 204 с.
222. Тарле Е.В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира 1814-1919 гг. Л.: «Прибой», 1927. – 199 с.

223. Тарле Е.В. История территориальных захватов (XV – XX век): [Сочинения]. / Е.В. Тарле; Предисл. Яков Кранцфельд. М.: ЭКСМО, 2001. – 797 с.
224. Тенденции развития немецкой банковской системы и опыт для России = Tendenzen im deutschen Banksystem und Erfahrung für Russland. / Под ред. Г.Н. Белоглазовой, Д. Хуммеля, Т.Н. Никитиной, К. Бергер. СПб.: Изд. дом «Бизнес-пресса», 2002. – 528 с.
225. Тихвинский С.Л. Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. / Российская академия наук, Институт российской истории. М.: «Наука», 2007. – 358 с.
226. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с.
227. Толмачёв Е.П. Александр III и его время. М.: Терра – Книжный клуб, 2007. – 720 с.
228. Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX вв. / АН СССР, Институт всеобщей истории. М.: «Наука», 1991. – 293 с.
229. Туполев Б.М. Европа, США и колониальный мир. Сб. ст. / АН СССР, Институт всеобщей истории. М.: «Наука», 1988. – 261 с.
230. Туполев Б.М. Монополистический капитал и экспансия Германии в конце XIX – начале XX вв. // Ежегодник германской истории. 1978. - М.: 1979. С. 227-255.
231. Туполев Б.М. План Шлиффена и Россия. // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. / Воронежский государственный университет, исторический факультет, Воронежский региональный центр герм. исследований. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. Вып. 3: Материалы международной научной конференции

- «Россия и Германия: опыт и уроки отношений в XIX – XX вв.». / Отв. ред. В.А. Артемов. 2000. С. 38-42.
232. Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны. // Новая и Новейшая история. 2002. № 4. С. 27-46.
233. Тютюкин С.В. Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов. // Отечественная история. 1996. № 4. С. 72-85.
234. Улуныян А.А. Балказия и Россия = Balkasia and Russia: Структура угроз национальной безопасности Российской империи и на Балканах, в Центральной и Передней Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900-1914 гг.). М., 2002. – 321 с.
235. Улуныян А.А. Мировая война могла начаться на Балканах в 1902 г.? / А.А.Улуныян. // Средняя Европа: проблемы международных и межнациональных отношений, XII-XX вв.: [памяти Т.М. Исламова: сборник]. / Российская академия наук, Институт славяноведения; отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб.: «Алетейя», 2009. С. 248-256.
236. Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI-XX века. / [Отв. ред. А.Н. Сахаров]. М.: Изд. центр Института российской истории РАН, 2007. – 382 с.
237. Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск: «Русич», 2000. – 640 с.
238. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: «Алгоритм», 2001. – 592 с.
239. Фирсов С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. М.: «Молодая гвардия», 2010. ЖЗЛ. – 524 с.
240. Фишер Л.А. Образ Германии в русской прессе 1905-1914 годов. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences: Научный журнал. 2009. № 97. С. 80-85.
241. Фишер Л.А. Проблема черноморских проливов в российско-германских дипломатических отношениях в 1908-1914 гг.: диссертация кандидата

- исторических наук: 07. 00. 02. / [Место защиты: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена]. СПб., 2008. – 459 с.
242. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. М.: РОССПЭН, 2017. – 676 с.
243. Флоринский М.Ф. Совет министров России и военное министерство накануне Первой мировой войны // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 5. С. 241-254.
244. Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 695 с.
245. Хвостов В.М. История международных отношений 1870-1918 гг.: (Краткий конспект курса). / Военно-политическая ордена Ленина академия РККА имени В.И. Ленина. М.: «Академия», 1940. – 75 с.
246. Хвостов В.М. Как развивался германский империализм. М.: Госполитиздат, 1943. – 56 с.
247. Хвостов В.М. Международные отношения 1871-1900 гг. и борьба за раздел мира. / Военно-политическая ордена Ленина академия РККА имени В.И. Ленина. М.: «Академия», 1940. – 23 с.
248. Хвостов В.М. Франко-русский союз и его историческое значение. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 80 с.
249. Хидояттов Г.А. Дипломатия XX века. М.: СМИ-АЗИЯ, 2010. – 904 с.
250. Цфасман А.Б. Классовая борьба в Германии в период империализма. 1900-1945 гг. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного педагогического института, 1988. – 128 с.
251. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Изд-во Гуго Штейница, 1900. – 180 с.
252. Шарапов С.Ф. С Англией или с Германией? Обмен мыслей между С.Ф. Шараповым и М.О. Меньшиковым. М.: «Свидетель», 1908. – 84 с.

253. Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 103-116.
254. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. Кол. авт. Институт российской истории РАН. М.: «РОССПЭН», 2000. – 398 с.
255. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-41.
256. Шеремет В.И. Босфор: Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны: По материалам русской военной разведки. М.: Технол. школа бизнеса, 1995. – 285 с.
257. Шилов С.П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897-1914 гг.): диссертация доктора исторических наук: 07. 00. 03. / [Место защиты: Тюменский государственный университет]. Тюмень, 2004. – 361 с.
258. Шилов С.П. Германия и развитие российского черноморского флота перед Первой мировой войной. // Европа: международный альманах. / Тюменский государственный университет; [отв. ред. С.В. Кондратьев]. Тюмень, 2001. Вып. 2: Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2002. С. 176-187.
259. Шилов С.П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897-1914 гг. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004. – 144 с.
260. Широкоград А.Б. Николай II. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2013. – 445 с.
261. Широкоград А.Б. Россия и Германия: история военного сотрудничества. М.: «Вече», 2007. – 394 с.
262. Шишов А.В. Персидский фронт (1909-1918). Незаслуженно забытые победы. М.: «Вече», 2010. – 352 с.
263. Шуб Д.Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.). Нью-Йорк: «Новый журнал», 1969. – 221 с.

264. Эмиль Л. Последний Гогенцоллерн: Вильгельм II. Л.: «Красная газета», 1929. – 316 с.
265. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: типография товарищества И.Д. Сытина, 1915. – 48 с.
266. Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871-1914. / hrsg. von Conrad S. und Osterhammel J. Gottingen, 2004. – 327 S.
267. Euchner Walter. Karl Marx. München: Beck Verlag, 1983. – 208 S.
268. Foster William Z. History of the three Internationals. The World Socialist and Communist Movements from 1848 to the Present. New York: International Publishers, 1955. – 617 p.
269. Gemkow Heinrich. August Bebel. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1986. – 111 S.
270. Heckert Fritz. Ein revolutionärer Führer des Proletariats. Eine biographische Skizze / Herausgeber: Bezirksleitung Karl-Marx-Stadt der SED Kommission zur Erforschung der Geschichte der örtlichen Arbeiterbewegung. Karl-Marx-Stadt, 1974. – 87 S.
271. Laschitza Annelies. Deutsche Linke im Kampf für eine demokratische Republik. Berlin: Dietz Verlag, 1969. – 294 S.
272. Lemnitz Alfred. Einführung in Lenins Schrift „Der Imperialismus als höchstes Stadium des Kapitalismus“. Berlin: Dietz Verlag, 1989. – 64 S.
273. Radczun Günter. Es begann an einem Sonntag. Zur Revolution von 1905 bis 1907 in Russland. Berlin: Dietz Verlag, 1974. – 93 S.
274. Schröder Wolfgang. Klassenkämpfe und Gewerkschaftseinheit. Berlin: Tribüne Verlag, 1965. – 400 S.
275. Wohlgemuth Heinz. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung von der Jahrhundertwende bis zur Novemberrevolution. Berlin: Dietz Verlag, 1960. – 164 S.
276. Wohlgemuth Heinz. Karl Liebknecht. Eine Biographie. Berlin: Dietz Verlag, 1975. – 533 S.